Боевые ребята

Вып. 1 (27)

СВЕРДЛОВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО · 1957

Сб
575

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
СБОРНИК ДЛЯ ДЕТЕЙ

БОЕВЫЕ РЕБЯТА

108018

ВЫПУСК ПЕРВЫЙ (27)

Детская Центральная Библиотека
г. Свердловск

СВЕРДЛОВСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1957

Редактор *И. Круглик*
Художественный редактор
Б. Жутовский
Корректор *Г. Кожевникова*

* * *

Подписано к печати 4/IV 1957 г.
Уч.-изд. л. 7,78. Бумага 84×108/16=
=4 бумажного—13,12 печатного листа.
НС 19050. Тираж 35000. Заказ 18.
Цена 4 р. 10 к.

Типография издательства
«Уральский рабочий»,
Свердловск, ул. имени Ленина, 49.

Птицы Мира

ВИТАЛИЙ БИАНКИ

Рисунки Б. Жутовского

Принято думать, что все перелётные летят к зиме на юг. Это неверно. Птицы летят от нас по всем направлениям: и на юг, и на восток, и на запад. Стаи перелётных пересекают Чёрное и Средиземное моря, зимуют в Северной, Средней и Южной Африке. Многие наши чайки, утки, певчие птицы зимуют в Англии, Франции, Испании. Некоторые казарки, чайки, кулики осенью летят на восток — из Азии через Великий океан в Америку. Множество видов наших сибирских птиц перелетают среднеазиатские горы и пустыни в Индию, Индокитай, Вьетнам... А один наш быстрокрылый сокол-чеглок достигает самого «края земли» — Австралии, там недолго отдыхает и спешит назад — к нам — на свою родину, к нашей радостной весне.

Хотел бы я быть главнокомандующим всеми бесчисленными легионами наших перелётных птиц!

Я бы кликнул клич всем нашим ребятам-школьникам и дошкольникам: знаю, они охотно взялись бы за большое дело.

Мы ловили бы птиц, и каждой перелётной от мала до велика — от ласточки до журавля — надели бы на ножку скатанное в лёгкую трубочку посланьице, как это делают с почтовыми голубями. И отпускали бы птиц на волю: лети, куда тебе положено!

Вот полетели бы птицы над нашими полями, конца края которым не видать и с птичьего полёта, над степями, где прямыми ниточками протянулись ряды саженцев — защита от смертоносных суховеев, над гигантской сетью оросительных каналов, над могучими реками, где строятся электростанции неслыханной в мире мощности, над морями в дымках грузовых и пассажирских пароходов и горами, на вершинах которых воздвигаются метеорологические и астрономические обсерватории для наблюдения над погодой и небесными светилами...

И, разлетевшись по всему миру, наши перелётные принесут всем народам радостную весть.

Наши громкоголосые журавли протрубят из поднебесья:

— Почта из СССР! Почта из СССР!

Ласточки, залетая под кровли, будут щебетать людям на ушко:

— Почта из СССР! Почта из СССР!

Никакая пограничная стража, никакая полиция внутри стран не может остановить наших крылатых письмоносцев, им не откажешь в визе.

Люди ловили бы птиц и снимали бы с ножки наше посланьице, разворачивали бы его и читали:

«Брат! Клянись, что ты сделаешь всё, что в твоих силах, чтобы не было войны! Мы к этому прилагаем все усилия.

СССР»

Пройдёт многотрудная зима, весеннее солнце растопит снега, и бесчисленные стаи перелётных весёлым прибоем хлынут на родину — к нам.

С радостью встретят их наши ребята — школьники и дошкольники.

Опять начнём ловить птиц — маленьких и больших.

И у многих из них — от журавля до ласточки — снимем с ножки ответное посланьице зарубежных братьев и сестёр:

«Клянусь!»

И подпись.

СЕРГЕЙ НЕУСТРОЕВ

Рисунки М. Шестакова

В декабре 1905 года российский пролетариат и крестьянство под руководством партии большевиков поднялись против царя, капиталистов и помещиков. Это была первая русская революция. На Урале она с особой силой разгорелась в рабочей слободе Мотовилихе, близ Перми (ныне город Молотов). Вместе со своими отцами и братьями в революционной борьбе участвовали и ребята. Одного такого юного революционера описывает С. Неустроев в рассказе «Андрейка-дружинник».

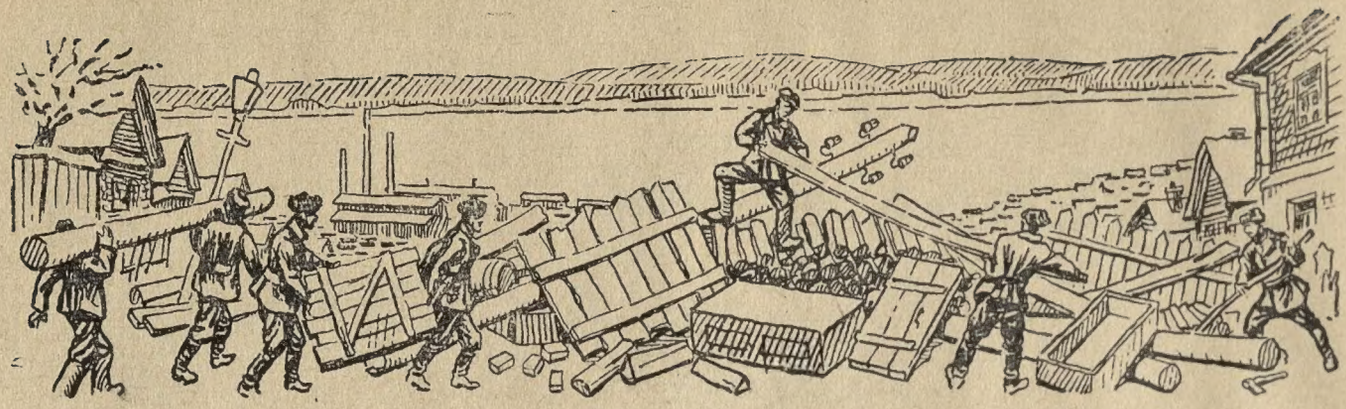
Поздняя осень 1905 года. Тринадцатилетнего Андрейку Камаева целиком захватили бурные события.

Рабочие Пермского пушечного завода в Мотовилихе бастуют вот уже несколько дней. Забастовкой руководит Совет рабочих депутатов. Совет создал боевую дружину. Дружинники разоружили полицию и изгнали её из посёлка. Теперь в Старом театре или на Базарной площади открыто проходят народные собрания и митинги.

Андрейка обязательно присутствовал на всех митингах и собраниях. Не только на Висиме, где он живёт, а по всей Мотовилихе — на Луге, в Залве, в Запруде — теперь есть у него друзья и товарищи. Даже в Перми, где ему в этот памятный год приходилось часто бывать, среди ребят заводских окраин мальчик считался своим. Он знал председателя Совета Андрея Юрьевича Юрша и «главного дружинника», как говорили в посёлке, Александра Лукича Борчанинова.

— А я скоро буду дружинником! — хвастался Андрейка.

Юрш и Борчанинов хорошо знали Андрейку — сына рабочего оружейно-сборочного цеха, депутата и дружинника,— верили ему и не раз поручали доставить в Пермь важные пакеты. Как-то мальчуган решился обратиться к Юршу:



— Дяденька Андрей, запишите меня в дружину!

— В дружину? Нет, Андрейка, рановато, не пришло ещё твоё время. Да и оружия у тебя нет, а без него, посуди сам, какой ты дружинник?

— В доме Абрашева дают ведь.

— Давали. Больше нечего давать.

Андрейка ушёл ни с чем, но не оставил своей мечты. «Главный дружинник — Борчанинов, — размышлял он,— его и надо просить». Однажды декабрьским утром пришёл он в дом Абрашева, где расположился штаб боевой дружины, и сразу к Борчанинову:

— Лександр Лукич, а если я достану оружье или леворвер, возьмёте меня в дружину?

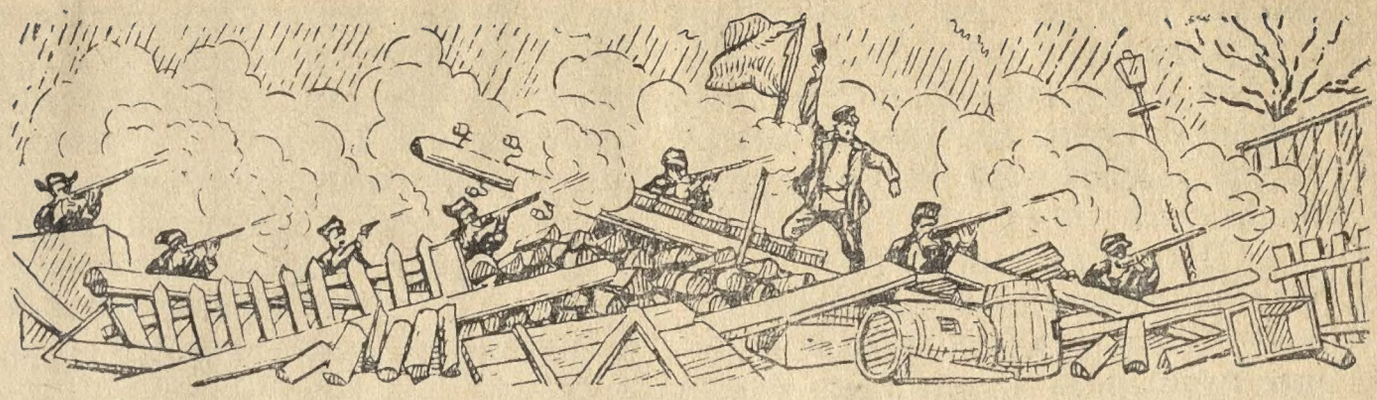
Борчанинов улыбнулся.

— Да ты, хлопец, смотрю я, упорный. То Андрея Юрьевича, то меня осаждаешь. В одну точку бьёшь — это хорошо. Что ж, достанешь револьвер, возьмём. Обязательно возьмём. А сейчас у меня к тебе просьба: не дойдёшь ли ты до станции? Надо бы передать письмецо одному человеку, а мне, видишь, всё некогда.

Александр Лукич рассказал, как и где найти нужного человека. Андрейка готов был выполнить любое задание Борчанинова, только бы тот не забыл своего обещания.

— Я мигом, Лександр Лукич. А оружье я всё равно достану!

12 декабря в Мотовилихе узнали от железнодорожников о восстании московских рабочих. В Старом театре шёл митинг. От имени больше-



виков Андрей Юрьевич Юрш призывал рабочих Перми к восстанию:

— Товарищи! Пролетариат Москвы уже несколько дней бьётся с царизмом. Мотовилихинцы никогда не стояли в стороне от всенародной борьбы с произволом. Пришло время действовать, действовать оружием. К оружию, товарищи!

— Пришло время, — повторил Андрейка слова оратора. «Теперь пришло, видать, и моё время»,— с этой мыслью он выбрался из театра и отправился в штаб дружины.

А в доме Абрашева Борчанинов давал приказ дружинникам: для обороны от возможного нападения царских войск построить баррикады или выбрать удобные засады на главных улицах посёлка и на подступах к заводу. Группы вооружённых рабочих тотчас стали расходиться по посёлку. На Андрейку, как тот ни старался попасть на глаза взрослым, никто не обращал внимания. Он от обиды чуть не заплакал: все уходят, а его не берут.

— Андрей Степанович, — позвал кто-то, — чего стоишь без дела? Идём баррикады строить.

Андрейке даже в голову не могло придти, что это его зовут.

— Ты что, не понимаешь по-русски?— легонько подтолкнул его весёлый молодой рабочий.— Идём с нами на Висим.

Андрейка не стал ждать новых приглашений и быстро пристроился к отряду. Сердце его радостно колотилось: «Как дружинник, в строю!» Одно досадно — никто из ребят не видел его и не мог позавидовать: был уже поздний вечер.

До глубокой ночи дружинники строили баррикады: одну по Томиловской улице, недалеко от Андрейкиного дома, другую по Верхне-Висимской, на углу с Баковской. Андрейка, знавший на Висиме все ходы и выходы, все огороды и загородки, нашёл во дворе торговца Ширяева необходимые для сооружения преград брёвна, жерди, доски. За это старшие товарищи пообещали ему поговорить с Борчаниновым или Юршем, чтобы те записали его в дружину.

— Только это завтра, а сейчас спать!

... Проснулся Андрейка рано.

— Ты куда это ни свет ни заря?

— Мама, я тебе воды принесу, дров наколю, а потом пойду отца проведаю.

— Ладно, оденься только теплее. Отцу-то поесть унеси. Голодный, по-

ди. Да, смотри, осторожней там и не задерживайся.

Андрейка скорей побежал по Большой улице к Старому театру, где собралось уже много дружинников.

— Ты что здесь делаешь?— услышал он знакомый отцовский голос.

— Меня мама послала тебе харчей принести,— ответил сын и сразу попытался свести разговор на другое.— У вас и баррикад-то тут нет. Вот у нас на Висиме — это да! Высокие — сажень!

— А ты ведь врёшь, наверное?

— Ей-богу, сажень!

— Да я не о том. Вряд ли мать тебя ко мне послала. Знаешь, хлопец, вернись-ка ты на Висим. Матери скажешь, что я жив и здоров. Да и к дому будешь ближе.

— Не, я не пойду. Мама сказала, чтоб я с тобой всё время был.

— Это ты совсем врёшь,— рассердился отец, но почему-то не настаивал на уходе сына.

...С заводского митинга пришли Юрш и десятка два вооружённых рабочих. Пока дружинники обменивались приветствиями, Юрш сообщил что-то Борчанинову, и Александр Лукич обратился ко всей дружине:

— Товарищи, из Перми передали по телефону, что к нам направлены солдаты и казаки. Необходимо сейчас же расположить силы так, как мы условились.

К двенадцати часам дня вооружённые рабочие отряды заняли указанные штабом позиции.

На Большой улице как-то сразу исчезли все пешеходы, и стало тихо-тихо.

Камаевы, отец и сын, были в десятке Юрша. Андрейка посмотрел на всех, и ему стало обидно: все были с оружием — кто с берданкой, кто с шомпольным дробовиком, кто с револьвером, а у некоторых были ещё и сабли, только у него ничего не было. Андрей Юрш заметил настроение мальчика и подозвал его к себе:

— Знаешь что, тёзка? Ты будешь у нас курьером для связи. Ты самый молодой, бегаешь быстро, и мы эту обязанность можем доверить только тебе. Сейчас лети к Малой проходной, узнай от Пташинского о положении на станции и сразу обратно.

— Я мигом, Андрей Юрьевич!

Маленький связной стремглав бежал до Заводского переулка. Около железнодорожной линии ходили группы дружинников, среди которых находился и Пташинский.

— Я от Юрша,— сразу обратился к нему запыхавшийся курьер.

В это время со станции донёсся гудок паровоза: подошёл товарный поезд. Из вагона на перрон высыпали солдаты. Они построились и пошли вдоль линии к Малой проходной.

— Сейчас же обратно, слышь, Камаев, и передай Юршу, что прибыли солдаты,— сказал Пташинский.

До моста Андрейка добежал, как ему показалось, в один миг. Но только он успел сказать: «Андрей Юрьевич, солдаты!» — как от Малой проходной послышались выстрелы.

— Ну вот, товарищи, кажется, начинается, — спокойным голосом проговорил Юрш. Как бы в под-

тверждение его слов и на Камской улице раздались четыре выстрела.

— Это ещё что такое? — удивился Андрей Юрьевич. Все переглянулись. Юрш подозвал к себе безусого паренька.

— Разведай-ка, Володя, что стряслось там, на Камской?

— И я с ним! — рванулся Андрейка.

— Нельзя! Мало ли что может случиться, тебе ещё жить да жить надо,— решительно сказал Юрш.

— Пусть идёт,— вмешался Володя.— В случае чего, я его аллюром сюда, а сам...— Ваганов сдёрнул с плеча берданку и многозначительно потряс ею. Юрш посмотрел на старшего Камаева, тот молча кивнул головой. Володя и Андрейка быстро пошли на Камскую.

Выстрелы с Камской стали слышнее и чаще. Не прошло и четверти часа, как из калитки дома, смотрящего своими окнами на Иву, вынырнул Андрейка. Он бежал во весь дух и кричал:

— Дядя Юрш, Андрей Юрьевич, карателі! Казаки! Володя велел сказать: Безолуцкий отступает.

— Как отступает? Куда отступает?

— Через дворы и огороды к Малой проходной уходят.

— Эх, напрасно! Прямо на солдат напорются.

А от Малой проходной уже доносилась ожесточённая перестрелка...

Вскоре на Большую с Камской осторожно выехали сперва несколько всадников, а за ними и вся сотня. На перекрёстке улиц казаки остановились. Потом они поделились на две полусотни и направились — одна к Сунцеву мосту, другая к Заводскому переулку на соединение с солдатами.

— По местам, приготовиться! — дал команду Юрш.

Каждый дружинник выбрал себе удобную позицию для стрельбы по врагу. Безоружный Андрейка не знал, что ему делать, и растерянно топтался на месте.

— Иди ко мне, Андрейка. Будешь подавать патроны, — позвал его Володя Ваганов.

— Андрюша, ты осторожней, зря не высовывайся,— беспокоился за сына Степан Андреевич.

— Не маленький,— буркнул сын.

Казаки надвигались. Когда первые ряды въехали на мост, дружинники дали залп. Кони вздыбились и

захрапели. Поднялась суматоха: передние старались повернуть обратно, а задние всё ещё стремились вперёд. Раздался второй залп, и посыпались часто-часто одиночные выстрелы. Казаки сообразили, наконец, что надо выходить из-под огня, повернули и ускакали на Камскую, утащив с собой раненых.

Андрейка видел, как на мостовую, почти рядом с засадой, из рук одного раненого карателя выпала винтовка. Он даже задрожал от волнения: «Вот оно, оружие!»

Казаки ещё удирали, когда Андрейка выскочил из-за угла дома и бросился на мостовую.

— Куда ты, дьяволёнок? Назад! — закричал отец.

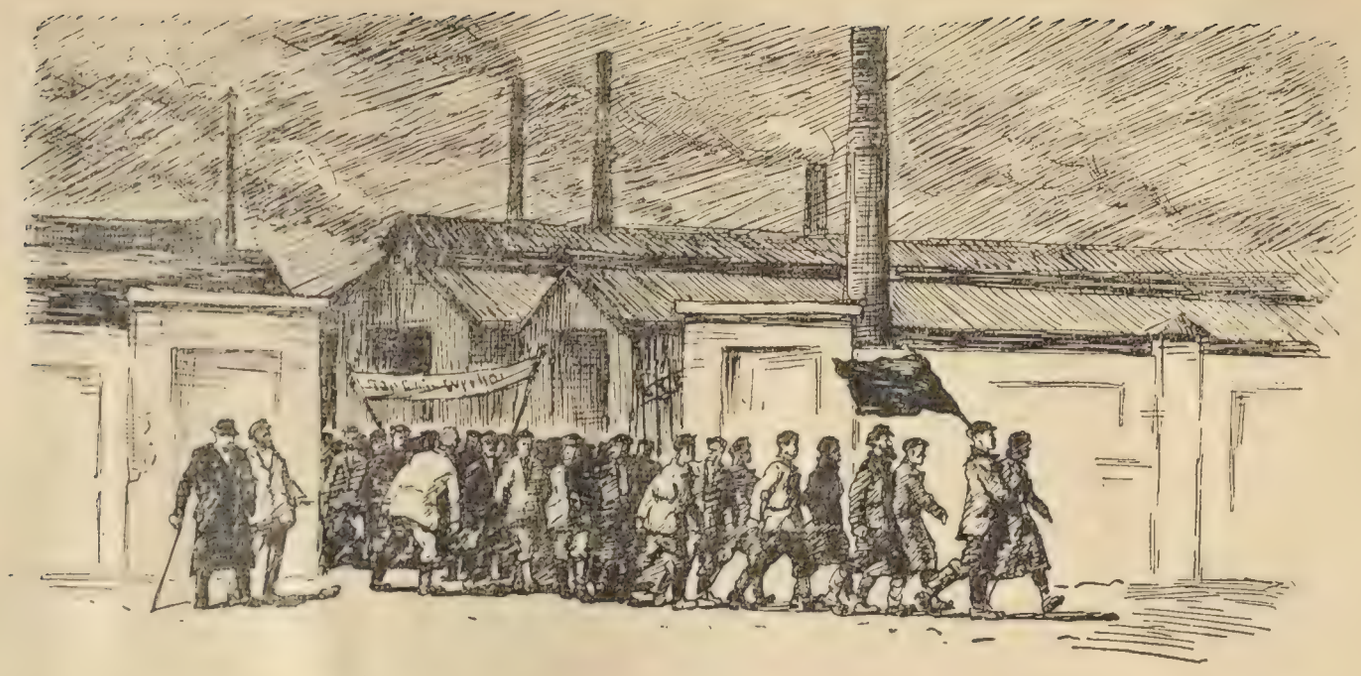
«Дьяволёнок» не остановился. Он был уже у винтовки, схватил её за ремень и, то и дело спотыкаясь, побежал обратно. Казаки, снова показавшиеся с Камской, открыли частую стрельбу.

— Маятником беги! — советовали из засады.

— Отлуплю, как сидорову козу! — встретил сына Степан Андреевич. А тот, побледневший, стоял перед отцом и покорно ждал родительской кары, но винтовку держал крепко. Отец неожиданно обнял сына и погладил шершавой рукой его щеку.

— Не надо, сынок, на рожон-то лезть.

— Тять, а я теперь настоящий дружинник, — прошептал счастливый Андрейка.



БЫЛОЕ

УСТНЫЕ РАССКАЗЫ СТАРЫХ УРАЛЬСКИХ РАБОЧИХ

Рисунки С. Киприна

Отец мой, Василий Иванович Бондин, работал на Надеждинском заводе вальцовщиком. Зарабатывал он мало, а было у него девять сыновей и четыре дочери. Вот и прокорми такую большую семью! Отец купит муки, голову коровью или брюшину да картошку. Так и жили, очень тяжело.

Сейчас по окончании десятилетки юноши и девушки решают — кем быть? Перед ними открыты все двери. По-другому было во времена нашей юности. Мы, бывало, только влезем в штанишки — и сразу на завод. Не от хорошей жизни это приходилось делать. Отцу тяжело было всех выучить. Я окончил три класса.

А дальше в учёбе для нас, бедных, и хода не было. Так и говорили нам: «Не для вашего брата гимназии созданы».

Посудили, порядили дома, а выход один: послать меня на завод.

Тяжело было родным отправлять на работу одиннадцатилетнего мальчишку. Плакала мать. Отец повёл меня в сорто-

прокатный цех, где сам работал вальцовщиком. Страшно было поначалу.

А товарищи отца подбадривают: «Не трусь, Митька, профессия у нас горячая, интересная». Я сам видел, что работа горячая, интересная. Кругом огонь. Раскалённые полосы, как змеи, вьются, стан грохочет: интересно, но страшно. Поставили меня к печи крышки открывать. Эта работа считалась лёгкой, а крышка пуда два весила. Хоть и посредством рычага её поднимали, а всё же тяжело. Открою её с трудом, из печи пламя обдаст жаром, нос в сторону воротит. Отворачиваешься, а заглянуть в печь хочется. Мальчишеское любопытство разбирало. Через это любопытство и полюбил я горячую профессию.

По-настоящему полюбил её, когда к прокатному стану поставили.

Самая боевая работа была там при прокатке обручного железа. Выскочит обручная лента из валов и — змеёй по жёлобу.

Схватишь её за конец клещами и — бегом по прокатному полю. А вальцовщики кричат: «Митяй! В натяжку, в натяжку дуй!» Это значит, надо бежать с такой скоростью, чтобы полоса, выталкиваемая валками, не сделала ни одной колышки, то есть петли. И вот за день так набегаешься, придёшь домой — как мёртвый, спать завалишься. А мастера сердитые были, мальчишек не жалели. Чуть ошибся, дадут подзатыльник.

Очень мечтал я вальцовщиком стать. В то время такую мечту осуществить было нелегко. Мастера держали при себе свои секреты. «Мы,— говорили,— до мастерства сами дошли, и вы доходите». Ну, старался сам.

При советской власти дело пошло по-другому. Молодёжь учить стали. В первые годы советской власти тяжеловато ещё было. Оборудование в цехах старое, и управлять-то заводом только учились.

И продвигаться в работе трудно было, так как образования не хватало. Но партийная организация помогала мне, поставили меня учиться к опытному вальцовщику-коммунисту.

Всё больше и больше любил я профессию прокатчика.

Вспоминал я, как отец работал, так обидно бывало за него, что не дожил до такой жизни старик мой. Вот бы порадовался он за своего сына-мастера!

Д. В. Бондин

мастер сортопрокатного цеха
Серовского металлургического завода

Отец мой был модельщиком Верх-Исетского завода. Семья большая — восемь человек. Жили очень бедно, хотя отец работал много. Домик был худой, старый, повалившийся на бок — поправить его у отца средств не хватало.

В 13 лет мне пришлось идти в гранильщики к частному мастеру. Целых три месяца я работал даром, потом стал получать 50 копеек в месяц, а через три года — 6 рублей.

Вскоре умер отец, пошёл я на завод, так как моего заработка у гранильщика для семьи было мало.

К кому обратиться на заводе, я не знал. Иду, вижу: рабочие траншею роют, землю на тачках возят, среди них один знакомый парень с нашей улицы. Я подошёл к ним. Парень меня узнал. «А ты что здесь делаешь?» — спросил он. «Да вот, работу ищу»,— ответил я. «А ты вставай к нам, вози тачку!»

Я не стал раздумывать, засучил рукава, взял тачку. Потом все устроились в цехах. Я тоже перешёл в мартеновский цех. Стал работать на шуровке. Так и проработал на заводе 48 лет.

Летом у печей жарко. Вентиляции не было, никаких заслонок не было. Выпадет кирпич из дыры, так и пышет огнём. Рубахи носили только из домотканного холста, чтобы не прилипали к телу, а иначе сильные ожоги бывали.

Через каждые пятнадцать минут бегали пить. На улице у цеха стояла бочка с водой. Привезут глыбу льда, не обмоют даже, раз — и в бочку. На бочке ковшик грязный из берёсты. Человек сто ходят и пьют из одного ковша. Какая уж там гигиена!

Сейчас даже трудно представить, как мы работали. Лопаты с шихтой в 12 пудов поднимали руками. Работали по 11-12 часов. Очень боялись мастера, потому что всё зависело от него, он мог уволить, оштрафовать или, наоборот, перевести на более выгодную работу. Мастера этим пользовались и заставляли работать на себя: то огород прополоть, то на покос съездить; на праздники нужно было угостить мастера. И никогда не получишь хорошее место, если не «позолотишь» мастеру руку.

Тёмная у нас была жизнь. Таким же тёмным, грязным был и Свердловск, тогда Екатеринбург. Там, где сейчас горсовет, был страшный пустырь. Везде грязь. На углах стояли извозчики. А там, где стоят сейчас большие корпуса домов на улице Ленина, 5, было тёмное, глухое место. Когда молодёжь возвращалась домой из кино, то всегда шли большими группами, так как по этому болоту ходить было опасно.

Машин совсем не было. Первый автомобиль появился у фабриканта Логинова. Когда он проезжал по улице на машине, то не только дети, но и взрослые бежали следом. А нынче-то, глянешь на свой город и думаешь: жизнь кипит, как в столице.

Г. Н. Мешарин

металлург Верх-Исетского завода

Завод наш я хорошо знаю, проработала там 34 года, многих людей повидала, да и завод на глазах изменился. Отец мой помер в 1915 году. Остались мать, сестрёнка и я. Мать больная, а жить надо. Да ещё после смерти отца нас отправили на «вольную» квартиру: на казённой разрешали жить только рабочим. «Вольная» квартира — это был просто угол, который мы снимали втридорога.

Вот и пришлось мне идти работать — тринадцать с половиной годков было. Я хотела работать ещё до смерти отца, да он говорил: «Подожди, маленькая ещё, наработаешься».

Ну, а как умер, раздумывать было нечего. Решила поступить на шамотную фабрику — там огнеупорный кирпич делали. Шамотное производство вредное, а я была маленькая, худенькая. Начальству-то больно надо, что девчонка пропадает.

В конторе сначала удивились, увидев меня: «Куда ты это, девочка, больно худенькая». Но всё-таки взяли.

Я очень боялась, чтобы меня не выгнали, поэтому первое время, как увижу, что начальство идёт, пряталась куда-нибудь за стол.

Как-то идёт Карл Осипович, мастер цеха, а я не успела спрятаться.

— А ты что здесь, девочка, делаешь?

— Да я тут работаю,— а самой страшно, как бы не выгнали.

— Да ведь трудно,— говорит Карл Осипович.

— Ничего не трудно.

Хорошо, что моя напарница заступилась за меня.

— Она только на вид слабенькая, а так сильная, способная, хорошо справляется,— сказала она Карлу Осиповичу. Меня и оставили работать. А работать было действительно трудно.

Тогда мы таскали кирпич, долбили его. Руки долгое время были в кровяных мозолях. Тогда ничего ещё не было механизировано, всё делали вручную. Сейчас нажмёшь кнопки — готов кирпич.

Только после революции настоящую жизнь я увидела.

Получила сразу квартиру, по работе стала продвигаться: была бригадиром, инструктором, мастером.

Только здоровье моё пошатнулось — изробилась в девчонках-то, таская кирпичи. Завод отправил меня на курорт.

Забавно было, когда я первый раз поехала на курорт. Ну, что я видела раньше? Ничего! Питание самое простое: картошка с постным маслом, а после работы эта картошка слаще мёда казалась.

Так вот, приехали мы с одной, тоже с завода, на курорт и всё нам в диковинку. Какао подают, а моя товарка спрашивает: «Что это такое?» Я её под столом толкаю: молчи, дескать.

«Ты уж,— потом говорю,— ничего не спрашивай, будто всё знаем, всё ели».

Сейчас я уже старая, на пенсии, а завод всё своим считаю. Да и трудно было уходить на пенсию. Знаю уж, что пора, что здоровье не позволяет, а жаль расстаться со своим заводом.

«Не хочу,— я говорю,— уходить», а врач наш, Нина Николаевна, мне и говорит: «Мы хотим вас до коммунизма довести, так отдохнуть вам надо». Пенсию-то я большую получаю, квартира хорошая, на три комнаты, в новом доме, о такой квартире моя мать и мечтать не могла.

А с заводом я и сейчас связь не порываю, навещаю и шамотный цех. Прихожу и вспоминаю, как я сюда впервые девчонкой пришла, очень изменился цех за эти годы. Вентиляция, вагонетки везде бегают, всё механизировано. Я и говорю сейчас работницам:

«Я так бы ещё сорок лет проработала!»

Е. Л. Курбатова
пенсионерка, г. Серов

Мой отец — потомственный рабочий Верх-Исетского завода. Семья наша была большая — шесть человек.

Работал отец один, еле-еле концы с концами сводили. Вот из-за бедности и пришлось мне идти на завод одиннадцати лет. Я был самый старший из братьев. Тогда на заводе подростков было очень много. Били нас нещадно: за любую провинность получали зуботычину, да это ещё ничего, больше всего штрафов боялись — тогда и дома влетало.

Дома иногда и есть нечего. Вечно в долгу у лавочника. Так от получки до получки и ходишь. На заводе целый день с шести часов утра. Хорошо, если картошку возьмёшь, а так чёрный кусок хлеба запьёшь водичкой — вот тебе и обед. Ни о

каких столовых тогда и разговору не было. Плохо было взрослым рабочим, но хуже всего ребятам. Помню, работал я кочегаром на паровых котлах завода. Раньше всегда справляли такие праздники, как пасха, рождество. В эти праздники завод стоял, работал только один котёл для освещения Успенского собора. Однажды у котла дежурил я и машинист. Котёл развести надо было часам к пяти утра. Машинист был пьяный, поворчал что-то, велел следить за котлом и ушёл. Остался я один. Темно, тихо, спать хочется. Я и уснул. Проснулся от сильных пинков. Это меня будил машинист. Проспал я заутреню, света в собор не дали, так я и сорвал у батюшки молебен. Пар ещё не скоро подняли, а когда всё направили — снова принялись за меня. Сейчас я уже старик, а колотушки эти до сих пор помню.

Многое я не понимал, мал ещё был, а на заводе работали подпольщики. Выступал на заводе Яков Михайлович Свердлов. Я видел, как рабочие тайком провожали его с завода, чтобы не попал он к жандармам. Я спросил знакомого рабочего: «Кто это?» — «Молчи, Пашка! Мал ещё, потом поймёшь. Очень это правильный человек».

Вспоминается и такой случай. Один рабочий Фролов (потом я узнал, что он был большевиком) взял меня на пароход как-то рано утром,— везли топливо на завод. Сел и ещё один рабочий Макеев, он возвращался с охоты. Утро было тихое, ясное. Они сидели на палубе и беседовали, говорили о свободе, что скоро всё будет принадлежать народу. Это мне запомнилось, и я часто думал: неужели всё это правда?

А потом революция, гражданская война. Служил я в 37 коммунистическом железнодорожном полку. Трудное время, всюду белые банды. И как хотелось, чтоб кончилась скорей война, чтобы начали строить новую жизнь.

К нам в окопы приезжали артисты, тоже голодные, замёрзшие, они хотели своими песнями помочь, согреть нас. Вспоминаю одного артиста, он пел тогда:

И близок день, вернётся воин
С полей войны под мирный кров,
И будет новый мир построен,
Мир без тиранов и рабов!..

И думалось: скорее бы! И пришло оно — это время, о котором мы столько мечтали!

П. Н. Сомов

пенсионер, Верх-Исетский завод

Записали студентки Уральского государственного университета Е. Богданова и А. Горяинова

На покосных лужках

108018

БОРИС РЯБИНИН

Рисунки Н. Мооса

Рано поутру, едва успела поредеть ночная мгла, колхозный шофёр Матвей привёз на полуторке гостей из города. Это были школьники старших классов из одного украинского города, прибывшие помочь колхозникам в уборке урожая. На лужайке, перед сгоревшей от фашистской бомбы школой, их встретили местные ребята во главе с учителями и колхозным бригадиром — огородницей Марией.

Полуторка была полнёхонька: над бортами торчало десятка три голов в платочках, панамах, клетчатых кепках. Скрипнув тормозами, старенькая автомашина остановилась, головы качнулись, и через секунду пассажиры, не обращая внимания на предостерегающие возгласы своей руководительницы Валентины Ивановны, как раскатившиеся бильярдные шары, посыпались на землю с баульчиками, узелками, пледами в руках.

— Все? Никого не вытрясли по дороге?— весело осведомился Матвей, появляясь из кабины грузовика.

— Все, — ответила Валентина Ивановна, пересчитывая своих подопечных, и тут же строго предупредила:— Друзья, прошу никуда не отходить!..

Утро только разгоралось. Большое багровое солнце медленно вылезало из-за горизонта. Кричали петухи, над рекой плыл туман. Протяжное мычание коров, которых гнали на пастбище, перемежалось пронзи-

Детская Центральная Библиотека
г. Свердловск

тельными вскриками и шумным хлопаньем крыльев гусей, тревожившихся по-осеннему. Гуси всегда тревожатся в эту пору, порываясь лететь вслед за своими дикими собратьями, но их крылья бессильны поднять отяжелевшее от сытой домашней жизни тело. Гусиный пух усыпал луг и берега реки. Пух плыл по воздуху, поднимаясь выше тополей и тесовых крыш и смешиваясь с летавшими паутинками.

Постепенно всё затихало, успокаивалось,— начинался день. Лишь от тракта, проходившего по окраине села, доносилось равномерное лязганье и шум от передвижения больших человеческих масс. Там двигались к фронту войска. Это движение начиналось с вечера, продолжалось с небольшими перерывами всю ночь и прекращалось с рассветом. Война как бы пряталась, до наступления темноты не напоминала о себе, за исключением тех дней, когда над селом появлялись фашистские стервятники. Обычно они шли на восток, на большой высоте, но иногда снижались и бросали бомбы куда попало. Именно в один из таких налётов в селе сгорели несколько домов, новый свинарник и школа. Однажды колхозники были свидетелями воздушного боя, разыгравшегося между немецкими самолётами и нашими. Один «Юнкерс» был сбит и упал за рекой. Все, от мала до велика, бегали смотреть на него.

Одно время говорили, что враг близко и придётся всем уходить из села. Потом гитлеровцев отогнали, и фронт отодвинулся; с этого времени реже стали показываться и самолёты.

Если бы не это изменение в обстановке на фронте, не был бы разрешён и выезд ребят из города; скорей всего, что их отправили бы в глубокий тыл, в безопасное место.

Очутившись после долгой тряски в грузовике, наконец, у цели своего путешествия, посреди центральной площади села, городские ребята — шумные и непослушные ещё минуту назад — теперь вдруг присмирели и, тихо переговариваясь, с любопытством озирались вокруг. Сельские школьники, окружив гостей, молча разглядывали их. Как всегда бывает в подобных обстоятельствах, и те и другие испытывали неловкость, не зная, с чего должно начаться их знакомство.

Гораздо быстрее и проще вышло это у взрослых. Валентина Ивановна и Мария завели разговор насчёт погоды, да как доехали, да долго ли думают прожить; потом подошёл председатель колхоза, кое-кто ещё из колхозников, и беседа сделалась общей.

Тем временем шофёр, сильно припадая на одну ногу, обошёл вокруг машины, критически попинал носком сапога в залатанные покрышки на колёсах, затем сел за руль и укатил, взметнув облако пыли. Время было горячее — уборка, и Матвей дорожил каждой минутой. В воздухе уже растворился запах отработанного бензина, постепенно рассеялась и улеглась пыль, а издали всё ещё доносились жалобное поскрипывание и бренчание видавшего виды грузовичка.

Кузьма, младший брат Матвея, подросток лет четырнадцати, с такими же насупленными бровями и вих-

растой головой, вместе со сверстниками встречавший гостей, проводил брата завистливым взглядом. Кузьма был неравнодушен к машине и горел желанием сам водить её, но Матвей не подпускал его к ней, очевидно, опасаясь, как бы от неосторожного прикосновения она не рассыпалась на части.

Машина была настолько старая и разбитая, что колхозные кузнецы и механики из ближайшей машинно-тракторной мастерской наотрез отказывались чинить её, предлагая списать, как отслужившую свой срок; однако Матвей ухитрялся водить эту колымагу по любой дороге и с любой скоростью. Может быть, поэтому ему не давали новую машину: в его руках служила и эта. А по тяжёлому военному времени и такой транспорт надо было считать за благо.

Прибывших повели в колхозную столовую завтракать. Потом всех разбили на бригады. Чтобы горожане могли быстрее освоиться с непривычной для них крестьянской работой, в каждую бригаду включили двух-трёх подростков из числа местных школьников. Через два часа, вооружившись лопатами, все уже шагали по направлению к большому картофельному полю, лежавшему за селом. Свои узелки, баулы и чемоданчики приезжие оставили в столовой, сложив их в углу.

Мария, правда, заикнулась было насчёт того, что с дороги нужно сперва отдохнуть, а после приниматься за работу, но ребята так дружно закричали: «Нет, нет! Мы не устали!», так решительно запротестовали, что она, махнув рукой, согласилась и сама повела их на картофелище.

Кузьма попал в бригаду, в которой было около десятка девчонок и всего один мальчик. Мальчика звали Колей. Он был высок, худощав, с нежным, покрытым слабым загаром лицом и тонкими, длинными пальцами белых холёных рук. На нём был надет хороший костюм — пиджак, присборенный в талии, брюки навыпуск, отглаженные, как напоказ. Кузьма исподтишка критически оглядывал своего нового товарища: сразу видно, что белоручка, маменькин сынок. Как он думает с такими пальцами и в таком костюме в земле копаться? Хоть бы оделся по-другому...

Девочки быстро перезнакомились и вскоре принялись трещать без умолку, как сороки, хихикали, перебегали с места на место. Валентина Ивановна то и дело окликала одну, другую, чтобы одёрнуть их. Коля работал молча, внимательно глядя себе под ноги.

Уже первые минуты подтвердили худшие опасения Кузьмы: так и есть — этот неженка не умел копать картошку. Он неловко совал лопату в землю, порывисто нажимал на неё ногой, надеясь, очевидно, рвением возместить отсутствие сноровки, но нога срывалась, лопата шла вкось и вкривь, врезаясь в самую середину гнезда клубней. Вытаскивая лопату назад, Коля всякий раз обнаруживал несколько насаженных на лезвие картофелин.

Кузьма дружелюбно произнёс:

— Ты втыкай прямо и маленько отступя, а потом сразу... вот так!— И он показал, как надо делать.

У него это получалось совсем по-другому. Он ловко и, казалось, даже без особого усилия вгонял лопату в чернозём по самый черенок, одним движением выворачивая большой рыхлый ком земли, который тут же распадался на отдельные комья, так, что все клубни оказывались на виду, точно кто-то нарочно разложил их.

— Ах, как интересно! — восклицали девочки, бросаясь собирать картофелины.

Кузьма неодобрительно косился на болтушек и с нарочитой небрежностью повторял всё сначала. Всем своим видом он говорил: это так просто, а вы не можете!..

Коля пытался подражать ему, но безуспешно: не хватало практики. Девочки работали тоже не лучше его, но у них всё выглядело проще, непринуждённее,— будто так и надо. Коля же сгорал от стыда при виде каждой разрезанной лопатой картофелины.

— Да это ничего! — успокаивала Мария, наблюдавшая за копкой.— Хорошую мы отберём на семена, а вся плохая пойдёт скоту, свиньям. Ничего не пропадёт зря!

Сама она орудовала лопатой так, что за нею никто угнаться не мог, а уж насчёт того, чтобы разрезать клубень,— никогда!

В полдень сделали перерыв. Здесь же, прямо в поле, испекли на кострах свежую картошку; ели, присыпая солью и перекидывая из одной руки в другую, чтобы не обжечься.

С непривычки у всех были натёрты мозоли. У Коли их оказалось три: две вздулись на одной руке, одна — на другой. Мария предложила на этом работу закончить и пойти отдыхать, но девочки запротестовали: рано, не за тем ехали, чтобы бездельничать!

Коля с сожалением разглядывал свои пальцы.

— У тебя почему руки такие белые? — внезапно спросил Кузьма.— Ты их моешь часто? — И он посмотрел на свои руки, загорелые, крепкие.

— Он на рояле хорошо играет,— сказала высокая девочка в пёстрой косынке и белой кофточке.

— Это неважно, — пробормотал Коля, пряча руки.

— Это что, на манер пианины? — полюбопытствовал Кузьма.

— Ага. То же самое,— ответила девочка в косынке.

Кузьма задумался. Пианино имелось в школе; хорошо играть на нём умел учитель физкультуры Виктор Степанович. На уроке он садился за инструмент, и ребята дружно маршировали под музыку по залу: ать-два! ать-два!.. В тихие весенние ве-

чера учитель любил играть, распахнув окна. Прекрасные звуки неслись над затихшим селом, то замирая, то нарастая вновь. Люди выходили из домов и, прислушиваясь, говорили: «Учитель играет». И допоздна засиживались на завалинке. Ребята, облепив окна, заглядывали внутрь тёмного зала. Учитель играл, не зажигая огня, и Кузьму удивляло, как находит он в темноте нужные клавиши. Потихоньку Кузьма пробовал играть сам и даже разучил одним пальцем «Чижика», но дальше этого дело не пошло. Директор школы обещал, что скоро приедет учительница музыки и пения и тогда можно будет учиться играть по-настоящему... Началась война, и не стало ни пианино, ни музыканта-учителя. Учитель ушёл на фронт, а пианино сгорело вместе со школой.

Кузьме стало жалко белых рук Коли. Покосившись на товарища, он сказал как бы невзначай:

— Ты поплюй на руки-то. Мозолить не будет. А на лопату пяткой надавливай, прытче пойдёт...

Коля послушно выполнял все указания Кузьмы. Руки саднили, как обожжённые, но Коля стоически переносил боль. Ему было совестно признаться, что он не умеет копать картошку.

К концу дня он работал уже увереннее — появился опыт. Сказывались и советы Кузьмы. Девочки тоже перестали трещать: притомились. И потом, работать лопатой — не урок учить, но тоже требуется внимание.

Пока одни копали, другие собирали клубни и ссыпали их в мешки. Когда большая часть приготовлен-

ных мешков была наполнена и завязана, издали донеслось знакомое дребезжание, и на дороге в облаках пыли показалась машина Матвея. Переваливаясь с боку на бок, со скрипом и стенанием, она пробралась по взрыхлённому полю и остановилась около мешков. Матвей заглушил мотор, спрыгнул наземь и, окинув взглядом поле, одобрительно произнёс:

— Эге... Знатно наработали!

Действительно, работали дружно, восполняя неумение усердием, и час от часу разноцветные рубашки и кофточки всё больше перемещались в дальний конец поля, а позади них там и сям возвышались, как широ-

кие короткие столбы, пузатые мешки с картофелем. Матвей сноровисто вскидывал их без чьей-либо помощи на широкую спину и, покряхтывая, ковылял к машине.

Ногу Матвею повредила в детстве лошадь. Из-за этого ему не довелось служить в армии, когда подошёл возраст, из-за этого он оставался сейчас в тылу, тогда как почти все его ровесники сражались на фронте с врагом.

Машина быстро наполнялась, оседая на рессорах.

— Эх, резина у меня старая! — говорил Матвей, сожалея, что нельзя нагрузить больше.

За день ему пришлось сделать три рейса. И каждый раз он увозил полный кузов картофеля.

Ветер донёс отдалённый рокот. Мария и Валентина Ивановна, как по команде, разом вскинули головы, прислушиваясь. На горизонте показались чёрные точки.

— Самолёты!..— тревожно крикнул кто-то из девочек.

— Это наши,— уверенно сказал Кузьма.

И верно, это были советские самолёты. Кузьма давно научился распознавать их по звуку.

Самолёты прошли и растаяли в синеве, а ребята всё стояли и смотрели им вслед. Грозная война стала вдруг совсем близкой и ощутимой. А потом, как бы очнувшись, школьники заговорили наперебой. Почти у каждого на фронте был кто-нибудь из близких людей: у кого отец, у кого брат, а у высокой девочки в пёстрой косынке — её звали Асей — в действующей армии (она так и сказала: «в действующей») оказалось сразу двое: и отец, и мать. Отец — лейтенант, а мать — капитан — военный врач. Ася жила с бабушкой.

Только у Кузьмы не было на фронте никого. Отец давно умер, мать работала в колхозе, Матвея не взяли на войну из-за хромоты.

Коля тоже молчал. Кузьма деловито спросил у него:

— А у тебя отец кто?

— Он инженер,— ответил Коля.— Он на заводе работает, самолёты строит.

— Самолёты?— недоверчиво переспросил Кузьма и после этого долго молчал. Колин ответ дал ему новую пищу для размышлений.

Это здорово — строить самолёты! И, наверное, очень трудно. Вот ему, Кузьме, ни за что не сделать даже самый маленький винтик для самолёта. Коля сразу вырос в его глазах.

Ночью, когда гости, наработавшись досыта, спали крепчайшим сном на сеновале, по дороге, ведущей к фронту, опять двигались войска. Глухо лязгали в темноте орудия, фыркали кони, гулкий топот многих сотен ног тяжело давил землю. Где-то, километрах в ста с лишним к западу от села, развёртывались ожесточённые бои с врагом, стремившимся во что бы то ни стало прорваться на восток, и к фронту непрерывно шли подкрепления.

Осень стояла сухая, тёплая, подстать лету. В ложбинах и по берегам водоёмов буйно выметала вверх трава. Правление колхоза справедливо рассудило, что незачем ей пропадать зря. Решено было с лесных покосных лужков снять второй укос, — там трава особенно хороша.

Посылать на лужки опытных кос-

цов не было расчёта, тем более, что в колхозе их — после того, как многих мужчин призвали в армию, — оставалось не так много: каждый на счету. Потому и ребят привезли из города, что не хватало своих работников.

На лужки поехали несколько мальчиков и девушки-колхозницы. Матвей отвёз их на своей скрипучей машине к лесу, и там они разбрелись по-двое, по-трое в разные стороны. Лужки были невелики и разбросаны по лесу, всем вместе делать было нечего.

Сейчас, в пору золотой осени, лужки имели особую притягательную силу и прелесть. Сентябрь изукрасил лес. Огненно-красные, пылающие, стояли кусты рябины, роняя лапчатые листья; тяжёлые кисти ягод, сгибая ветки, тянулись к земле. Берёзы блистали ярко-жёлтым нарядом. Трепетные листья осин, вздрагивая от малейшего дуновения, бесшумно срывались вниз. Папоротник высох и шуршал, как бумага. Только ели, величавые и строгие, уходящие вершинами в небо, красовались, как всегда, в своём обычном тёмно-зелёном уборе. Воздух был свеж и по-осеннему прозрачен.

Кузьма хозяйственно оглядывал кусты, деревья. Коля молча следовал за ним с косой на плече и пиджаком на левой руке. День был тёплый, солнце грело по-летнему, и в пиджаке было жарко.

Выбрав небольшую, огороженную со всех сторон стеной леса ложбину, покрытую густой сочной травой, мальчики приступили к косьбе. Кузьма поплевал на ладони, крепко упёрся ногами и взмахнул косой. Она с шуршанием прошла над землёй, трава упала к ногам. Кузьма резонно заметил: «Перестояла»,— и пошёл косить дальше, широкими и плавными взмахами снимая ряд за рядом.

Коля нерешительно посмотрел на Кузьму, потом перевёл взгляд на свою косу, которую он снял с плеча и отпустил на землю, потом — опять на Кузьму... Аккуратно свернув пиджак и положив его в стороне на бугорок, он ухватился за косу обеими руками и с размаху ударил ею по траве. Трава зашумела, качнулась, коса запуталась и глубоко ушла концом под корни. Коля с трудом вытащил её и, очень довольный, что Кузьма не заметил его неловкости, стал мять траву дальше, торопясь догнать ушедшего вперёд товарища.

Там, где прошёл Кузьма, ложбина была подстрижена, точно парикмахерской машинкой, трава полегла ровными рядами, стебелёк к стебельку, полукружьем отмечая каждый взмах его косы; за Колей же она лежала растрёпанными кучками, местами была примята, местами пропущена и торчала пучками, как клочья шерсти на плохо перелинявшей скотине.

Кузьма подумал и сказал:

— Ты очень-то не налегай, легче бери, да положе. Лучше пойдёт.

Совет был хорош, и Коля скоро убедился в этом. У Кузьмы опять шевельнулось чувство насмешливой жалости к этому высокому задумчивому мальчику, не умевшему делать такие простые вещи, как косить траву, копать картошку. Зато незначащие, по мнению Кузьмы, предметы и явления надолго привлекали

самое пристальное его внимание. Так, он долго прислушивался к писку какой-то лесной пичужки, постукиванию дятла. Шмыгнула ящерица — он опять перестал косить и, опустившись на четвереньки, принялся перебирать траву пальцами, стараясь найти беглянку. Кузьма молчал-молчал и, наконец, осуждающе произнёс:

— Так-то мы и до вечера не кончим...

Коля вспыхнул и больше не отвлекался, а Кузьма уже через минуту ощутил нечто вроде раскаяния. Чувствуя необходимость загладить свою резкость, он участливо спросил:

— Устал, поди?

— Нет, ничего...— поспешно отозвался Коля, не отрываясь от работы.

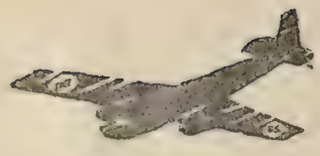
Они дошли до края ложбины.

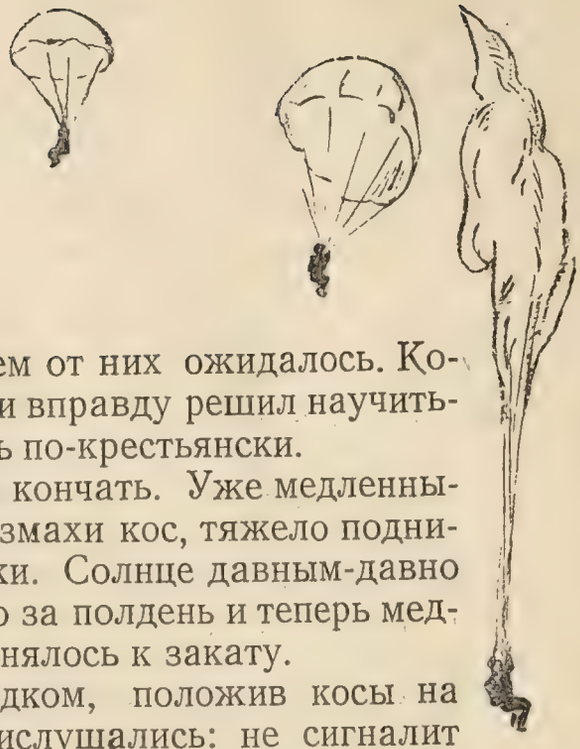
— Давай посидим, — сказал Кузьма.

Коля с благодарностью взглянул на него. После вчерашнего дня, проведённого в физическом труде, он чувствовал себя изломанным, всё тело ныло, болели и плохо слушались мускулы. Он раскраснелся, на лбу выступили капельки пота. Кузьма же казался совсем свежим. Лишь сквозь слой загара проступил лёгкий румянец да глаза бойко поблескивали из-под выцветших на солнце бровей.

— Руки-то, поди, жалко? — неожиданно спросил Кузьма.

Коля густо покраснел. Кузьма угадал его мысли.





— Это ничего...— быстро заговорил он.— Это даже полезно, развиваются мышцы... А играть я всё равно сейчас не могу,— добавил он грустно.— В нашу квартиру бомба попала...

Кузьме вдруг нестерпимо захотелось сказать Коле что-то очень хорошее, посочувствовать ему, но вместо этого он спросил:

— А рояль?

— Разбило его...— тихо ответил Коля.

После этого они долго молчали. Коля печально смотрел в глубину леса, а Кузьма не знал, как его утешить.

— Я на зло им буду работать! — высоким срывающимся голосом сказал вдруг Коля, и глаза его сверкнули.— Пусть к нам не летают! Папа говорит: если каждый из нас сделает по одной бомбе, то не останется ни одного фашиста.

— Я не умею делать бомбы,— поспешно возразил Кузьма.

— Это ничего. Папа сказал, что и картошку копать — это тоже бомба. Я ещё тебя обгоню!

— Ну да!— с сомнением отозвался Кузьма.

Затем они опять косили, сосредоточенно и долго. Выкосив одну ложбину, перешли на другую, потом на третью. Они выкосили значительно больше, чем от них ожидалось. Коля, видно, и вправду решил научиться работать по-крестьянски.

Пора бы кончать. Уже медленными стали взмахи кос, тяжело поднимались руки. Солнце давным-давно перевалило за полдень и теперь медленно склонялось к закату.

Сели рядком, положив косы на землю, прислушались: не сигналит ли с дороги Матвей? Нет, всё было тихо. Лишь протяжный лесной шум катился по вершинам деревьев.

— Пойдём? — предложил Кузьма.

— Пойдём,— согласился Коля.

Они вскинули косы на плечи и пошли. Между полями и перелесками широкой светло-серой лентой вилась дорога. Она была пустынна. Ребята посидели на пригорке, прислушиваясь, не донесёт ли ветер знакомый хриплый гудок, напоминающий лягушачье кваканье. Матвей запаздывал — наверное, угнал в какую-нибудь внеочередную поездку: он ухитрялся сделать два рейса там, где другой на его месте не сделал бы и полрейса. А, может, старый рыдван, наконец, решил забастовать и остановился где-нибудь на полпути.

Подождав ещё и ничего не дождавшись, ребята решили подвигаться к дому пешком. Но едва они дошли до поворота, как вдали, на гребне пологого холма, увидели стоящую машину и человека около неё. Они сразу узнали Матвея.

— Резина спустила, — уверенно определил Кузьма.

Внезапно он замолчал и поднял голову. Коля тоже посмотрел на небо: ветер принёс далёкий звук мотора. Звук был слаб и пропал, едва родившись. Может быть, его не было совсем, а просто ветер свистел и раскачивал вершины деревьев, возвышавшихся по обеим сторонам дороги...

Ребята поспешили к машине. Однако они не успели пройти и половины пути, как большой чёрный самолёт (он показался им чёрным), безобразный и страшный, с вместительным, как у акулы, животом, неслышно появился из-за леса на сравнительно небольшой высоте и, со свистом рассекая воздух, пронёсся у них над головой. Он подкрался, как вор, с выключенными моторами, чтобы не выдать себя. Ребята ясно различали большие жёлтые кресты на его плоскостях и криволапую паучью свастику на хвосте.

Они оцепенели от неожиданности и страха.

Самолёт сделал плавный разворот, на секунду-две исчез за верхушками деревьев, появился над опушкой вновь... Что это? Казалось, непомерно раздутый живот его прорвало, что-то посыпалось оттуда — маленькие, кувыркающиеся точки, нет, не точки, это игрушечные человечки... Один, другой, пятый, их много, не успеть сосчитать всех... Нелепо бол-

тая руками, ногами, они как будто стараются ухватиться за воздух, спеша, обгоняя друг друга в своём стремлении как можно скорее достичь земли. Но вот падение их внезапно прекратилось, серо-голубые, почти сливающиеся с небом, комки вспухли над ними, развернулись, надулись куполами и, плавно покачиваясь, тихо поплыли по ветру, опускаясь всё ниже, ниже,—точь-в-точь, как головки одуванчиков, с висящими под ними на тонкой нитке чёрными удлинёнными семечками...

Фашистский воздушный десант!.. Теперь ребята поняли всё. Гитлеровцы хотят внезапным ударом с воздуха захватить село, перерезать дорогу, ведущую к фронту, чтобы не допустить туда подкрепления. Нужно немедленно уничтожить десант!

Но как?

Они растерянно посмотрели друг на друга. Две косы — всё их оружие. И тут же вспомнили: если вражеский десант нельзя уничтожить, нужно немедленно сообщить об этом в ближайшую воинскую часть или истребительный отряд.

Скорей — к машине!

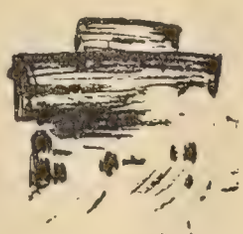
Они бежали так, как не бегали, наверное, никогда в жизни.

— Матвей! Фашисты! Фашисты!..

Матвей стоял у полуторки и как будто отбивал поклоны — накачивал насосом шину. Резина на колёсах была слабая, клеёная-переклеёная, а день — тёпел, и старые заплаты поползли; пришлось снова клеить их. Ремонт заканчивался, оставалось накачать камеру и надеть колесо, когда отчаянный мальчишеский вопль заставил Матвея поднять голову. Занятый делом, он не заметил высадки десанта, тем более, что это произошло в отдалении от него и под прикрытием леса; иначе фашисты, наверное, и не решились бы на свою авантюру.

Матвей с одного слова оценил случившееся. Засуетился, сунул насос в кабину, подхватил колесо и точным, намётанным движением вогнал его на своё место. Пять гаек, удерживающих колесо, он завинтил с такой быстротой, с какой прежде не завинчивал и две. Затем забежал сзади машины и, присев на корточки, стал опускать её с домкрата. Он двигался вприскочку, по-птичьи, быстро подтаскивая отстающую искалеченную ногу.

Машина села на колёса. Матвей разогнулся, и в этот миг коротко и сухо, как дробь дятла по дереву, ударила очередь из автомата. Матвей качнулся, схватившись за грудь, глотнул воздух и упал в пыль. При-



поднялся на руках, перевалился на бок, жирное красное пятно быстро расползалось по рубашке. Ребята, испуганные, запыхавшись после быстрого бега, беспомощно стояли около него.

— Давай... в машину... скорей...— прохрипел Матвей.

Они кинулись его поднимать. Он был тяжёл, большое тело стало непослушным, мягким, как куль с мукой, и таким же непосильным для них. Он хрипел, плевался кровью и всё силился приподняться сам. Ребята с ужасом смотрели на него. А вражеские парашютисты, ветром вынесенные из-за леса, один за другим падали наземь, сбрасывали парашюты и бежали к неподвижной машине, стреляя на ходу. Несколько пуль просверлило кузов, одна звякнула о капот, другая взметнула пыль у ног.

— Скорей ... — стонал Матвей. Ему удалось, наконец, подтянуться на руках к кабине, ребята втащили его на сиденье, втиснулись сами рядом с ним. Но Матвей, упав головой на баранку, больше не шевелился, только пальцы то сжимались, то разжимались, словно стараясь схватить что-то. Кузьма с отчаянием тряс брата за плечо,— Матвей не отзывался.

— Поехали! — звенящим голосом сказал вдруг Коля и, с усилием отодвинув Матвея, занял его место за рулём автомобиля.

— Чего поехали? — не понял Кузьма.

— Я умею... У нас у папы свой был, мы его в Красную Армию отдали...—скороговоркой отрывисто произнёс Коля и торопливо задвигал рычажок стартера, но мотор молчал.

— Ручкой надо...— послышался глухой голос Матвея.

Кузьма кубарем скатился на землю, забежал вперёд и рванул висящую над радиатором ручку. Мотор ожил, загудел. Кузьма выдернул ручку и, вскочив в кабину, захлопнул дверцу. Коля тронул машину. Тонкие пальцы его обрели неожиданную уверенность и силу. Полуторка чихнула и пошла послушно, как конь, чувствующий твёрдую руку.

На дорогу выскочил человек в голубовато-пятнистой камуфлированной одежде, с коротеньким ружьецом в руках, висящим на лямке. Упав на одно колено, прицелился в лоб несущейся на него автомашины. Коля, приникнув к баранке, втянул голову в плечи и дал полный газ.

Выстрелов они не услышали. Пули веером рассыпались над головой водителя, прострочив смотровое стекло, как швейной машинкой. Послышался короткий вопль, грузовик тряхнуло. Кузьму так швырнуло на сиденьи, что он едва не пробил теменем крышку кабины. Тяжёлое тело брата навалилось на него, притиснув к дверце.

Больше не стреляли. Полуторка мчалась, разбрасывая щебень из-под колёс, скрипя и качаясь. Кузьма опасался, что она не выдержит такой гонки и развалится. Первый испуг его прошёл. Бережно поддерживая падающую голову брата, он с уважением и завистью поглядывал на Колю. Ведь вот молчал, не говорил, что умеет водить машину... А Кузьма только и мечтал об этом.

Вот и возьми его... И ведь какой чистюля: на пиджаке всегда ни пы-

линки, руки белые, как у девчонки... А Матвей, шофёр, вечно ходит промасленный, и руки у него чёрные, никаким мылом не отмоешь.

Кузьма сам не заметил, как Коля стал вдруг примером для него.

Впрочем, все эти мысли проносились в мозгу мальчика молниеносно и как-то независимо от его воли, словно сейчас было два Кузьмы: один, волнуясь за исход неожиданного происшествия, за жизнь брата, всеми помыслами рвался в село, чтобы опередить врагов и скорей подать помощь раненому, другой — восхищался товарищем, вращавшим баранку, как заправский шофёр.

Коля был наружно спокоен, только чуть бледен, и от этого лицо его выглядело ещё тоньше и красивее. Вести грузовик, да ещё старый, содрогавшийся при каждом толчке, было куда труднее, чем легковую автомашину. Скажи ему кто-нибудь полчаса назад, что придётся управлять этой рухлядью, он усомнился бы: не справиться! А сейчас, собрав все свои силы, весь напряжённый и точно окаменевший, он проделывал это с хладнокровием и уверенностью старого опытного шофёра. Баранка тряслась в мелкой зыбкой дрожи, рычаг переключения скоростей рвался из рук, но Коля твёрдо вёл грузовик, не отрываясь от летевшей в глаза дороги.

Уже недалеко. Ещё с километр... с полкилометра... Спидометра на полуторке не было давным-давно, но и без спидометра Кузьма мог безошибочно определить, что она идёт со скоростью по меньшей мере шестьдесят километров в час. Продолжая поддерживать брата, он выглянул из кабины: позади не виднелось ни одного человека.

Полуторка, как обезумевшее от страха животное, ворвалась в село и, неистово сигналя, понеслась по главной улице. Куры белыми комками с отчаянным кудахтаньем выпархивали из-под колёс. Собаки выскакивали из подворотен и, заливаясь лаем, порывались догонять, но тотчас же безнадёжно отставали.

Машина остановилась у сельсовета, затормозив так резко, что завизжали тормоза и задние колёса на мгновенье отделились от земли. Ребята выскочили из кабины с криком:

— Фашисты! Фашисты!..

Их окружили. Матвея внесли в сельсовет, побежали за фельдшером Фёдором Родионовичем. А меньше чем через пять минут два истребительных отряда, оповещённые из села по телефону, мчались на нескольких грузовиках в сторону покосных лужков.

* * *

Через неделю городские гости, которых теперь, пожалуй, правильнее было назвать товарищами по работе, уезжали домой. Они загорели, окрепли, научились ловко владеть косой и лопатой. Глядя на некоторых, можно было подумать, что они всегда жили в колхозе.

Расставаться не хотелось. Все перезнакомились, привыкли друг к другу. Больше всех шумели, тараторили, конечно, как всегда, девочки: они выражали свои чувства более откровенно.

— Счастливой дороги! — напутствовала отъезжающих Мария, перецеловавшись с девочками и Ва-

лентиной Ивановной не по одному разу.— Вдругорядь милости просим! Путь-дорогу теперь знаете!

— Приедем! Приедем! — воскликали девочки.

— До свиданья, — стала прощаться Валентина Ивановна с председателем и другими членами правления колхоза.— К нам приезжайте. Девочки, тише!

Подъехала машина. За рулём сидел другой шофёр; Матвей находился в госпитале.

Ребята облепили машину, как муравьи, подсаживая один другого, полезли в кузов. Последним садился Коля. Перед этим он долго стоял вместе с Кузьмой в сторонке и молчал. Молчал и Кузьма.

Лишь теперь они почувствовали, как сблизились за последние дни. Покосные лужки, совместный труд, пережитая опасность — всё это сдружило их; казалось, они давно-давно знают друг друга. И вот сейчас, когда настал час прощанья, слова не шли с языка,— так уж как-то всегда получается при расставаньи.

Только уже будучи наверху, в кузове грузовика, такого знакомого отныне по памятному приключению на покосных лужках, к прежним повреждениям которого прибавились новые раны, нанесённые фашистами, Коля, перегнувшись через борт, сказал Кузьме по-мужски серьёзно и сдержанно:

— Ты приезжай к нам, мы в театр вместе сходим. Я папу попрошу, он билеты купит... Ты был в театре?

— Нет,— ответил Кузьма,— я в кино был...

— Это другое. Театр — лучше. Там музыка и люди живые, артисты... Очень красиво!

— Приеду,— твёрдо сказал Кузьма.— А ты тоже приезжай, когда войны не будет. Мы опять школу построим и новую пианину купим. Ты играть будешь... Будешь?

Конец фразы он выговорил с запинкой, негромко. И, получив утвердительный ответ, когда машина уже трогалась, добавил совсем тихо, дрогнувшим голосом:

— Ты нас не забывай. Я тебя тоже не позабуду...

Тропинка

НИКОЛАЙ МЕРЕЖНИКОВ

Рисунок В. Мишина

Тишина прислушалась сторожко:
Кто хрустит нетоптаным снежком?
Шёл мальчишка снегом без дорожки,
Торопился к школе прямиком.
Отпечатки ног пунктиром чётким
Прочертили тропку на снегу.
Путь ему прокладывать в охотку:
Вслед за ним ребята побегут.
Сколько ног и резвых, и проворных
По следам мальчишечьим прошло,
И соединились тропкой торной
Школа и колхозное село.
Вспыхнули на солнышке снежинки,
Зазвенел заливчато звонок.
Все сюда идут одной тропинкой,
А уходят тысячью дорог.

ИЛАМАН ЕДЕТ В ПЕСКИ

АЛЕКСЕЙ БЕЛЯНИНОВ

Рисунки А. Сорокина

Иламан открыл глаза и сел на кошме. Прямо над головой повисло тёмно-серое небо, рядом, совсем под боком, неутомимо пляшет пламя костра, терпко пахнет дымком. У костра никого не было. Ключом кипела вода в узкогорлых пузатых тунче — закопчённых медных чайниках. Иламан спрятал руку в рукав, чтобы не обжечься, и отодвинул их подальше от огня.

Уже совсем рассвело. На востоке протянулась широкая оранжевая полоса — вставало позднее зимнее солнце. Но день всё равно будет пасмурный — солнце, как только взойдёт, тут же скроется в тучах. И навряд ли увидишь его сегодня.

Иламан быстро натянул сапоги. Он приехал сюда вовсе не для того, чтобы вот так сидеть за изгородью, которой обнесён ровно вырытый в земле круг.

Шагах в десяти от него, положив на лапы большую треугольную голову, лежал огромный чёрно-белый пёс Сыртлан.

Иламан свистнул, Сыртлан вскочил и подбежал, завилял хвостом, оскалил зубы — это он улыбается.

Иламан безбоязненно почесал пса за коротко обрезанными ушами, и Сыртлан, точно малый щенок, радостно и покорно повалился на спину и зажмурил глаза, болтая в воздухе всеми четырьмя лапами.

Сыртлан был признанным вожаком отцовских овчарок, ему приходилось и один на один встречаться с волком, оберегая овец. Он умный, он всё понимает. Всего третий раз приезжает в пески Иламан, а пёс уже признал в нём сына хозяина, сына старшего чабана Реджепа, и теперь ни за что не тронет его, даже если он подойдёт к овцам.

Мерд-хана — так называют временное стойбище чабанов — была расположена на вершине самого высокого в окрестностях холма. Внизу, в лощине, лежали или лениво пощипывали траву наевшиеся за ночь овцы. Между ними прохаживался, важно потряхивая бородой, длиннорогий козёл. О малейшем его движении давал знать подвязанный на шее колокольчик.

Отец был возле отары. Вот он повернулся и стал подниматься по склону, низко сгибая ноги в коленях. Ветер трепал полы его чёрного стёганого халата.

— Проснулся, сынок!— крикнул он, заметив Иламана.— Сейчас будем чай пить, завтракать. Уже пора... Я думал — ты целый день проспишь!

Чай пить? Завтракать? Иламан сразу почувствовал, что он очень голоден. Накануне вечером так устал, что наотрез отказался ужинать, улёгся спать, завернувшись с головой в кошму, сшитую наподобие халата. Ойлюк называют его чабаны по-туркменски. Когда было решено, что он в дни зимних каникул поедет в дальние пески с отцом, мать тут же начала шить для него ойлюк. И он потом ходил по улицам посёлка, путаясь в длинных полах, вызывая нескрываемую зависть своих сверстников.

Два с лишним дня они с отцом провели в пути, ночевали прямо в пустыне, в какой-нибудь защищённой от ветра выемке, невдалеке от дороги, тряслись в кузове быстрой машины, подскакивали на каждом ухабе, крепко держась за верёвку, которой привязана к борту бочка с бензином... Даже и сейчас ещё ноют немножко мускулы на руках.

Иламан огляделся. Куда

же девалась машина, которая везла их сюда? Он спросил отца, и тот ответил, что шофёр Рахим рано-рано утром, ещё затемно, уехал к другим чабанам. Дня через два вернётся и заберёт Иламана обратно в посёлок, чтобы он не опоздал к началу занятий.

Они пили крепкий, по-чабански заваренный зелёный чай, ели коурму — выжаренную с салом баранину. Всё казалось Иламану необыкновенно вкусным.

— А к вечеру — о, к вечеру я приготовлю тебе ишликлинан,— сказал отец.— Никогда не пробовал? Это такой пирог с мясом, он печётся в раскалённом песке очага. Жаль вот только, что Эсен, мой помощник, уехал до завтра на колодец — накачать воды для отары. Он его особенно хорошо делает.

Они были только вдвоём в мерд-хане. Отара по-прежнему стояла в лощине. Её зорко караулили собаки, лежавшие на вершинах соседних холмов.

Кончив завтракать, отец прилёг после бессонной ночи — он провёл её у отары, на пастбище.

Иламан с трудом поймал большого чёрного ишака — тот всё время поворачивался к нему задом, взбрыкивал. Кое-как удалось снять путы с передних ног — ишак явно не хотел его возить, предпочитая пастись на свободе. Но мальчик ловко вскочил в деревянное седло без стремян и направился вниз по склону. Ему хотелось побывать там, где они вчера проезжали на машине.

Он свистнул Сыртлана, но пёс только помахал хвостом в ответ и остался лежать на месте. Дело — прежде всего, а он сейчас на посту...

Вблизи барханы вовсе не выглядели однообразными. Они не тянулись сплошной серо-жёлтой линией, как кажется, если их рассматривать с быстро идущей машины. Каждый чем-нибудь

да отличался от того, который только что остался позади. Иламан пятками ударял ишака — быстрей вперёд, быстрей!

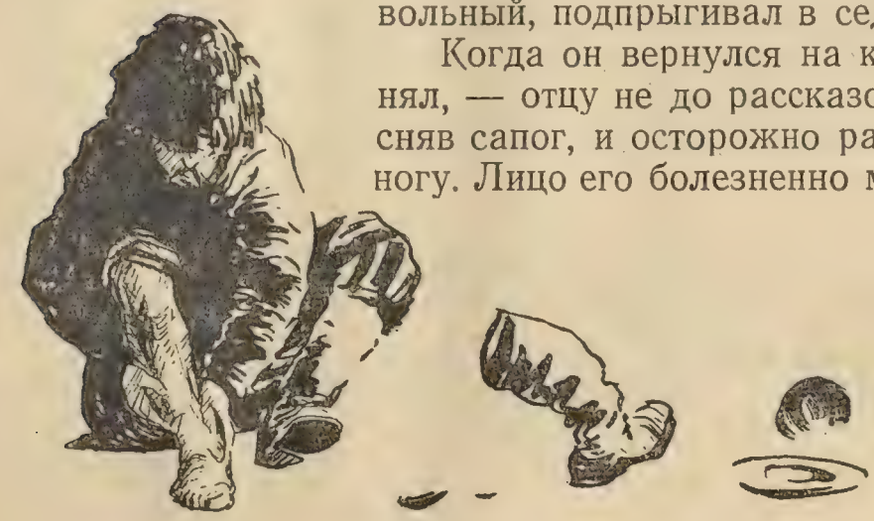
Ему всё казалось интересным. Чернеет у куста кандыма брошенная нора. Лисья... Спокойно жила здесь хитрая рыжая лисица, заботливо воспитывала шустрых лисенят, успешно охотилась за жирными, не в меру любопытными сусликами. А вот и полузасыпанные песком перья какой-то птицы — бледно-оранжевые, а местами тёмно-синие и белые. Да ведь это — дрофа-красавка! Как угораздило её попасть в лапы к лисе? Удобное здесь место для норы — не сразу заметишь её. Но потом невдалеке отсюда выкопали колодец, пришли люди, они пригнали отары. И лисе, должно быть, пришлось ещё дальше уйти в пески, если только она не попалась в искусно поставленный капкан...

Время шло незаметно. Иламан часто спрыгивал с седла и, держа своенравного ишака в поводу, срывал для школьного гербария кустики сухой жёсткой травы — селин, песчаной осоки; долго караулил возле норки, в которую поспешно юркнул суслик. Вот бы поймать его, когда он высунет свою усатую морду! Но суслик благоразумно отсиживался внизу. А воды рядом не было, чтобы как следует залить нору и заставить его вылезти.

Выехав на гребень холма, Иламан увидал вдали вершину, на которой едва заметно выделялась мерд-хана. Далеко же он забрался! Пора возвращаться. Отец, наверное, уже проснулся, а у него в запасе всегда множество историй, интересных чабанских историй. Их можно слушать с утра до вечера и с вечера до утра...

Чёрный ишак, должно быть, почувствовал, что они возвращаются — он всё время бежал прямо, не норовил свернуть в сторону. Иламан, довольный, подпрыгивал в седле.

Когда он вернулся на кош, сразу понял, — отцу не до рассказов. Он сидел, сняв сапог, и осторожно растирал правую ногу. Лицо его болезненно морщилось.



— Что такое, отец? — воскликнул мальчик.— Что с тобой случилось?

— Старое дело... Хотел вниз спуститься, к отаре, и подвернул нечаянно ногу. Ступить нельзя теперь. Вот не вовремя! Ведь Эсен только завтра должен вернуться! Придётся сегодня ночью не пасти баранов. Пусть стоят рядом, в лощине,— ничего не поделаешь...

— Почему ты так говоришь — ничего не поделаешь? — гордо возразил Иламан.— Разве ты один на коше? А я?..Я — сын чабана и сам почти что чабан... Палку сумею кинуть, чтобы поднять овец. Ведь сколько раз ты брал меня с собой!

Отец — хоть у него и болела нога — не мог не улыбнуться его горячности.

— Ну сколько там раз,— сказал он.— Четыре или пять — самое большее. Ты сюда-то приезжаешь всего третий раз. И уже хочешь, чтоб тебе доверили на ночь отару!

— Смогу я пасти, раз такое дело,— упрямо твердил Иламан.— Смогу пасти сегодня ночью и буду пасти. Ты же сам говорил, что особенно важно сейчас хорошо следить за овцами. Как же можно их держать без корма целую ночь?..

Отец внимательно посмотрел на сына.

— Ладно,— согласился он,— только не угоняй отару далеко, паси где-нибудь поблизости. Вот хотя бы за тем холмом, что похож на лежащего шакала. Видишь? — протянул он руку.

Иламан кивнул. Это даже хорошо, что именно туда придётся гнать овец. Ведь только что он ездил в этом направлении и всё там высмотрел.

— А я здесь всё время буду жечь костёр,— добавил отец,— чтобы ты не потерял меня из виду.

На том и договорились. Иламан днём хорошенько выспался. Плотно пообедал, когда проснулся.

Уже начинало смеркаться — короткий зимний день кончался. Иламан стал собираться. Он потуже перепоясал телогрейку отцовским ремнём — для

этого пришлось проколоть там новую дырочку. К ремню подвязал тунче в шерстяном чехле — ночью непременно захочется погреться чаем. Ойлюк он перекинул через руку.

— Возьми с собой на всякий случай ружьё,— сказал отец, наблюдавший за его сборами.— Только осторожней, оно заряжено. Ты помнишь, как с ним обращаться?

— Конечно, помню,— отозвался Иламан.

Отец укоротил ему ремень, и Иламан повесил ружьё на плечо.

Осёдланный чёрный ишак был привязан к врытому в землю столбу. Иламан отвязал его, поудобнее уселся в седле и стал спускаться. Обернувшись напоследок, он увидел над изгородью голову отца в большой мохнатой папахе.

Сыртлан был уже возле отары. Но сейчас пёс не прыгал, не валился, играя, на землю, не вилял хвостом. Он сидел на задних лапах и внимательно смотрел на Иламана, ожидая сигнала. Рядом с ним сидела ещё одна овчарка, помоложе,— Билек.

Иламан гортанно крикнул, подражая отцу, и собаки подняли отару. Где-то впереди забренчал колокольчик на шее у козла, заблеяло несколько овец.

Он ехал позади. Стало совсем темно, и когда он оборачивался, то особенно ясно видел огонь костра, зажжённого отцом. Иламану было немного страшно. Одно дело — разговаривать про ночную пастьбу, сидя на коше за чаем. И совсем другое — одному ехать в ночь.

Но он не жалел, что вызвался помочь. Теперь по крайней мере будет о чём рассказать ребятам, когда он вернётся в посёлок.

Иламан всё время озирался по сторонам, чутко прислушивался. Днём ездил здесь, но вот ночью всё выглядело иначе, он совсем не узнавал знакомых мест. Где же этот холм, похожий на лежащего шакала? Далеко ещё до него? Как его найти, когда ничего не видно вокруг?

Его нога случайно задела за ветку. Ага, это, наверное, пошли заросли кандыма — он приметил их днём. А немного подальше и расположена та лощина, где овцам будет хорошо пастись — трава там ещё не стравлена. И то, что кандым совсем рядом — тоже хорошо. Он разожжёт большой костёр, небу жарко будет...

Наконец, отара остановилась. Иламан легко соскочил на землю, стреножил ишака — пусть себе пасётся.

Сухие скрюченные ветви кандыма, которые он с трудом наломал, долго не хотели разгораться. Он истратил чуть ли не полкоробка спичек, прежде чем заплясало, перебрасываясь с ветки на ветку, подгоняемое ветром пламя. Теперь важно не упустить огонь — разжигай его потом ещё раз!

Иламан надел ойлюк в рукава и устроился рядом с костром на песке. Впереди была долгая ночь. Хоть бы скорей луна всходила, но теперь она всходит поздно... Да и какой от неё толк, если всё небо затянуло тучами? Он вскипятил чаю, выпил три пиалы, хотя ему вовсе не хотелось пить. Но отец не раз говорил, что чабаны всегда чаюют ночью у костра.

Сколько помнит себя Иламан,— отец всегда был чабаном, он всегда уезжал в пески, а потом приезжал домой, и сколько бывало радости, когда он — весёлый, загорелый — появлялся во дворе. Иламану всегда хотелось быть похожим на отца. Вот он уже третий раз приезжает сюда и знает, что отцу, наверное, ничего не стоило бы сейчас взять и пойти в темноту, которая вплотную подступает к костру. Это не так-то просто, как кажется. Ведь ничего не видно... А когда начинаешь прислушиваться, все звуки кажутся таинственными. Ветер зашелестит в траве — и сразу думаешь, что кто-то крадется...

И всё-таки надо, надо пойти. Сидеть у костра он мог бы и на мерд-хане. Какой же он чабан, если даже не взглянет, как там пасутся овцы. Овцы, которые сегодня ночью доверены ему одному.

Иламан решительно встал и свистнул в два пальца. К костру тут же подбежал Сыртлан, глаза его блеснули ярко-синими огоньками. Мальчик поднял одностволку, которую перед этим положил рядом на песок, сбросил ойлюк, чтобы не мешал, и направился к отаре.

Всё было в порядке. Овцы спокойно щипали траву, в темноте раздавался негромкий мерный хруст. Иламан постоял, опершись на ружьё, потом прошёл ещё дальше — передние овцы уже поднялись на гребень холма. Оттуда виднелась вдали светящаяся точка. Отец жжёт для него костёр, как обещал. И сразу стало как-то теплее и светлее.

Он повернулся и пошёл обратно. Костёр уже прогорел, золотисто-красные угли потускнели — они подёрнулись пеплом. Иламан только собрался подбросить свежих ветвей, когда внезапно раздался яростный лай Сыртлана. Секундой позднее к нему присоединилась Билек.

Иламан с сильно бьющимся сердцем схватил ружьё. Это — волки! Он ни разу не слышал, чтобы Сыртлан так захлёбывался лаем. Мальчик ни шагу ступить не мог и только потом сообразил, что лай удаляется. Погнали... Как хорошо, что собаки почуяли волков и что они обучены их не бояться, смело вступать с ними в драку. Молодцы собаки! Вот что бы он стал делать, если бы волк вдруг сумел подобраться к овцам...

И как только он об этом подумал, сразу увидел тень среди овец. Зазвенел колокольчик. Ещё, ещё один волк! Иламан вскинул ружьё. «Надо, чтоб не дрожали руки, руки чтоб не дрожали»,— успел он ещё подумать, и сам не заметил, как палец нажал на спусковой крючок. Только услышал гром выстрела да в плечо отдал приклад.

Тень метнулась, подпрыгнула. Волк сделал несколько прыжков в сторону и упал. Да, Иламан ясно видел — волк упал. Но подойти туда он боялся — что, если волк убит не наповал?.. И теперь, когда вся опасность была позади, Иламану стало так страшно, он почувствовал такую слабость, что вынужден был сесть. Костёр совсем потух, но у него не было сил снова его разжечь.

Он не помнил, сколько прошло времени до той поры, когда на гребне холма, на фоне посветлевшего неба, показался верблюд. Отец, сидевший наверху, махнул Иламану рукой. У костра верблюд опустился на колени, отец осторожно слез на землю. Он ничего не сказал, только погладил сына по плечу.

— Все хорошо?— спросил отец.— Собаки погнали волков?

— Погнали,— отозвался Иламан.— Одного погнали, а другой в это время подкрался к баранам. Я, кажется, его убил. Только, наверное, случайно в него попал — целился плохо и руки дрожали...

— Говорил я тебе — пусть пасутся рядом... Знаешь, как я гнал верблюда, когда услыхал твой выстрел...

— Ничего,— сказал Иламан. — Всё кончилось хорошо. Только знаешь что — я очень хочу спать...

Глаза у него действительно совсем закрывались.

— Так ты ложись! Ложись и спи. Теперь уже не так много до утра осталось. А ты у меня молодец! Настоящий мужчина и настоящий чабан. Прямо хоть завтра бери тебя к нам в бригаду.

Иламан ответил ему, глядя прямо в глаза:

— Вот кончу школу и приеду к тебе в пески. Не так — не на три дня, а насовсем... Примешь меня?

Отец рассмеялся.

— Конечно, приму. А теперь помоги мне подняться — надо снять шкуру с твоего волка, пока он ещё тёплый.

Иламан подумал и спросил:

— А можно эту шкуру повесить дома около моего стола, где я делаю уроки? Можно?

— Почему же нельзя? Приедешь домой — скажи маме, и она повесит.

Спать Иламану расхотелось — он вместе с отцом направился к тому месту, где лежал убитый волк.

ЛЫЖНЯ

ЛЕВ СОРОКИН

Рисунок Н. Микрюковой

Облака прервались,
И сквозь щели
Падает и падает снежок.
Все поля и горы побелели —
Белизна без края и дорог!

Как же тут не выйти на прогулку?
Радуя,
Волнуя
И маня,
Заставляя сердце биться гулко,
Вдаль уходит первая лыжня.

Может быть, в Сибири,
может, ближе,
Просит, белизною восхищён,
Будущий всемирный чемпион:
— Мамка, ну, купи быстрее лыжи!

Скороходы

ЛЕВ СОРОКИН

Рисунки П. Истомина

Попадались в сказках
людям
Скороходы-сапоги.
Их наденешь,
сразу будут
Семимильными шаги!
Замелькают километры,
Это бег или полёт?
Можно спорить даже с ветром,
Даже ветер отстаёт!
Я ходил не раз в походы,
И всегда мечтал в пути:
— Вот бы эти скороходы
Где-нибудь приобрести!
Так прошли бы год за годом
Но на зависть всех ребят
Вдруг ботинки-скороходы
Подарил мне старший брат.
В небе кружатся снежинки,
Месяц выгнулся в дугу.
Надеваю те ботинки,
Надеваю
и бегу.
Замелькали километры,
Это бег или полёт?
Можно спорить даже с ветром,
Даже ветер отстаёт!
И по глади ярко-синей
В скороходах я скольжу...
Их купили в магазине,
Я вам адрес укажу!

У НАС СБОР

ИРИНА КРУГЛИК

Рисунки Е. Гилёвой

Если бы не мама, Лида, наверное, не додумалась бы провести такой интересный и необыкновенный сбор.

Дело было так.

Каждый вечер, после ужина, папа уходит в свою комнату готовиться к лекциям — он преподаёт в институте. Мама укладывает Юрика спать и начинается «женский час». Это папа его так прозвал.

Женщины — Лида и мама — собирают со стола посуду и идут в кухню. Обеденную посуду моет мама, а чайную — Лида. У неё есть свой фартук, свой тазик и своя губка. Они моют посуду очень долго, целый час, у них это не работа, а отдых: моют и разговаривают. Лида давно уже привыкла: вечером она рассказывает маме самое главное, что произошло за день.

Так было и в тот раз.

— Ну, что у тебя новенького? — спросила мама, ставя на стол таз с горячей водой.

Лида передёрнула плечами:

— Опять мучились: план работы звена составляли. Ничего интересного не могли придумать. Неужели, мама, когда ты была пионеркой, у вас так же скучно было?

Мама улыбнулась и задумалась. Наверное, вспомнила, какая она была в то время. В Лидином альбоме с

фотографиями есть такая карточка: мама и ещё три девочки сидят на траве под деревом. Мама там только чуть-чуть похожая на себя — худенькая, большеглазая, с толстыми-претолстыми чёрными косами. У Лиды такие же толстые косы, только совсем светлые. Девочки на карточке одеты одинаково: в майках и шароварах, в тапочках на босую ногу, на голых шеях — пионерские галстуки. Лида знает — это мама была в пионерском лагере.

— Видишь, дочка,— начала мама, — мне как-то не было скучно. Много находилось у нас всяких дел! Между прочим, лом мы тоже собирали и ещё утильсырьё — всякие старые тряпки, бумагу, даже дырявые башмаки. Были у нас и более серьёзные дела.

— Ну, какие, например?

— Ну, например, ликбез.

— Ликбез?

Мама засмеялась:

— Ты даже не знаешь такого слова. Это — ликвидация безграмотности. Сейчас у нас, пожалуй, даже в самой далёкой деревушке не встретишь неграмотного человека, а тогда немало было взрослых людей, которые с грехом пополам могли свою фамилию подписать, а уж читать совсем не умели. И вот многие взрослые стали ходить в специальные школы, к другим учителя приходили домой, да необязательно учителя, а просто комсомольцы и даже пионеры.

— И ты приходила?

— И я приходила. Я сама тогда, конечно, маловато знала, но с меня много и не требовалось, нужно было научить одну старушку читать и писать.

— Ну и что? Научила?

— Научила. Сперва она не хотела учиться. Но я решила ни за что не отступать. Стала по вечерам приходить к своей ученице — её Анной Степановной звали — читала ей вслух. Слушала она с удовольствием, чаем меня угощала, а потом так приохотилась к книгам, просто беда. Если пропущу назначенный вечер, она сердится, ворчит на меня. «А вы, Анна Степановна,— говорю,— сами учитесь читать». Немножко поотнекивалась она, а потом села за букварь и, знаешь, способной ученицей оказалась.

— Ну вот, видишь. Вам, конечно, интересней было. И в лагеря вы вы-

ездили не так, как мы. Я помню, как ты рассказывала. Вы там всё сами делали...

Мама сложила в стопку вытертые Лидой тарелки, сняла с себя фартук, повесила его на гвоздик.

— Давай-ка, дочка, отнесём посуду в буфет, а потом продолжим наш разговор.

Когда всё окончательно было прибрано, мама зашла в маленькую комнатку, отделённую тонкой перегородкой от столовой, посмотреть, как спит Юрик. Малыш сладко посапывал, раскинув на подушке ручонки. Одеяло, сбитое в комок, лежало у него в ногах.

— Опять раскрылся! — шёпотом сказала Лида, выглядывая из-за маминой спины. Она заботливо натянула на братишку одеяло, и мама с дочкой тихонько вышли из спальни.

— Тоже пионер растёт,— улыбнулась мама.

...На широком диване в столовой очень удобно сидеть, поджав ноги, прислонившись к тёплому маминому плечу.

— Ну давай продолжать разговор,— просит Лида.

— Давай... Видишь, доча, ты много ерунды наговорила.

— Никакой не ерунды! — вспыхнула Лида.

— Нет, ерунды! «Вот вам раньше было интересно, а нам теперь не интересно, нам ничего делать не дают»,— передразнила мама.— Мы, действительно, в наших лагерях всё делали сами: и прибирали, и стирали, и еду готовили, никаких у нас поваров не было. Одни вожатые — молодые комсомольцы, чуть постарше нас. А ты представляешь, если бы взять, ну, хотя бы твоё звено, поселить за городом и сказать: вот вам лагерь, живите, делайте всё сами, отдыхайте, ходите в походы, одним словом, покажите, какие вы есть пионеры, что вы умеете.

— Ой, знаешь, как бы это хорошо было! — глаза у Лиды заблестели.

— Не знаю. Боюсь, что половина твоих подружек оказалась бы белоручками. А, собственно говоря, что зря спорить? Вот предложи в своём звене провести сбор на тему: «Кто умеет варить обед?»

— А как это?

— Очень просто. Соберётесь у кого-нибудь дома, принесёте продуктов и будете сами готовить обед. Вот и посмотрите, кто что умеет.

— Мамочка! Ты у меня самая умная на свете! А можно, мы у нас этот сбор проведём? — загорелась Лида.

— Да уж можно, проводи́те.

В звене предложение Лиды было встречено с энтузиазмом. Мальчики, правда, сперва заявили, что это будет «девчачий» сбор, но занозистая Вика Чернышова произнесла целую речь. Она доказала, что «девчачьих» дел вообще не существует и что без умения готовить еду, стирать, чинить одежду не проживёт ни один солдат, ни один моряк, ни один геолог, одним словом, ни один настоящий мужчина.

Договорились собраться в ближайшее воскресенье.

...В воскресенье Лида поднялась раны́м-рано́. Она очень волновалась и то и дело выбегала на балкон посмотреть, не идёт ли уже кто-нибудь. Юрик ходил за нею следом и хоть не

очень понимал, что должно произойти, несколько раз объявил соседке: «У нас сбол».

Наконец, один за другим стали собираться ребята. Первым пришёл Славка Снегирёв. Лида успела шепнуть маме, что это тот самый Славка, о котором без конца говорят и на классных и на родительских собраниях, самый отчаянный мальчишка, «ну, который ещё мне сандалии чернилами облил, помнишь?»

Испорченные сандалии мама помнила великолепно, но никак не могла себе представить, что видит «того самого» Славку.

Мальчик был в аккуратно отглаженном, немного тесноватом костюмчике. Он вежливо поздоровался, смущённо протянул Лиде несколько луковок, сказав, что его мама ещё не успела сегодня сходить на базар, а дома больше ничего не было. Сейчас же к нему подошёл Юрик и приветливо протянул первому гостю свою новую заводную машину, не забыв ещё раз сказать:

— А у нас сбол.

Пришли девочки — Вика, Галя, Света и Валя, нагружённые кульками и свёртками.

— Лида, раз ты звеньевая и хозяйка дома, давай принимай продукты и вообще распоряжайся,— не успев перешагнуть порог, затараторила Вика.

Пока девочки раздевались и знакомились с Юриком, подошли Дима с Лёвой. Первым в дверях появился Дима.

— Внимание!—провозгласил он.— Познакомьтесь с новым видом гужевого транспорта! Лёвка, не застрянь в дверях!

Красный, вспотевший Лёва со сползающей вязанкой дров за спиной, как нарочно, немедленно застрял. Он с силой дёрнулся, стремясь поскорей выйти из этого нелепого положения, и вязанка с грохотом рассыпалась.

— Наш Лёва всегда отличался ловкостью!— не замедлил объявить Дима и тут же первый начал собирать поленья. Девочки с хохотом бросились помогать ему.

Лёва, виновато улыбаясь, топтался на месте. Потом присел, чтобы поднять и свернуть верёвку, которой были связаны дрова, но вдруг вскочил на ноги и застыл с выражением неподдельного ужаса на лице.

— Что с тобой?!— в один голос вскричали Лида и Вика.

Но Лёва не в состоянии был выговорить ни слова. Дима с полминуты молча смотрел на него, потом его лицо стало расплываться в широчайшую улыбку, и он, с трудом выговаривая слова, объяснил, в чём дело.

— Ой, не могу! Товарищи! Пока вы собираетесь... ой!.. Показать, что вы умеете... Нет, мне сейчас плохо будет!.. Ой!.. Лёвка... продемонстрировал новый способ... Ха-ха-ха-ха!— залился он.

— Да какой способ, перестань ты хохотать!— начала сердиться Вика.

— Новый способ моментального приготовления яичницы в собственных карманах!..

Поднялся такой шум и смех, что мама не выдержала и вышла узнать, что произошло.

Лёва ещё больше смутился. Щёки его стали похожими на свёклу, а на глазах выступили слёзы. Мама взяла его за руку и повела в ванную. Там выяснилось, что в каждом кармане было по два яйца, которые теперь ни на что не годились. Кроме них, в карманах были ещё старые пёрышки, гвоздики, чернильная резинка и ещё много всякого хлама, и всё это вместе с раздавленными яйцами составило довольно противную, скользкую массу...

Карманы мама отмыла и велела оставить вывернутыми, чтобы быстрее высохли. В таком виде Лёва предстал перед товарищами, которые уже были в кухне и разбирались в принесённых продуктах.

— Явился?, — ехидно поинтересовался Дима, но тут же великодушно похвалил друга:

— А вообще-то Лёвка молодец.

Ведь никто из нас не догадался бы притащить дров. Теперь на плите моментально всё приготовим.

— Конечно, не то, что на электроплитке, — авторитетно подтвердил Славка Снегирёв.

По поводу меню разгорелись жаркие споры. Громче всех кричала Вика Чернышова. Ей казалось, что только она вносит правильные предложения.

Наконец, условились, что будут варить суп — Лидина мама дала кусок мяса. На второе отварят макароны, которые будут есть с суповым мясом, а на третье — кисель.

Славка вдруг спросил:

— А с овощами что делать? Вон их сколько натащили, в суп-то ведь немного надо.

— Подумаешь, большое дело! Останутся!— отрезала Вика.

— Давайте лучше винегрет сделаем, если найдётся подсолнечное масло.

— Конечно, найдётся! — обрадовалась Лида,— ты, Славка, молодец!

С нею согласились все, потому что в звене не оказалось ни одного человека, который бы не любил винегрета.

— Ну, за дело! — скомандовала Лида.

Быстро было решено, кто за что отвечает, и работа закипела.

Супом занялись Света и Валя. Света была уверена, что нет ничего проще: взять мясо, картошку, морковку, петрушку, лук, положить в кастрюлю, налить воды — и пусть себе варится на здоровье!

— Ещё лавровый лист нужно положить,— важно сказал Лёва,— я люблю с лавровым листом.

— А мама ещё что-то поджаривает, — неуверенно проговорила Валя,— лук, кажется.

— Удивительное дело!— вмешался Славка Снегирёв,— девчонки, а ничего не понимают! Если суп без мяса, то в него жарят лук, а если мясной, то ничего не жарят. И сперва одно мясо с луком и петрушкой варится, а уж потом картошку и ещё чего-нибудь — крупу или лапшу добавляют.

— Соображать надо!— немедленно подхватил Дима,— из последних достижений науки известно, что мясо варится дольше, чем картошка. Профессор Снегирёв! Разрешите обратиться за консультацией?

— Ну, чего тебе?

— Скажите, пожалуйста: макароны нужно помыть прежде, чем

ставить варить, или просто залить водой и ставить на огонь?

— Что ты? Что ты?— закричала Вика, не дав Славе рта открыть.— Это я знаю, я дома варила! Макароны опускаются в кипящую воду, а промываются потом, когда сварятся.

— Благодарю вас,— невозмутимо поклонился Дима,— я так и думал!

Все рассмеялись.

— Лёва! Что ты делаешь?— раздался Лидин голос.

— Клюкву давлю. Ведь её для киселя раздавить нужно,— лицо Лёвы покрылось брызгами клюквенного сока, смотреть на него без смеха было невозможно.

— Лёвушка! Её сперва обварить нужно, тогда и давить легче будет, она мягкая станет, — объяснила Лида.

Дима и тут не выдержал:

— Лёва всегда идёт навстречу трудностям, он и твёрдую клюкву раздавит, ему ничего не стоит!

— Ребята, а я так и знала, что Наташенька наша не придёт, — вдруг сказала Вика.— Завтра обязательно придумает, что ей было очень некогда. А на самом деле просто она ничего делать не умеет.

— Ну, уж если быть справедливыми,— заметил Дима,— никто из нас не может похвастаться, что много умеет.

— Не делаете ничего дома, вот и не умеете,— проворчал Славка.

— А ты?— Вика даже глаза прищурила и приготовилась произнести речь насчёт хвастунов.

— А мне приходится,— коротко ответил Славка и замолчал.

Ребята тоже замолчали. Они вспомнили, что у Славки в прошлом году умер отец. Кроме Славки, осталось ещё трое маленьких ребятишек. Мама его очень много работает и старший сын — её единственный помощник.

Неловкое молчание прервал звонок. Лида побежала открывать и вернулась с Наташей Подгорецкой — нарядной кудрявой девочкой.

В руках у Наташи был большой свёрток, который она держала очень бережно.

— Здравствуйте, ребята! Я немножко опоздала?

— Совсем капельку! — ответила за всех Вика.— Обед уже на плите.

— Разрешите, пожалуйста, я освобожу вас от этого груза и дам возможность снять пальто,— подскочил Дима.

— Осторожней только!— преду-

предила его Наташа, передавая свёрток. Дима отправился к столу, развернул бумагу.

— Товарищи!— вскричал он, заглянув в свёрток.— Наташа лучше всех поняла цель нашего сбора. Привет Наташе! Знаете что здесь? Пирожные! Урра!

Смех товарищей нисколько не смутил Наташу.

— Мне мама сказала,— объяснила она,— что из затеи нашей всё равно ничего не выйдет, и мы останемся голодными. Вот она и велела мне купить пирожных, чтобы хоть чаю с ними попить.

— Чего это мы голодными-то останемся?— возмутился Славка.

— Ну ладно, — вмешалась Лида.— Скоро всё будет готово. Надо накрывать стол.

— Давайте я буду, — вызвалась Наташа.

— Чёрной работы наша Наташенька никогда не любила! — начал было Дима, но Лида тут же остановила его:

— Да перестань ты, Димка! Пусть накрывает, а потом будет посуду мыть.

Обед прошёл весело. Когда сели за стол, по предложению Вики пригласили Лидину маму: пусть она решит, справились они с делом или нет.

— Вести обед буду я! — заявил Дима, и ему никто не возражал, потому что это всё равно было бы бесполезно.

— Внимание! Подаётся первое: суп мясной. Ответственные за блюдо Света и Валя,— объявил Дима.

Попробовали суп.

— Замечательный суп!

— Очень вкусный! — раздались голоса.

— Товарищи! — снова вмешался Дима.— Что за неорганизованность? Прошу одобрение выражать аплодисментами.

Все рассмеялись и дружно стали аплодировать смущённым девочкам.

Обед удался. За столом то и дело раздавались аплодисменты.

— Сроду так не объедался,— пробасил Славка.

— Ну, молодцы, ребята!— сказала Лидина мама.— Откровенно говоря, думала, что у вас хуже получится. Правда, в супе многовато лаврового листа...

— Мы всего два листика положили!— не выдержала Света.

— Простите, товарищи, — Дима встал и осторожно, двумя пальцами, приподнял над столом лавровые листики,— только в моей тарелке их оказалось три. В чём же дело?

— Это я,— признался Лёва,— я думал, они забыли, а я люблю с лавровым листом.

— Ну, ничего,— засмеялась мама,— суп вы всё-таки съели с удовольствием. Кисель, по-моему, получился жидковат...

— Холосый кисель!— под общий смех заступился за поваров Юрик. Он сидел на коленях у Славки Снегирёва, и его мордашка, вымазанная в киселе, лучше всего говорила о том, что это блюдо ему очень понравилось.

— Ну и прекрасно! Это хорошо, что вы не белоручки...

Дима тут заулыбался и хитро посмотрел на Наташу, а она почему-то покраснела.

— Только учтите, ребята,— продолжала мама,— вам ещё многому нужно учиться, чтобы никогда, ни в какой обстановке не оказаться беспомощными. Пионер должен уметь полностью обслужить себя, уметь оказать себе и товарищу первую помощь, не заблудиться в походе...

После обеда, когда девочки вымыли посуду, а мальчики подмели пол в столовой, кухне и коридоре, состоялся целый концерт.

Лида играла на пианино, а Наташа пела. Уж что Наташа очень хорошо умеет, так это петь!

Димка встал на середину комнаты и, совсем как артист, прочитал несколько стихотворений. Славка Снегирёв, словно нарочно, решил всех удивлять в этот день: он оказался замечательным плясуном. Даже маленький Юрик рассказал о том, как «уронили Мишку на пол».

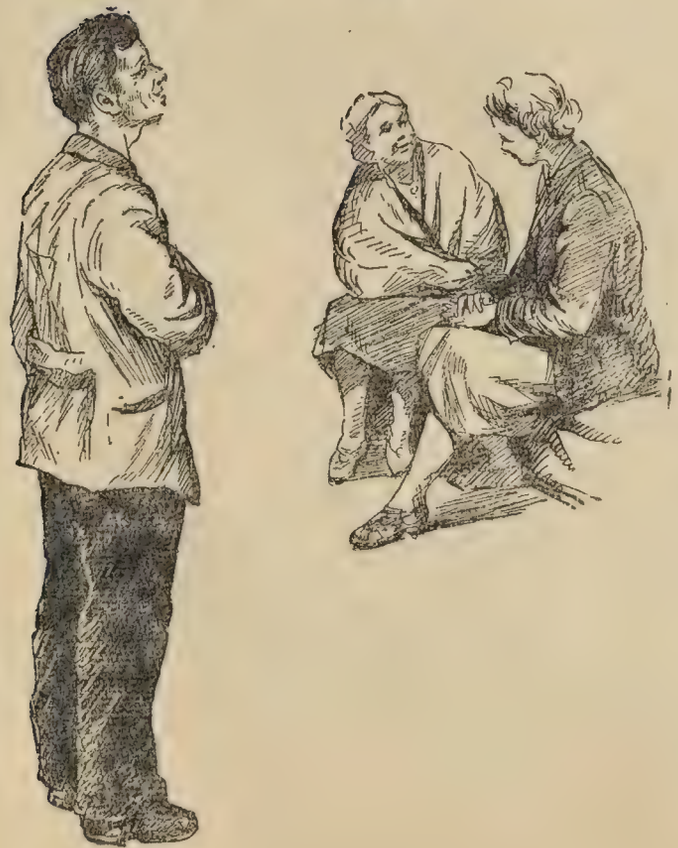
Закончился этот весёлый сбор старой пионерской песней, которой научила ребят Лидина мама:

Здравствуй, милая картошка-тошка-
тошка-тошка,
Низко бьём тебе челом-лом-лом.
Даже дальняя дорожка-рожка-рожка-
рожка
Нам с тобою нипочём-чём-чём!

Я говорил по радио

НИКОЛАЙ СЕМИН

Рисунки Е. Савицкой



Нас по радио недавно
Пригласили выступать.
О своих успехах славных,
Об ученье рассказать.
Я сказал, что в первом классе
Я учусь всегда на пять,
Что дружу я крепко с Васей
И хочу пилотом стать.
— С новым счастьем,
с Новым годом!—
Я по радио сказал.—
Слава нашему народу!
И народ меня слыхал.
И у нас, в квартире нашей,
Тоже слышали меня!
Папа с мамой, тётя Саша,
В общем, наша вся родня.
А потом мы песню спели
О красавице Москве.
Полторы прошло недели
С той поры, а может,— две.
И теперь я получаю
Много писем каждый день
Из Москвы и из Алтая,
И из дальних деревень.
В письмах задают вопросы,
Как учусь я, как живу,
И приехать в гости просят
В Киев, Горький и Москву.

МАНСИЙСКИЕ СКАЗЫ

Спасибо тебе, сали!

Рисунки Б. Жутовского и Д. Шимилиса

Есть на Северном Урале излюбленное место манси, зовётся оно озером Ватка-Тур. Недалеко от этого озера и жил в одинокой юрте охотник со своей семьёй. Звали его Захаром. Был он трудолюбив. Целыми днями ходил по тайге, охотился. Знал повадки каждого зверя, умел подкарауливать хитрую лису, находить зимой медвежьи берлоги, умел рогаткой изловить сохатого. Только оленей он никогда не ловил. Любил их Захар, всегда любовался ими.

Однажды пошёл Захар на озеро поставленные на рыбу сети проверить. Дело летом было. Время уж к вечеру клонило. Свернул он с тропки и направился к озеру. А у озера-то место топкое, зыбкое. Идёт Захар, с кочки на кочку перепрыгивает, а ноги прямо по колено в мох проваливаются. А морошки кругом — страсть как много! Тут и голубика, и клюква растёт. И такая красота кругом, тишина, только мошкара жужжит. Но Захар привык и не замечает её.

Вдруг увидел Захар, что мох во многих местах прямо с корнем выдран. Присмотрелся хорошенько и заметил по следам, что зверь тут бежал. Тихо на озере. Только и слышно, как рыба плещется, да утка вспорхнёт.

Отдохнул Захар, закурил, за дело рыбацкое хотел приниматься, как замер вдруг: недалеко от него стоял красивый зверь. «Да это ведь сали!» — мелькнуло в голове у Захара, и весло из рук выпало. Встрепенулся олень, постоял с минуту и, гордо подняв голову, убежал прочь.

Посмотрел Захар вслед ему и принялся сети вытаскивать. Улов

был небольшой. По дороге домой Захар только и думал об олене.

Прошло лето, пришла и ушла осень, наступила зима. А зима на Урале суровая да снежная! Трудно Захару с семьёй было жить. Юрта совсем худая стала. А удачи в охоте нет: «Или зверь далеко ушёл, или сам я без сноровки охотиться стал», — думает Захар. Пошёл он снова в лес. Идёт день, другой, из сил выбивается, а на след зверя набрести не может. А мороз даёт о себе знать: вся одежда заиндевела, усталость и дремота так и валят с ног.

Вышел из лесу к болоту. Тут буран сильный поднялся. И видит Захар на другом конце болота стадо оленей пасётся. Обрадовался Захар. А олени копытами наст разгребают да из-под снега зелёный мох-ягель себе добывают. А среди них тот с серебряным пятнышком во лбу, которого он на озере видел. Стал Захар потихоньку подползать к оленям. Учуяли олени, что человек близко, и когда Захар вышел из-за лесины — уже ни одного не увидел. Совсем растерялся и обессилел манси. Хотел уже повернуть обратно, вдруг видит: прямо к нему, опустив голову, идёт самый большой и сильный олень. Попятился Захар, спрятался за лесину. А олень остановился около Захара и сказал ему голосом человечьим: «Здравствуй, Захар-охотник». Испугался Захар, на колени пред ним опустился. Всю жизнь он прожил в тайге, но такого не бывало. А олень продолжал: «Я много прожил на свете, вижу, как ты трудишься, бродишь во все времена года по лесам тайги, а удачи нет тебе».

Захар в ответ: «Памасибо[1], гордый сали, что ты словом согрел да пожалел меня».

А олень говорит: «Приходи завтра

[1] Памасибо — спасибо.

снова на это место», — и, подняв высоко голову, убежал.

Многое передумал за эту ночь Захар. Не верилось, что олень с ним разговаривал.

Только показался первый луч солнышка, как увидел Захар красавца оленя. Увидел и олень измученного Захара и говорит: «Буду я другом твоим и помощником, служить тебе буду. Садись на меня, я мигом домчу тебя до дому».

Быстро мчался олень по тайге, но ни одна ветка не хлестнула Захара, ни одна снежинка не свалилась с ветки. Сколько было удивления и радости в юрте, когда вернулся Захар верхом на олене!

Дни шли за днями, и все привыкли к «доброму сали», как все называли его. Легче стало жить Захару.

Освободил олень Захара от самых тяжёлых работ.

Долго думал охотник, чем же отблагодарить сали за его доброту, за то, что он облегчил тяжёлую долю человека-манси. Думал он, думал и стал со своей семьёй мастерить такие рога, каких ни у кого нет. Долгие вечера сидели они и вытачивали, отшлифовывали каждую веточку. И вот готовы рога: крепкие, ветвистые, красивые!

Весной, когда начал таять снег, тайга наполнилась криком птиц и зверей. Озеро Ватка-Тур было особенно красивым. Утки прилетали стая за стаей. Соскучившись по родным местам, они с шумом и свистом плескались в озере. Вышел Захар из юрты, запряг оленя и посадил всю свою семью на нарты.

— Поехали! — крикнул он, и они помчались по бескрайним тропам родной тайги.

Вот и Ватка-Тур!

Захар освободил оленя из упряжки и вывел к озеру, возле которого впервые увидел его. В это время старший сын Захара принёс оленю изготовленные для него рога.

— Вот тебе, дорогой сали! — сказал Захар.

Олень покачал головой в своём новом убранстве. Прошёлся, красуясь, по берегу озера, копнул острыми рогами землю.

— Спасибо тебе, дорогой сали, за помощь,— сказал Захар-охотник.

— И тебе спасибо, человек добрый,— ответил олень, взмахнув красивыми рогами,— с такими рогами и волк не страшен.

Говорят, что с той давней поры олени носят рога и дружат с человеком.

Про рябчика.

Многие знают, наверное, рябчика — самую мелкую из боровых птиц. Рябчик зимует в наших местах, не улетает на юг. Пёрышко рябчика в два цвета: полоска беленькая, полоска серенькая — и так весь он рябой. За то его рябчиком и назвали. Мясо его белое, волокнистое и вкусное, да жаль, что сам он всего с кулачок. А ведь сказывают люди, что рябчик когда-то большущей птицей был, больше глухаря теперешнего.

— Фр-р-р! — и теперь далеко слышно, как он летит. А раньше-то, когда он большой птицей был, такой шум стоял от его полёта, что вся мелочь пернатая шарахалась. Ну, ясно, гордился он собою. Только плохое это дело — одного себя любить, одним собою гордиться. И наказали его птицы за хвастовство и зазнайство.

Вот про это и сказ будет.

Золотая пора — осень уральская! Благодать вокруг, раздолье, простор. Воздух свежий и чистый. В нарядном сарафане рябина, тяжёлыми гроздьями увешана чёрная черёмуха. А вокруг целое море бордово-красной брусники, перезревшей черники и словно наливной костяники. В это время и птице раздолье. Отведают они всего, чем богаты лесные просторы. В осеннее время птица вся на лету — и перелётная и зимующая. Вот Филя — мальчик один,— заглядевшись на птиц, зашёл далеко в лес, где деревья стоят близко друг к другу, будто обнявшись, где вер-

шины их, кажется, упёрлись в самое небо, где темно, как ночью. Не впервые видит это Филя, привычно всё глазу его, да всё равно как-то всё любо-дорого. То птичка по-особому прокричит — знает Филя, птенцов предупреждает, то в стороне ласково прощебечет — лучшую ягоду своему малышу показывает. Да и не заметил паренёк, что от дома далеко ушёл. А тайга большая! Ай, какая большая! Сердится! Вначале Филя не боялся, думал, что найдёт дорогу. Уж и солнце стало за лес садиться, потемнело вокруг, а места́ Филе всё незнакомые.

Сумерки наступили, да скоро и ночь пришла. Сон — не в сон. Совсем рано утром, как только солнце показываться стало, слышит Филя щёлканье в лесу. Прислушался — глухарь токует. Посмотрел — на лиственнице сидит молодой глухарь, а старый его токовать учит. Спросил Филя старую птицу:

— Дорогу потерял Филя, покажет глухарь дорогу?

Оставил своё важное дело глухарь,— полетел, взмахнув своими тяжёлыми крыльями. Долетел до озера, остановился. Видит Филя, устал глухарь.

— Спасибо, глухарь. Лети обратно. Утку просить буду.

Присмотрелся. Утка утят плавать, нырять учит: то поднимется высоко — и утята за нею, то опять садится на озеро — и утята за нею, плавают, плещутся. Попросил Филя утку показать ему дорогу к жилью человеческому. Утка оставила своё занятие и полетела. Шёл, шёл за уткой Филя, сам устал. Поблагодарил утку:

— Много дел у тебя, лети обратно. Стаями скоро сбираться будете.

Улетела утка. Отошёл Филя немного, видит: косач по бору ходит, ягоды клюёт и нет-нет да по сторонам поглядывает, любуется, как молодые косачи наперегонки летают.

— Добрый косач, — сказал Филя,— покажи мне дорогу.

Косач замахал своими чёрными крыльями, полетел. Филя пошёл за ним. Летел косач, пока не устал. Отпустил Филя и косача, пошёл один.

Идёт, идёт и видит, что нет бездельников в тайге. Все заняты своим делом. Сел Филя и задумался. Сидит, слушает, как лес шумит.

И вдруг как разнесётся по всему лесу «Фр-р-р!» Вздрогнул Филя, обернулся. Видит, птица громадная летит, солнце крыльями закрыла, голова вверх задрана, летит не спеша. Потом села невдалеке, из стороны в сторону поглядывает, пёрышки клювом перебирает, пересчитывает, приглаживает.

— Рябчик, помоги мне! Филя спасибо скажет. Устал Филя. Юрту потерял.

Как засмеётся, как завертит птица головой из стороны в сторону:

— Думал ли ты, что сказал? Я — рябчик. Я самая лучшая птица, самая красивая, самая большая. Мало тебе в тайге мелкой птицы? Вздумал ещё, чтобы я ему дорогу показывал.

Захохотал, зафыркал, взмахнул крыльями и улетел. Слышали птицы речь рябчика и решили дорогу Филе показывать по очереди. Довели они его до речки небольшой. Слышит Филя, раздаются грустные звуки родной санголы, песни охотников, лай собак. Обрадовался он, отпустил птиц, сам бегом побежал к юрте. Рады были все в юрте, когда увидели Филю.

— Кто дорогу домой показал? — спросил отец.

— Птицы,— говорил Филя.— Хорошие птицы, только рябчик плохой.

— Зачем Филя рябчика ругает? Рябчик — большая птица. Рябчик мяса много даёт.

— Плохая, плохая! — говорил Филя.— Рябчик себя любит, других не любит. Рябчик смеётся над горем. Рябчик не слушает других.

— Зря Филя рябчика ругает. Рябчик — хорошая птица,— не верит отец.

Тогда собрал Филя всех птиц. Пришёл и отец послушать, правду ли Филя про рябчика говорил. А рябчик только одно и то же твердит:

— Кто вы все против меня? Мелочь! Кто ещё сравнится со мною? Вас — стаи, а я один лучше всех!

— Вот что, рябчик,— сказал тогда отец.— Вижу, что зазнался ты, над другими смеёшься. А за всё это разделим мясо твоё между птицами. Быть тебе отныне меньше всех из боровых птиц.

Испугался рябчик. Взмолился. Да нечего делать. Сделали так птицы, как хотели. Разделили его белое мясо между собою, а ему с кулачок оставили только.

Так рябчик и стал самой незаметной птицей. Только и осталась у него привычка при взлёте фыркать да крыльями шумно размахивать. Но никто на это и внимания теперь не обращает.

Манси (прежнее название — вогулы) — народность малочисленная, населяющая часть Северного Урала и районы Ханты-Мансийского национального округа. До революции манси были безграмотны, а при советской власти создана письменность на мансийском языке, имеются учебные заведения, издается литература. У народа манси богатое устное творчество: легенды, сказки, песни. Публикуемые здесь мансийские сказки записаны в Ивдельском районе Свердловской области.

Записали в селе Бурмантово и обработали М. Анисимкова и М. Лопатина.

Кузя

КИРА ТКАЧЕНКО

Рисунок Н. Уласевич

Был у меня щенок Кузя. Красивый, породистый, настоящий спаниэль. Плавают и ныряют спаниэли лучше всех охотничьих собак. Всё у них к этому приспособлено: уши длинные, кудрявые, чтобы вода в них не заливалась, на лапах волнистая шерсть — гачами называется. Гачи у спаниэля всё равно, что у рыбы плавник. Но мой Кузя воды боялся — в речку никак не загонишь. Родился пловцом, а воды боится! Махнул я на него рукой: собачка для забавы, и только. Но ребята очень Кузю полюбили. Повсюду за собой таскали.

Однажды мы в лес отправились, и Кузя за нами увязался. Но на мостике — узкой доске через речку Ульянку — отстал. Да и мудрено было ему не отстать, когда уши, длинные-предлинные, глаза закрывают, неуклюжие толстые лапы за каждый сучок цепляются. Пока Кузя так по мостику пробирался, смотреть ему по сторонам было некогда, оттого и не заметил, кто с того конца доски навстречу двигался.

И случилось, как в сказке про двух баранов, которые на мостике встретились и из-за своего упрямства утонули. Только здесь не бараны, а два смертельных врага на пути своём столкнулись: собака и кошка. Испугался щенок. Что делать? Куснуть? Да очень у врага морда строгая. Круглая, глазастая.

Но, видно, серая кошка смелее Кузи оказалась или положение её, вовсе безвыходное, отчаянности ей придало, только долго она раздумывать не стала. Заорала диким голосом, да как цапнет Кузю за морду. От ужаса и боли бухнулся щенок всеми четырьмя лапами в воду и... научился плавать.

Пчела

ЕВГЕНИЙ ФЕЙЕРАБЕНД

Рисунки В. Воловича

С улицы влетела
В комнату пчела
И себе дороги
Дальше не нашла.

С лёту головою
Бьётся о стекло
И понять не может
Что произошло.
Роща перед нею
И цветущий луг,
Где сейчас летают
Тысячи подруг.

У пчелы заботы,
У пчелы дела,
И жужжит сердито
Пленная пчела.

Отложу задачник,
Подойду к окну
И перед пчелою
Створки распахну.

Пусть летит на волю
Пленница моя!
Всех, кто занят делом,
Уважаю я.

Утята

ЕВГЕНИЙ ФЕЙЕРАБЕНД

Рисунки Н. Мооса

В зной болото пересохло,
Опустело и заглохло.
Комары умчались тучей
Поискать квартиры лучшей,
И, куда глядят глаза,
Полетела стрекоза.

Мама-утка волновалась,
В путь-дорогу собиралась
И в поход в конце концов
Повела своих птенцов.
Научила, как в пути
Нужно им себя вести.
Отвечали дети: «Кряк!
Будем, мама, делать так!»

Утка по лугу идёт,
За собой утят ведёт.

Вдруг огромный страшный пёс
Меж кустов просунул нос.
Не успел он бросить взгляд —
Все одиннадцать утят
Хлоп на месте на бочок,
Притаились — и молчок!
Словно камешки, лежали,
Не дрожали, не дышали,
Каждый был — как неживой.

Различи-ка их с травой:
Так сливался с цветом цвет,
Будто их и вовсе нет!

Упорхнула мама-утка,
Вслед ей пёс залаял жутко,
Побежал стремглав за ней,
Не заметил малышей...

А на озере просторном
Кряквы плавали проворно.
Вдруг закрякали они:
— Сколько к нам идёт родни!

Все одиннадцать утят
Вслед за матерью спешат
Вперевалку, как матросы.
Все круглы, широконосы.

— Да,— сказала мама-утка,—
Переход такой не шутка.
Хорошо, что детям впрок
Оказался мой урок.

У НАШИХ ДРУЗЕЙ

Юные патриоты

ВИКТОР СТАРИКОВ

Рисунки В. Кашкина

Во время путешествия по Болгарии мне в руки попала скромно изданная в Софии издательством «Народная молодежь» книга Славчо Трынского «Партизанские воспоминания». Книга читалась с увлечением. Герои рассказов этой книги — дети и подростки, которых автор встретил в годы тяжёлой борьбы болгарских партизан с гитлеровскими захватчиками. В очень простых на первый взгляд рассказах поражает глубина и сила любви ребят к своей Родине, их готовность служить ей, глубокая вера в силу отцов и братьев, вступивших на трудный путь вооружённой борьбы за свободу своего народа.

Эти чувства юных патриотов будут понятны, если знать славную историю Болгарии. Болгарский народ испытал семивековое турецкое иго, от которого его освободил русский народ. Эти семь веков турецкого ига были веками народной борьбы за свою национальную культуру против иноземных захватчиков. Болгарские дети свято чтут память людей, которые пожертвовали собою ради свободной жизни болгарского народа. Героические образы борцов за счастье народа служат ярким примером для болгарских детей. Они растут смелыми, мужественными, готовыми выполнить свой долг перед народом.

В этом у них много общего с нашими детьми. В годы войны с гитлеровскими захватчиками и мне пришлось встретить у нас в партизанском крае немало юных патриотов, которые разделяли все тяжести военных походов со своими отцами и братьями, совершали героические поступки, смело смотрели в глаза смерти.

Небольшая книга рассказов Славчо Трынского «Партизанские воспоминания»

пользуется большой любовью среди юных читателей Болгарии.

Вскоре я познакомился и с автором это книги, который в Болгарии так же популярен, как у нас знаменитый командир украинских партизан Ковпак.

Это был среднего роста, с сильной проседью в тёмных волосах, стройный человек лет сорока пяти, в форме генерал-лейтенанта. Что-то орлиное и гордое было во всём его облике. Мы сидели в парке Военной Академии имени Георгия Раковского в центре Софии. Слышно было, как на асфальтированную дорожку с резким стуком падают созревшие каштаны. Буковые деревья роняли яркие листья. Золотая осень стояла в Софии. Хотя шла вторая половина октября, но солнце ещё грело полетнему.

Я слушал рассказ Славчо Трынского о его жизни и деятельности болгарских партизан.

Славчо родился в большой крестьянской семье, где росли пять мальчиков и три девочки. После первой мировой войны часть болгарской земли отошла Югославии. Случилось так, что Югославии отошёл и тот скудный участок земли, которым владел отец Славчо. Дети хорошо знали, что такое голод и нищета. С ранних лет они батрачили у зажиточных крестьян, носили ту одежду, которую им дарили хозяева. Школы в родном селе не было. Маленький Славчо ежедневно выходил рано утром и проделывал до школы путь в восемь километров. И так каждый день шестнадцать километров пути. Закончив сельскую школу, он поступил в гимназию. Там связался с боевой комсомольской организацией болгарской молодёжи — Рабочим Союзом Молодёжи. Полиция захватила комсомольца с революционными листовками. За это Славчо был исключён из гимназии и лишён права поступления в другое учебное заведение. Работая вместе с отцом плотником, он занимался самостоятельно и сумел сдать экстерном экзамены за среднюю школу.

На одном из подпольных собраний Славчо познакомился с коммунистами и в 1938 году вступил в Коммунистическую партию Болгарии. В 1942 году он вторично попал в полицию, но на суде ему удалось оправдаться. По выходе из тюрьмы Славчо Трынский по решению Коммунистической партии перешёл на нелегальное положение и был послан в сёла для организации и руководства партизанским движением.

Первая партизанская группа состояла всего из четырёх человек. Она успешно провела несколько боевых операций, и в неё потянулись люди. Вскоре маленькая группка выросла в сильный партизанский отряд, который причинял врагу много неприятностей. В 1944 году под командованием Славчо Трынского в горах возле Софии действовала Первая партизанская дивизия. Эта дивизия приняла активное участие во многих боях по освобождению Болгарии и столицы её Софии от фашистских захватчиков.

Заканчивая рассказ, Славчо Трынский сказал, что написать книгу его побудили юные читатели. Ему приходилось много встречаться с ними, они с жадным любопытством расспрашивали его о партизанской борьбе. «Учтите,— добавляет автор,— в книге нет ни одного вымышленного героя. Со многими из них я встречаюсь и сейчас. Теперь это взрослые люди, работают в колхозах, на предприятиях, в учреждениях, учатся».

Сейчас генерал-лейтенант Славчо Трынский возглавляет в Болгарии Военную Академию имени Георгия Раковского и является кандидатом в члены Центрального Комитета Болгарской Коммунистической партии.

Мне кажется, что нашим юным читателям будет интересно поближе познакомиться с болгарскими товарищами, узнать о их жизни в годы войны с гитлеровскими захватчиками. Поэтому я решился на перевод с болгарского языка нескольких рассказов из книги Славчо Трынского.

Генерал-лейтенант Славчо Трынский, передавая привет советским юным читателям, очень просил их написать свои отзывы об этих рассказах. К этой просьбе Славчо Трынского я присоединяю и свой голос.

ЦЕНКА

В первые дни, когда организовался партизанский отряд, мы располагались возле сёл Бохово и Слишовцы, где жили наши ятачки, — так в Болгарии в годы войны звали людей, активно помогавших партизанам,— Божана Тазова, бабушка Сета Стратиева и бабушка Раинка Захарьева. Эти верные люди часто нас выручали, они приходили в лагери, приносили продовольствие, сообщали все сельские новости и сведения о противнике.

Лагерь возле села Бохова находился в местности, известной под названием Бож,— в маленьком буковом лесу, окружённом со всех сторон заброшенными полями. Всех ближе тут был дом Божаны Тазовой, которую мы звали тётя Тонка. В лагерь обычно приходили она, её четырнадцатилетняя дочка Цена, зять Гюро Симов и его супруга Катя. Но чаще всего мы видели Цену. Она ежедневно приходила к обеду, приносила продовольствие и, не задерживаясь, возвращалась домой. Её мать, чтобы девочку не могли в чём-либо заподозрить, посылала маленьких детей пасти коров поближе к лагерю. Если кто-нибудь встретит Цену и спросит: «Кому несёшь обед?»,— у неё готов ответ: «Пешо... Вон там пасёт коров».

Однажды мы со Стефаном вернулись в лагерь с боевой операции до рассвета. В рюкзаках — ни крошки хлеба. Случилось так, что всю ночь мы находились в пути и нигде не смогли запастись пищей. Мы были не только очень голодны, но ещё и промокли под проливным дождём.

Обязательно нужно просушиться. Но в такой ранний час мы не могли воспользоваться помощью тёти Тонки. Зачем тревожить добрых людей?

Пока чистили оружие, встало солнце и бросило первые лучи на ближайшие холмики. На крохотной полянке, где могло бы разместиться не более четырёх человек, стало светло и весело. От нашей одежды курился парок, мы чувствовали, как приятная теплота ласкает всё тело. Разделись и развесили свою одежду

на кустах. Затем побрились и причесались.

С восточной стороны леса послышался детский голос. Это подействовало на нас ободряюще. Быстро оделись и, бесшумно продираясь сквозь густые заросли, вышли к опушке леса. На полянке паслись коровы, а неподалёку на гладком пне сидела маленькая девочка. Она вязала, изредка поднимая голову, оглядывала пасущийся скот и снова продолжала сосредоточенно вязать.

— Узнаёшь её? — шёпотом спросил меня Стефан.

— Нет, на таком расстоянии не могу узнать. Надо её позвать.

— Испугается, — возразил Стефан.— Может убежать.

— Возможно, конечно. Но нужно попробовать заговорить с ней.

— Как? Мы же не знаем, как её зовут.

Я отдал свою винтовку Стефану, который укрылся в кустах, вышел смело на полянку, лёг на землю и засвистел случайно пришедшую в голову мелодию.

Девочка услышала свист, подняла от вязанья голову и подозрительно посмотрела в мою сторону. Заметив меня, она встала с пня, подняла упавший белый клубок и начала быстро наматывать на него шерсть. Затем бросила встревоженный взгляд на коров, переступила нерешительно с ноги на ногу и остановилась.

— Девочка! Сколько у тебя коров?— спросил я и встал.

— Семь.

— Чьи они?

— Наши... Бориса Такова.

— Тебя как зовут?

— Ценка.

— Найдёшь водички напиться?

— Нет, но там внизу есть колодец.

— Возьми флягу и налей, пожалуйста, водички. А я послежу за твоим стадом.

Девочка заколебалась, но потом решительно подошла ко мне. Подойдя вплотную, Ценка узнала меня, глаза её увлажнились, и вдруг она бурно, заплакала и бросилась ко мне в раскрытые руки.

— Батко!— воскликнула она (так у нас в Болгарии обращаются к старшему по возрасту).— Жив ли?

— Жив, жив,— говорил я, растроганный таким сердечным волнением девочки.— А ты рада, что видишь меня?

Ценка всё продолжала плакать, обнимая меня своими слабыми ручонками.

— Бабушка и мама каждый день плачут. В селе говорят, что ты убит.

— Кто же это говорит?

— Михаил — староста.

— Что же он говорит?

— Рассказывает, что в прошлом году это ты сжёг его хлеб. Но в Софии тебя поймали и убили.

— А что в селе говорят люди о его хлебе?

— Радуются. Сам он свой хлеб берёг, не сдавал, других заставлял платить за него.

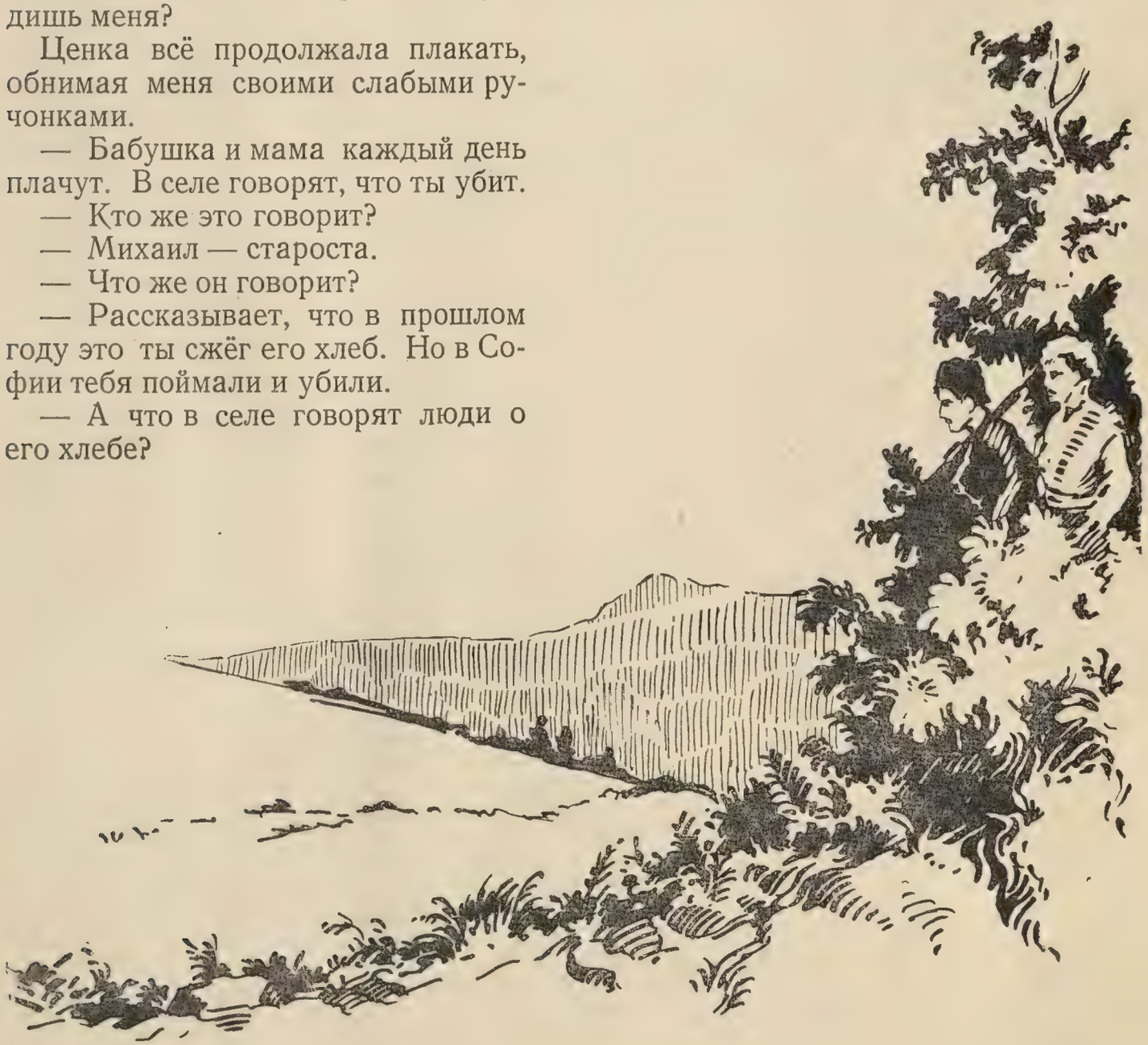
— А бабушка и мама где?

— Окучивают кукурузу в Дурманице.

— У вас дома никого нет?

— Никого. Батко, есть ли у тебя хлеб?

— Нет, всё поели. А почему спрашиваешь?



— Просто спрашиваю,— сказала Ценка и снова заплакала.— Батко, ты последи за коровами, а я сбегаю домой, принесу хлеба,— говорила девочка, сильно всхлипывая.

— Я не один.

— Сколько вас?

— Двое.

— Кто другой?

— Тошо,— и указал на Стефана, который вылезал из кустов.

Стефан подошёл, обнял Ценку и расцеловал её.

Она стремглав помчалась под уклон и скоро скрылась из наших глаз.

Не прошло и получаса, как Ценка пришла с полной корзинкой продуктов. Она принесла половину большого круглого хлеба, несколько больших кусков вкусной овечьей брынзы и варёные яички.

Вечером по приглашению Ценки мы зашли к ним в дом. Она ждала нас, притаившись в темноте за калиткой.

Когда прощались, Ценка обратилась к бабушке и спросила:

— Бабушка, можно спрятать их в нашем сарае? Я буду носить им пищу.

— Можно,— сказала решительно бабушка Тонка,— это наши добрые люди и заслуживают этого.

Так с маленькой девочкой Ценкой верными людьми нашего партизанского отряда стало всё семейство дедушки Тако.

Мы слышали о вас

Возле села Кышле, недалеко от границы, которая десяток лет разделяла болгарских и югославских братьев, через густой буковый лес проходит дорога. Она выводит на широкую поляну, где стоит одинокий домик под соломенной крышей. Около дома нет ограды. Перед входной дверью сделаны две ступеньки из необтёсанного серого камня. С левой стороны на уровне роста человека смотрит маленькое окошко. Половина окошка закрыта грязным стеклом, а вторая — куском тряпки, свёрнутой в жгут.

Вокруг дома пусто. Ни собаки, ни кошки. Только освещённое изнутри окошко подсказывает, что в этом маленьком одиноком домике на лесной поляне есть жизнь.

Мы шли вместе с товарищем Райчо Таковым. Приблизились к домику и прислушались. Внутри разговаривали дети.

Постучали...

Ответил нам детский голос.

Нажали на тяжёлую дверь и вошли в полуосвещённую комнату. На наше приветствие отозвался лохматый мальчуган. Рядом с ним, в изношенном платьице неопределённого цвета, сидела маленькая красивая девочка. Она вздрогнула, прижалась к мальчику, но не заплакала.

— Дяденька, мы одни,— сказал мальчик.

— Ничего, не бойтесь. Мы не плохие люди. Ты школьник?— спросили мальчика.

— Школьник.

— К вам заходили такие же люди?— и показал на винтовки.

— Нет, не приходили. Может быть, были, когда спали. Мы их не видели.

— Где родители?

— Папа работает в Софии, а мама пошла встречать овец.

— Сколько у вас овец?

— Пять.
— Доите их?
— Доим только трёх...
— Сдаёте молоко на сыроварню?
— Раньше сдавали, а теперь нет.
— Почему теперь не сдаёте?

Мальчуган улыбнулся и посмотрел на камелёк в полу, где догорало несколько головёшек. Поворошив их железным прутом, согнутым в форме буквы «г», собрав в кучу, он взглянул на нас и неожиданно покраснел. Затем повернулся к девочке и осторожно сделал ей знак молчать. На наш повторный вопрос мальчуган ответил:

— Мы слышали о вас.
— Что и от кого вы слышали?
— От одного человека.
— Кто этот человек?

Мальчуган опять улыбнулся, опять поковырял кочергой, сгрёб золу и высыпал её на каменную плиту, которой был ограждён огонь. Потом ещё несколько раз перенёс кочергой золу на камень, разровнял её, наступил босой ступнёй, нашёл гвоздь и, как на песке, написал гвоздём: «Партизаны — добрые люди».

В дверях неожиданно появилась мать. Её появление прервало наш разговор. Присутствие вооружён-

ных людей смутило её, но наше близкое знакомство со многими сельчанами успокоило женщину. Я начал с ней разговор.

— Умница у вас мальчик.

— Илюша? Да, это наш профессор в доме. Он ведёт у нас все расчёты — считает деньги, делает все покупки — всё он.

— А как с учением?

— В прошлом году перешёл в третий класс с отличными отметками. А в этом году посмотрим. Они только начали занятия.

— Илюша, хочешь решить одну задачу?— вступил в разговор Райчо.

— Хочу,— с готовностью ответил мальчик.

— Хорошо, слушай внимательно условие. В одном селе скрывается пятеро партизан. Село окружено пятьюдесятью полицейскими. Кого больше?

— Партизан,— ответил Илюша, даже не задумываясь.

— Как это партизан, когда полицейских в десять раз больше?

— Нет, не больше... С партизанами всё село,— ответил Илюша, как бывалый политик.

— За решение этой задачи ставлю отлично! Теперь другая. Против десяти карателей бьются трое партизан. Кто победит?

— Партизаны.

— Почему?

— Каратели трусливы и бегут, когда встречают партизан.

— Ваш Илюша действительно профессор,— сказал довольный Райчо. — Нужно подарить ему маленькую винтовку — ходить на охоту и помогать партизанам. Есть у нас такая винтовка.

Обрадованный похвалой, Илюша встал с чурбака, на котором сидел, и начал любовно гладить приклад карабина Райчо.

Илюша проводил нас через двор. Прощаясь, я поцеловал умный загорелый лоб мальчика. Он шепнул:

— Дяденька, теперь мы знакомы. Приходите завтра снова и принесите винтовку. Я попрошу маму пустить меня с вами. Буду вас ждать...

Твёрдость побеждает

Июньский ветерок легко колыхал зелёную рожь. Солнце проникало в лесу между ветками и согревало влажную землю. Над колосьями курился лёгкий парок.

Было воскресенье. В полях не видно ни души, все отдыхают. С колокольни недалёкой церквушки доносился звон колоколов. Грустные звуки плыли над полями и лесами.

Однако и в воскресенье крестьянам не давали покоя. На улице послышался голос сельского сторожа. Он торопил хозяев села Джинчовцы быстрее нести молоко на площадь, где с телегой уже ждал сборщик Стрезимировского сыроваренного пункта.

...На Слишовскую гору лёг тонкий туман. Закрылись снежные пятнышки высокой Вертоп. Туман медленно полз к полю.

На твёрдой дороге зашумела окованными колёсами телега. Стефан прижался ухом к земле, вслушался и сказал:

— Возвращается... Уже девять часов...

По моей команде трое партизан приготовились встретить сборщика молока. Телега перевалила через небольшой хребет, и теперь кони галопом спускались под уклон.

— Сто-о-о-й!..— крикнул протяжно Делчо.

Возчик с силой натянул узду, чуть не раздирая лошадям губы, задок телеги занесло, и она едва не опрокинулась в канаву.

— Поворачивай! — приказал Делчо.

Молочник молча натянул вожжи, лошади повернули в гору. Сборщик молока ехал обратно к селу, а мы шли рядом и вели с ним разговор. Осведомились о числе расположенных в селе Стрезимировцы полицейских, о загруженности сыроварни, о последних событиях в селе.

Вошли в село Джинчовцы и всех, кого встречали на улице, приглашали придти на площадь. За нами

уже шли мужчины, женщины, молодёжь, дети. В несколько минут площадь заполнилась народом. В центре большой и шумной толпы крестьян понуро стоял молочник.

В присутствии крестьян я громко отдал Велко распоряжение расставить вокруг села «заставы» и «посты», хотя нас было всего четверо. Но это распоряжение создало впечатление, что нас очень много.

Быстро рассказали о целях и задачах партизанской борьбы и пригласили крестьян забрать обратно своё молоко.

Сразу заговорила гневным голосом вся толпа.

Трудно человеку принять правильное решение, когда шумит одновременно сотня голосов. А мы знали, что правильное решение обеспечивает успех партизанской борьбы. Вредна чрезмерная жестокость, неоправдана бывает и снисходительность. Мы предупредили сборщика, что если он не прекратит обирать крестьян, то будет наказан строжайшим образом.

После сигнала о снятии «засад» и «постов», мы распрощались с крестьянами.

Сразу после нашего ухода староста поторопился сообщить районному полицейскому управлению о дерзкой партизанской операции. По шоссе к селу Джинчовцы помчались две грузовые машины, полные полицейских, во главе с полицейским начальником Байкушевым. Байкушев отдал приказ собрать всех крестьян на площади. Однако, кроме заместителя старосты, лесника и сторожа, никто не подчинился этому приказу. Байкушев пригрозил отомстить сельчанам за это своевольство, сел на крестьянскую лошадь и повёл полицейских по нашим следам.

* * *

Проходя линию границы в районе вершины Яничева чука и спускаясь по извилистой дороге, мы встретили двух пастушат из моего родного села. Остановились возле них, разговорились и вместе позавтракали. Дети были девятилетние — парнишка и девочка. Девочку звали Божурка, а парнишку — Ценко. Они пасли чужих овец. Платьице у Божурки было очень изношенное со множеством заплаток, а от лаптей у неё остались только верёвки. Штанишки Ценко просвечивали на обоих коленках. На весь долгий летний день дети имели в мешочке только кусок хлеба из непросеянной ячменной муки. Трудно есть такой хлеб. Длинные усики ячменя царапают горло и причиняют боль.

Из-за бедности дети не учились. Мои маленькие односельчане хорошо знали, кто мы такие и за что боремся.

Мы попрощались с Божуркой и Ценкой и тронулись в дальнейший путь. Дети долго смотрели нам вслед и приветливо махали руками.

К полудню туман поднялся. Жарко пекло солнце. На горизонте блеснули винтовки, и скоро показалась полицейская колонна. Вёл её толстый полицейский на коне. Он остановился возле пастушат.

— Откуда, лохматые? — спросил полицейский Божурку и Ценко.

— Из села Бохова.

— Из Бохова? Значит, из разбой-

ничьего села! — сморщился неодобрительно толстый начальник.

Дети молчали и стояли неподвижно перед вооружёнными полицейскими.

— Давно здесь с овцами? — спросил начальник.

— Недавно... Пасли вон там, в лесу, но они испугались чего-то и побежали сюда.

— Значит, испугались? Волков или партизан?

— Мы не знаем, что такое партизаны,— ответил спокойно Ценко.

— Не знаете? Как так не знаете? Вот возьму эту неотёсанную палку,— пригрозил начальник и показал на длинную хворостину.— Всё скажете, ничего не скроете! Мать свою любите?

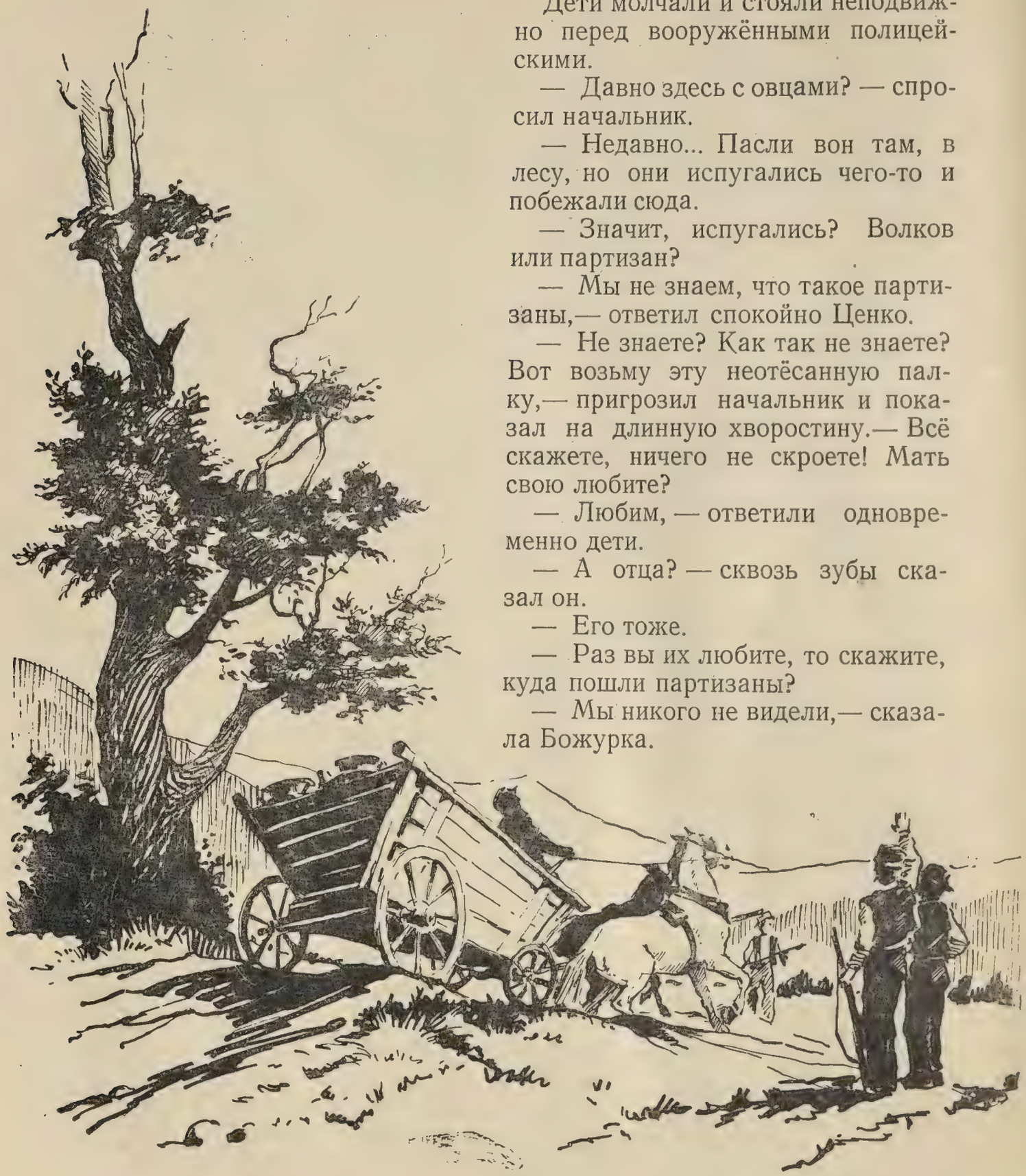
— Любим, — ответили одновременно дети.

— А отца? — сквозь зубы сказал он.

— Его тоже.

— Раз вы их любите, то скажите, куда пошли партизаны?

— Мы никого не видели,— сказала Божурка.



— Не видели? Почему врёте, что не видели? — заревел начальник и приказал одному из полицейских заняться детьми.

Полицейский схватил пастушат за плечи и начал их трясти.

Божурка и Ценко заплакали.

— Теперь скажете, куда пошли партизаны? Или хотите, чтобы мы сожгли ваш дом?

— Дядя, мы никого не видели,— повторила Божурка.

Тогда полицейский начальник приказал связать детей и расстрелять их. Он ожидал, что теперь они, напуганные, непременно заговорят.

Божурка и Ценко задрожали и заплакали ещё громче. Мальчик обнял сестрёнку, прижался к ней. Когда небритый полицейский начал грубо закручивать верёвкой его слабые ручонки, он отчаянно крикнул во весь голос:

— Мама, мамочка! Помоги нам! Нас убивают.

— Говорите, куда пошли партизаны, или буду стрелять! — крикнул полицейский.

Он отошёл на несколько шагов, поднял руку и навёл пистолет на детей.

Божурка и Ценко молчали и жда-

ли смерти. Пересохшие губы не сказали больше ни слова.

Твёрдость детей обезоружила полицейского. Он убрал в кобуру пистолет, повернулся к начальнику и шёпотом нерешительно сказал:

— Ничего они не знают...

Полицейские смущённо посмотрели друг на друга. Начальник, безнадёжно махнув рукой, тронул лошадь, и полицейские колонной пошли следом за ним.

Внучата бабушки Гюны

28 августа 1943 года партизанский отряд ушёл из лагеря в местности Бож и направился в Преслоп. Этой же ночью отряду было приказано продолжать путь к Слишовской горе. В старом лагере остались трое — я, Елена Аргирова и Велко. Мы должны были получить для отряда продовольствие и дождаться важных сведений от Гюро Симова.

В полдень к нам пришли тётя Божана из села Бохова и её дочка Райна. Они принесли нам обед и сообщили, что населением приготовлено продовольствие на весь отряд. Договорились с Райной сделать ещё кое-какие покупки в бакалейном магазине и, когда стемнеет, забрать в селе всё заготовленное и доставить отряду.

Под вечер тётя Божана прибежала в лагерь и сообщила, что в село приехали каратели и собираются выйти на облаву партизан. Мы немедленно двинулись в направлении на Преслоп, даже не забрав продукты.

Когда вышли на Цегриловскую дорогу, услышали протяжный женский крик:

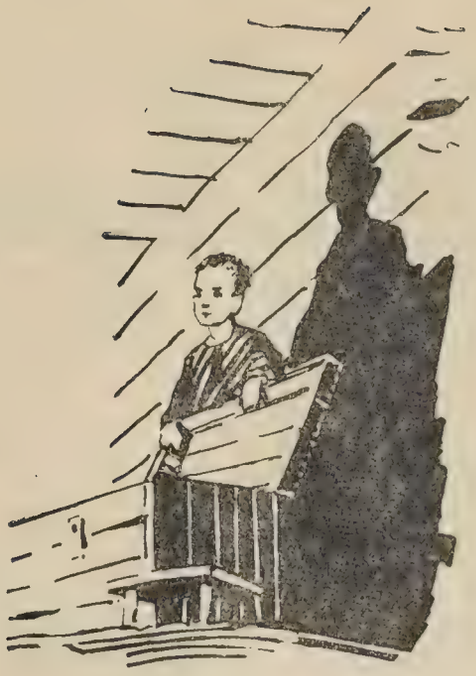
— Иди ко мне, Петкано-о-о!..

Сначала подозрительно насторожились, но потом рассмеялись — это был голос нашей знакомой бабушки Гюны из села Гладница. Она искала свою корову.

Продолжаем торопливый путь...

Свой отряд нашли в условленном месте. Немного погодя, отдохнув, я отправился с группой партизан в село Гладница, надеясь там запасти продовольствие.

В том краю села, куда мы пришли, жили пять знакомых нам семейств: Арсо Ранчева, очень сочувственно настроенного к нам старика,



многочисленная семья бабушки Гюны, старший сын которой крестьянствовал, Станоя Костадинова — зажиточного крестьянина, фашистски настроенного, и Тома Тричкова — пожилого, худого человека, жившего на иждивении сына.

Прежде всего, конечно, зашли в дом к дедушке Арсо, с которым я был знаком с детства. Он мне много рассказывал о героизме русских солдат в борьбе с турками. Теперь дедушка Арсо был дряхлым семидесятипятилетним стариком. При ходьбе он опирался на деревянную палку, на которой зарубками были отмечены годы её службы хозяину. Зарубок этих было много...

Дедушка Арсо любил партизан. По вечерам вокруг него собиралась детвора со всех ближних домов и слушала увлекательные рассказы старика о народных защитниках. Новые события он связывал с легендами о народных болгарских героях Ботеве и Левском. В его рассказах таинственно оживали и смешивались две эпохи.

Дедушка Арсо встретил нас гостеприимно. Поделился с нами своей скудной пищей и пожелал успешного завершения борьбы.

Затем направились в дом бабушки Гюны.

У огня маленького примитивного камелька, устроенного в камнях на полу посредине комнаты, сидело трое детей. Самый старший рассказывал сказку, а меньшие внимательно его слушали.

Мы подумали, что дети, увидев вооружённых людей, испугаются и заплачут. И очень удивились тому, что они дружно встали и поздравили нас с приездом:

— Добре дошли!..

Завязался разговор. Старший десятилетний мальчик знал подробности нашей недавней боевой операции в селе Главановци, об убийстве старосты Тричко Тричкова, о случае со стрезимировским сборщиком молока и о многих других действиях партизанского отряда.

Позже узнали, что парнишка слышал всё это от нашего добровольного агитатора дедушки Арсо.

Старший парнишка был чудесным. Вёл он себя по-взрослому. Ощупав наши рюкзаки и убедившись, что они пусты, он открыл сундук, где хранился хлеб, и радушно предложил:

— Возьмите...

Затем спустился в нижний этаж в холодную кладовую и принёс полную тарелку брынзы.

— Возьмите! — повторил учтиво мальчуган.— Это ваша доля. Если бы не вы, то всё забрали бы фаши-

сты. Вы прогнали сборщика молока, и теперь бабушка каждое утро даёт нам молоко. Вот,— и показал пальцем вниз, в подвал,— там есть полная кастрюля масла. Возьмите его! Нам его трогать бабушка не позволяет. Это, говорит она, пусть останется для наших спасителей.

— А мы вам разрешаем — возьмите, быстрее подрастайте и вступайте в партизаны. Хочешь быть партизаном? — спросил я парнишку.

— Хочу, — быстро ответил он и добавил: — Но вы у нас не бываете. Не знаю, как вас найти.

— А вы хотите видеть нас чаще?

— Мама боится, а бабушка, я и тётя очень хотим. Позавчера Пешо Бажанин сказал мне, что партизаны не ходят к фашистам, они бывают только у добрых людей. Мы не фашисты. Вы, дядя Славчо, приходите к бабушке. Она очень добрая. Подождите, она скоро придёт.

— В вашем селе есть фашисты?— спросил мальчика один из партизан.

— Есть, Станой Костадинов — фашист. Он ненавидит вас. На чердаке винтовку прячет. Лучше всех у нас дедушка Арсо. Он говорит, что если бы не был таким старым, то пошёл бы к партизанам.

— Ты хочешь иметь винтовку? — спросил мальчика другой партизан.

— Хочу. Я, дяденька, сам возьму винтовку у Станоя и убью его.

— А потом?

— Потом? Приду к дяде Славчо и стану его посыльным.

Конечно, мы ничего не взяли из того, что без бабушки с такой горячей готовностью предложил нам мальчуган. Когда бабушка Гюна пришла, я рассказал ей о поступке ребят. Она всех их расцеловала и сказала:

— Умные бабушкины дети... Они знают, кто наши спасители.

В САЯНАХ

БОРИС ЖУТОВСКИЙ

Рисунки и фото автора

Летом этого года я вместе с моими товарищами был в походе в горах Саянах.

Сначала мы летели на самолёте. Самолёт был маленький, одномоторный. Рюкзаки и всякие ящики занимали много места, и сидеть пришлось согнувшись в три погибели. Через два часа полёта, когда ноги ужасно затекли, мы начали шевелиться. Двое или трое переползли на другую сторону. Кабина открылась, и лётчик прокричал: «Что, грохнуться хотите?» Мы испуганно втиснулись на свои места. Мотор натруженно гудел: самолёт был перегружён.

Под самым крылом проносились скалы и клочья белых облаков. Низко-низко, у самой земли, мы «пролезли» в узкую щель перевала, и вдруг всё перемешалось. Лётчик оказался внизу, небо тоже внизу, а мрачные сиреневые скалы торчали сверху. Мы ничего не успели понять, даже испугаться. Это самолёт пошёл на посадку. Глубоко, в долине причудливо изо-

гнутой реки, стояли игрушечные домики, ехали крохотные лошадки. Всё это неслось на нас. Но вот самолёт коснулся земли, подпрыгнул раза два и встал на краю обрыва. Мы прилетели в Тофаларию.

— Скорей выгружайте, а то я не успею перевалить, вон что закручивает,— лётчик махнул шлемом в сторону перевала. Скалы были тёмные, зелень потухла, и над вершинами гор клубились огромные фиолетовые тучи.

Тофы — так называются жители Тофаларии — совсем маленький народ, меньше манси. Но это — очень смелый и добрый народ.

До революции тофы были кочевым народом. Главным их занятием были оленеводство и охота. Всю долгую зиму ездил тоф по глубокой морозной тайге, охотясь на юрких соболей, лисиц, белок. Летом охотник перекочёвывал на летние пастбища. Глубокой осенью тофы съезжались на суглан — так назывался сбор всех охотников. Здесь они платили налоги царю. Мошенники-купцы тоже приезжали на суглан. Они спаивали тофов и скупали ценные шкурки за жалкие гроши. Часто у охотника не оставалось совсем ни одной шкурки, и он набирал припасов на зиму у лавочников в долг. Только после Октябрьской революции на очередном суглане охотникам сказали, что налога платить не надо, что их район — заповедник соболей, что они могут бросить кочевать — им дают землю, деньги на постройку домов, дают коров, свиней и кур. Теперь новая власть, народная, стройтесь, обзаводитесь хозяйством.

Вот куда мы приземлились на своём самолёте.

Наутро начали сборы. Наняли пятнадцать оленей и стали укладывать вьюки. Это очень сложное и тонкое дело. Там надо всё класть на место. Ведь вьюк лежит у оленя на спине и должен быть очень аккуратным, иначе натрёт ему спину. А самое главное — в любой момент может что-нибудь понадобиться, и надо точно знать, где что лежит.

Наконец, караван наш тронулся в путь. Жарко палило солнце, тучи комаров и гнуса — мелкой мошки — кружились над нами. У Бориса, одного из моих спутников, не было резинки в накомарнике, и он плохо прилегал к шее. Мошка набилась под сетку и так искусала его, что глаз не видно стало.

За день мы прошли мало, потому что то и дело сползали вьюки. Старик Саганов, наш проводник, всё время сердился.

Алексею Александровичу было 84 года, но не всякому из нас удавалось перегнать его в тайге. Он ходил легко, тихо, неслышно раздвигая кусты, и с одного выстрела снимал с ветки белку или глухаря. Это он рассказывал нам о суглане, кочевьях, тяжёлой жизни тофов до революции. Но это всё было потом. А в первый день он ворчал, что плохо уложили вьюки.

Вечером мы в сплошном ливне разгружали оленей и виновато глядели на старика. Он заботливо оглядывал животных, внимательно ощупывал их спины и, связав заднюю и переднюю ногу, пускал пастись. Олени едят мох, который растёт в горах. Там они пасутся большими стадами, штук по пятьсот. Охраняют их пастухи и телятницы, которые ухаживают за маленькими оленятами.

Через четыре дня пути, у самой границы снегов, мы пришли в стойбище пастухов. Перескакивая через широкие ледяные трещины, в которых кипела злая река Гутара, олени выбрались на крутой бугор, к двум чумам.

Лёд лежит в горах толстым слоем — зима в Саянах долгая и холодная, а лето короткое. Как ни старается солнце, не может растопить лёд. И вот он лежит толстым слоем, слегка пористый сверху, а под ним несётся река, холодная и прозрачная.

В стойбище нам очень обрадовались, напоили молоком, накормили свежим медвежьим мясом. Накануне пастухи убили медведя. Его большая тёмная шкура лежала на чуме.

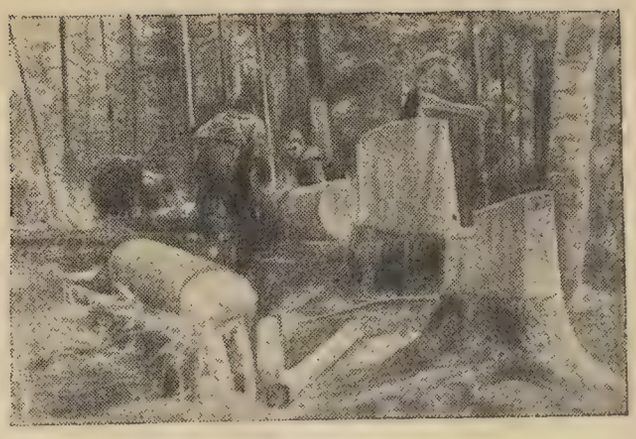
Следующий день застал нас на перевале. Мы были невеселы: из-за неаккуратности одного из нас чуть не погибли двое. Юра шёл впереди, а я и Толя сзади. Прежде чем ступить на очередной камень, надо было попробовать окованным железом ботинком, крепок ли он. А Юра забыл. Наверное, в детстве он забывал закрывать за собой дверь в комнату. Так вот, он ступил на камень, тот вырвался и покатился вниз, увлекая за собой кучу других камней. Когда мы с Толей подняли головы, на нас нёсся град камней. Хорошо, что рядом оказался огромный валун, за которым мы спрятались. Камни пролетели над нами прямо в пропасть, куда могли бы угодить и мы.

Таких ошибок не прощают — они стоят жизни.

Миновав перевал, второй день мы шли по чёрной тайге. Когда-то, тридцать или пятьдесят лет тому назад, в лесу вспыхнул пожар. Может быть, охотник обронил

уголёк, или молния ударила в дерево, а может быть, просто было сухое лето. Огонь пожирал всё на своём пути, и только самые старые кедры благодаря своей толстой коре не загорелись. Правда, и они гибли — иголки, опаленные огнём, падали, и жизнь в дереве затухала. Шли годы. Кора облетала, сгнивала середина, а серебристый смоляной ствол только гудел в буранные осенние дни. Но потом он падал в сырую весеннюю прель, обрастал мхом, медленно гнил. На него падали новые и новые стволы, тоже покрывались мхом. Почва становилась болотистой, жидкая трясина затягивала провалы между деревьями, тучи комаров и мошки гнездились в кустах. Вот по такой тайге мы и шли второй день. Стволы под мхом были скользкие, мы оступались и падали в трясину. Комары и гнус не теряли времени даром, а мелкий противный дождь дополнял картину. Под нами то затихая, то с новой силой ревел Казыр — река, по которой нам надо было плыть. Мы переправились на резиновой лодке через его приток — Прямой Казыр, где я чуть не утонул. И всё как будто из-за пустяка. У моих горных штанов, они называются штормовые, внизу пряжка и лямка. Я всегда ленился её застёгивать. Переправлялся я на этот раз последним, и вот на верёвке, которую мы протянули поперёк реки, чтобы быстрей перевозить груз с берега на берег, застряло железное кольцо. Пришлось встать и подтянуться к нему. Но в этот момент лодка качнулась, и я наступил себе на лямку. Конечно, потерял равновесие и грохнулся в воду. Вынырнул метрах в сорока от лодки, к счастью, рядом с деревом. Течение старалось оторвать меня от сучьев, за которые я ухватился, а тяжёлые ботинки тянули вниз. Напрягая все силы, я вылез на дерево, потом выполз на берег, застегнул лямку и, делать нечего, снова влез в лодку. На сей раз всё обошлось благополучно. От товарищей мне, конечно, влетело.

К вечеру этого дня мы вышли к Ванькиной речке — следующему притоку Казыра, где мы должны были строить плоты. Валка леса заняла мало времени — прямо под боком нашли восемь сухих елей. Свалили их, обрубили ветви, отпилили вершины. Самое трудное началось позже, когда перетаскивали эти деревья на берег. Мы встали парами, продели верёвки под брёвна, дружно поднимали их и толкали вперёд. Один из нас и тут пострадал, не послушавшись более опытных,— решил поднять бревно на плечи. Он попробовал и ...отдавил ногу.



Через четыре дня наш плот был готов. Он состоял из восьми брёвен, крепко скреплённых поперечными брёвнами. На толстых подгребицах впереди и сзади стояли два длинных весла — греби, чтобы подгребать к берегу и править плотом.

Плот стоял у причала, то есть просто у берега, на нём развевался флаг нашего спортивного общества. Мы надели тельняшки, погрузились. Ну, пошли!

И вот 25 дней плыли по порогам, перекатам и теснинам Казыра.

Сначала было трудно, но на третий день мы овладели плотом. Казыр очень капризная река: сплошные повороты да шиверы. Шивера — это нагромождение камней. В устья рек весной, в паводки, течение выносит много камня. Вода потом спадает, камни остаются. А у Казыра очень много притоков: что ни поворот — то шивера. Вода около неё зелёная, злая, с белой пеной на верхушке. Волны перекатываются через плот, окатывают нас по пояс, по грудь. Первое серьёзное препятствие — Семёновская шивера выскочила из-за поворота неожиданно. Огромная глыба камня отбивает волну метра в три высотой поперёк реки и делает резкий поворот влево, прямо на гряду камней.

Только бы успеть, только бы успеть отгрести плот под левый, внутренний берег! Греби гнутся в дугу, плот почти на борту перелетает через камни, ныряет глубоко вниз. Изо всех сил стараемся не свалиться в воду.

Холодно. Мелкие капли дождя не дают согреться. Над водой у берегов появляется туман. Берег темнеет. Пора причаливать...

На второй день после Семёновской шиверы, после новых ударов камней, авралов, когда все прыгали в воду и сталкивали плот с очередного препятствия, мы подплыли к большому трёхкилометровому порогу Щёки. Голые каменные лбы

постепенно сжимали стремительную массу воды всё уже, уже, уже. Перед самым порогом она вдруг устало растекается широко и добродушно, но незаметная гладь движется вся сразу, единой плотной массой, без волн и пены. Только по проплывающим палкам и можно судить о бешеной скорости. Мы причалили, обошли весь порог и решили, что утро вечера мудренее, а пока перетащили на берег груз. Шёл мелкий дождичек, и мы здорово вымокли. Укрылись на ночлег в маленькой пещере под скалой.

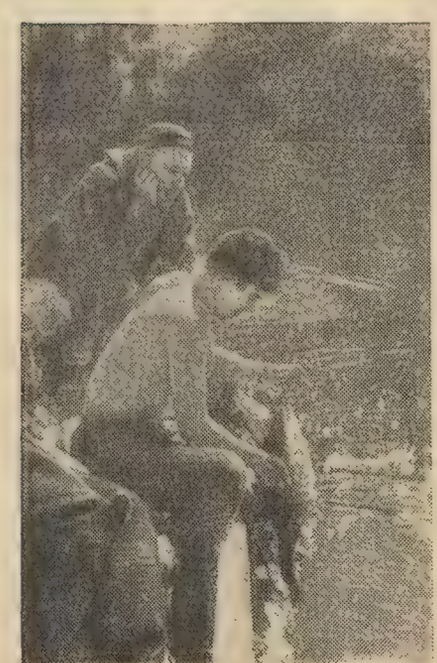
Утром по небу бежали лохматые тучи, белый иней лежал на траве и камнях.

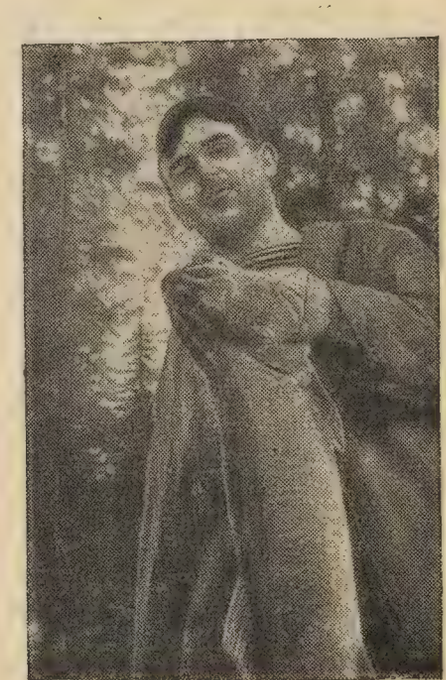
Все заняли свои места, приготовились пройти порог.

Камни в первой половине порога расположились в шахматном порядке. Мы еле успевали увёртываться от ударов. Плот вертелся, как ошпаренный. Взбесившаяся вода рвалась и металась в узких проходах, светло-зелёная от сплошной пены. Поворот. Мы наваливаемся на вёсла, что есть силы.

Между двух серых блестящих глыб река несёт нас вниз, впереди пляшет тёмно-зелёный с гребнем вал. Вот мы врезаемся в него, на мгновение перехватывает дыхание — в нос и рот набирается вода. Но плот пролетает, и мы, мокрые, счастливые, победившие, причаливаем к берегу.

Прошли стремнину, а там вторая половина порога, узкое извилистое ущелье — не поймёшь, где там камни, где вода. Тут уж плот пошёл один





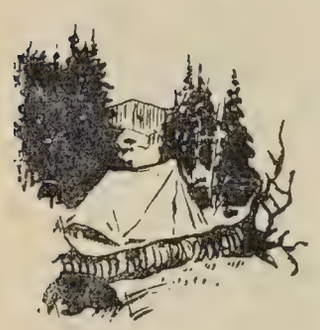
Опять накрапывал мелкий дождичек, робко тарахтя по листьям, где-то ухала сова и грохотал порог. Но он был уже позади!

На следующий день перед нами ревел другой порог — Китатский. Каменный остров разрезал поток на две части. Щетина горелых лесин над низким зелёным кустарником подчёркивала мрачность пейзажа. Но самое интересное было не в этом.

Наверное, давно-давно, лет так тысяч двадцать назад, когда река ещё только начала пробивать здесь своё русло, встала на её пути скала. И туда и сюда кидались потоки, а пробить не могли. Пришлось воде перебираться через скалу. Поэтому так причудливо вылизаны камни, такие узоры и чаши сделаны в них — это всё работа воды...

И вот в тайгу пришла осень. По вершинам елей и кедров с криком и гамом летали многочисленные кедровки. В мягких пышных мхах — море брусники, смородина осыпается от первого прикосновения, и тяжело, у самых камней, висят крупные ягоды малины. Паутина на каждом кусте, на каждой ветке. По утрам, когда трава покрывается налётом росы, на паутину нанизываются маленькие гирляндочки капель. Осень идёт. Надо спешить.

И мы спешили. Спешили, что есть силы, потому что приближался контрольный срок, после которого нашу группу начали бы искать. Но впереди был ещё большой порог — Базыбайский. Не порог, а водопад. Когда, осмотрев его, мы подвели плот к самому жерлу водопада, души наши вдруг сжал страх. А что, если вот здесь, в этом водяном месиве, плот погибнет?



Но плот проскочил. Значит, мы прошли, первые прошли весь Казыр, сами, без всякой помощи, без единой серьёзной поломки!

А через пять дней уже относительно спокойного плавания мы пришли к первым людям, радушным и простым русским людям. Рассказам не было конца...

СОКОЛОВСКИЕ РЕБЯТА

АЛЕКСАНДР ИСЕТСКИЙ

Рисунки Н. Мооса и В. Жабского

В последние дни минувшего августа, почти накануне нового школьного года, довелось мне побывать в соколовском колхозе «Пламя».

Хлеба в здешних краях удались нынче на редкость чудесные, а особенно пшеница. Едешь полевой узкой дорожкой — и кажется, что переправляешься ты в половодье глубоким бродом через бескрайне разлившуюся золотую реку.

Много народилось и овощей, картофеля, кукурузы. Надо всё быстро убрать, заготовить корма для скота на всю долгую зиму. А сколько ухода круглый год требуется за этим скотом на колхозных фермах!

И в присмотре за посевами, и в уборке богатого урожая, и в напряжённой летней работе на фермах — везде оказались очень нужными и полезными ребячьи руки.

Особенно запомнились мне две встречи с соколовскими ребятами: на свиноферме и на пожарной каланче.

НА СВИНОФЕРМЕ

Рабочий день на колхозных фермах начинается рано — как только колокол на пожарной вышке пробьёт пять часов утра.

В такой ранний час мы сидели с заведующим свиноводческой фер-

мой Михаилом Николаевичем на телеге и вели деловую беседу.

Порассказав мне много интересного о работе передовых свинарок, Михаил Николаевич показал на обширную поляну за воротами фермы:

— Вот тоже у меня хорошие работники.

По росистой, искрящейся в солнечных лучах поляне деловито шагали от деревни к ферме трое парнишек.

— Тот, что порослее,— это Ваня Ялунин, в седьмой класс нынче пойдёт, а пониже который — Вася Кунчиков, тоже учился, да что-то забастовал, на плохое запоминание уроков жалуется. Я, говорит, пока поработаю. Оба до страсти коней любят.

— А третий?

— Петюшка Стариков — неотвязный ихний приятель. Только в школу ещё записался.

Трое приятелей между тем вошли во двор и, поздоровавшись, осведомились, что им сегодня делать. Старшие ребята были одеты по-рабочему: в поношенных штанах и пиджачках поверх рубах, а Петя поёживался от утренней прохлады в одной клетчатой ковбойке.

— Обождите, ребята, — сказал заведующий фермой.— Вот-вот подойдёт ветфельдшер, он будет сегодня осматривать коней. Не знаю я, какие останутся.

Вася встревожился:

— А Травинку, дядя Миша, у нас заберут?

— Как ветфельдшер решит. Что, жалко?

— Так она ещё вон какие возы тянет,— заметил Ваня Ялунин. А Петя Стариков жалостливо проронил:

— Жеребёнок же у неё.

— Ну, её Соловушка большенькая, и без матери подрастёт.

Ребята, обеспокоенные, побежали в конюшню.

Пришёл ветфельдшер и начал осмотр. Одну за другой лошадей выводили на двор фермы. Были они все не ахти какой стати и красоты, простые рабочие лошадёнки. От ветфельдшера не укроешь лошадиной старости.

Светлошёрстную Травинку и каурого конька Прибоя он выбраковал. Их должны были увести со двора фермы. Ваня озабоченно сказал своим приятелям:

— Вот задача — на ком теперь работать будем?

Были обе лошадёнки постоянными рабочими конями, и ребята загоревали.

— А Соловуха ещё не объезжена,— грустно взглянул на бродившую по двору жеребушку Петя.

Вася пренебрежительно посмотрел на него:

— Тоже мне, «не объезжена!» Какая же она лошадь, когда ещё мать сосёт. Ведь скучать будет без матери-то,— и позвал ласково: — Соловушка!

Стройная Соловуха оглянулась на ребят и доверчиво пошла им навстречу, но, не дойдя метров двух, озорно мотнула головой и, взбрыкнув, стремительно понеслась по двору от погнавшихся за нею парнишек: а ну-ка, мол, попробуйте, догоните!

— Эй вы, работники! — крикнул разбаловавшимся ребятам заведующий фермой.— Давай запрягай.

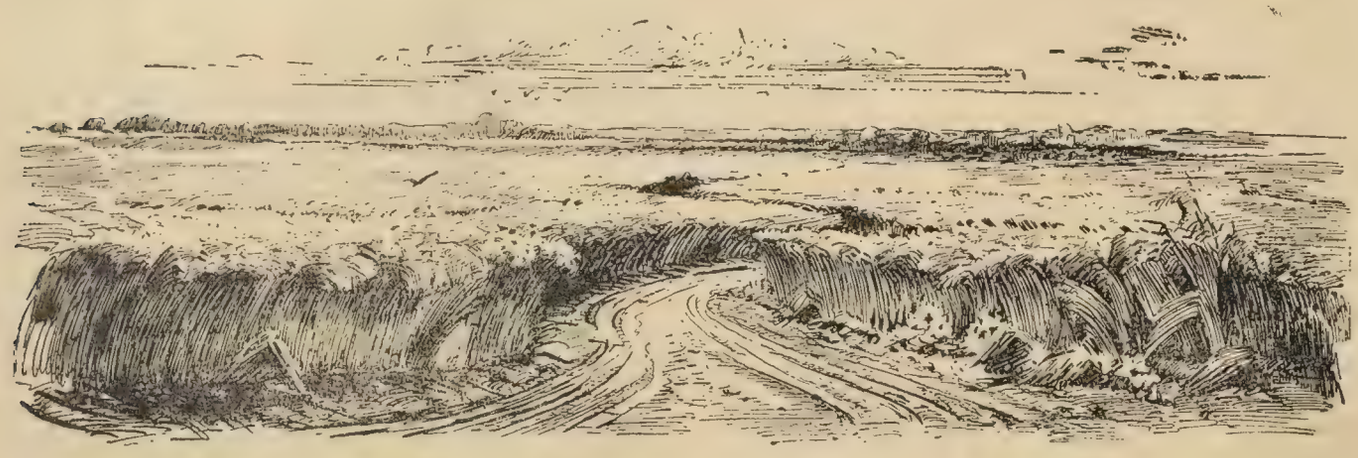
— Кого запрягать? — подбежал к нему запыхавшийся Ваня.

— Прибоя. Заберут его с Травинкой завтра, так давайте последний денёк на нём поработайте. Свезёте тёс в столярку, а на обратном пути нагребёте на зернотоке отгона для свиней.

Ребята сноровисто запрягли Прибоя и, дружно закинув на телегу тёс и ящик, торопливо выехали со двора.

Лошадью умело правил Ваня Ялунин, а Вася и Петя были у него как бы в качестве грузчиков.

— Вот шутя-шутя,— тепло сказал Михаил Николаевич,— а, смотришь к вечеру эти ребятки хорошую рабо-



тёнку спроворят. Работников-то у нас в колхозе недохват.

— Трудодни им отмечаете?

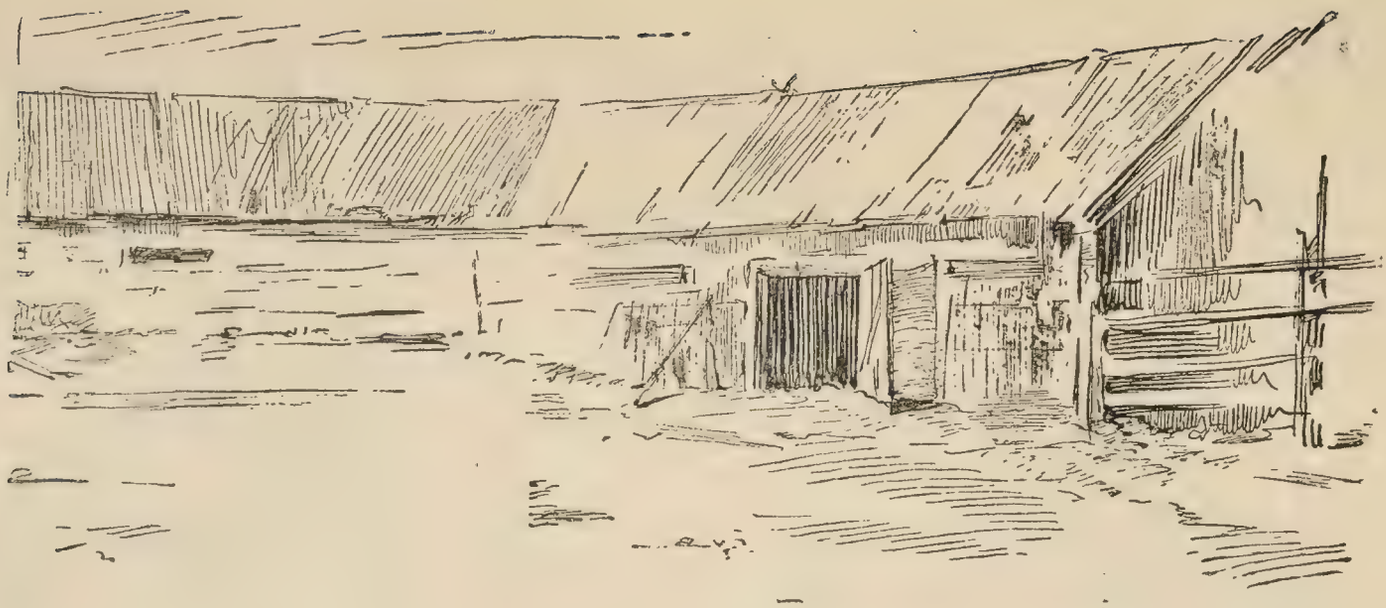
— А как же. Зарабатывают они прилично. Вот Ване Ялунину в июле отмечено двадцать восемь трудодней, в августе будет не меньше тридцати,— а я ещё отпускал его переэкзаменовку держать. За трудодень же у нас только авансом выдают по рублю, да в окончательный расчёт, может, по стольку же доплатят. Да, кроме того, хлеба, овощей, сена порядком на трудодень приходится. Нет, он своей матери хорошо нынче помог. Она почти весь июль и август болела, так Ваня её выручал. Семья у них без отца, как и у Васи,— в Отечественную войну погибли. У Вани, ещё младше его, сестрёнка да братишка есть. Без его-то помощи матери куда тяжелее бы пришлось.

— А сколько Вася заработал?

— С июня по сентябрь выйдет у него трудодней восемьдесят.

— Ну, а Пете Старикову что-нибудь причитается?

Михаил Николаевич улыбнулся:



— Да с этого какую же работу спросишь? Так он у них, как говорится, за компанию участвует. Дружки-приятели.

Пока Михаил Николаевич показывал мне строительство нового большого свинарника, ребята вернулись из поездки. Ваня доложил, как они выполнили наряд:

— Тёс в столярку сдан. Кормушки будут готовы к завтрашнему утру. А отбоя и охвостья на зернотоку накопилось мало. Вчера из-за дождя комбайны с полдня не работали. Пол-ящика только привезли.

Михаил Николаевич немногословно распорядился:

— Сгрузите охвостье и давайте сюда на стройку два воза песка привезите.

Я остановил Ваню Ялунина:

— Какую ты переэкзаменовку держал?

— По алгебре,— ответил он, смутившись.

— Как же это ты сплоховал?

— Задачу там одну не успел решить.

— Ну и как, всё теперь в порядке?

— Да я бы и весной мог. А теперь, конечно, подготовился, так и вовсе просто было.

Хотелось мне поговорить и с Васей Кунчиковым — забастовавшим школьником, но, наверняка угадывая, о чём у меня с ним пойдёт речь, он держал глаз востро и куда-то исчезал, как только я приближался к их компании.

— Ваня его доймёт,— сказал мне на прощанье Михаил Николаевич.— Да вот засобираются ребята в школу — потянет и Васюшку. И мы, конечно, здесь его привечать не будем. Одумается.

С фермы я пошёл в колхозный фруктовый сад, расположенный почти рядом, через небольшую поляну. Издали мне навстречу по травянистой дороге двигался возок, около которого шагали три наших приятеля. На какую-то минуту я отвлёкся, рассматривая широко раскинувшийся сад, и этого момента было достаточно, чтобы Вася Кунчиков куда-то исчез.

— Куда ваш приятель делся? — спросил я.

— А ему стыдно с вами встречаться, так он в репей вон сбёг,— смешливо кивнул Петя на заросли лопухов.

А Ваня, и тут сохраняя свою суровость, мимоходом обронил:

— Всё равно мы его доведём. Пойдёт!

Относилось это «доведём», конечно, к их спору о школе, и почему-то мне поверилось, что они действительно «доведут» Васю, и он вместе с гурьбою школьников придёт первого сентября в класс и с виноватою улыбкой вновь сядет за парту.

НА ПОЖАРНОЙ КАЛАНЧЕ

Звон пожарного колокола в Соколовой удивительно мягкий, мелодичный. Певучий его голос слышен в самых дальних концах колхозных соколовских полей.

А сама пожарка — это старое-престарое двухэтажное здание. В нижнем этаже, за двумя широкими дверями, в густом сумраке дремлют пожарная машина и бочки с застоявшейся водой. На втором этаже, где тоже сумрачно и тихо, разложены по полкам колхозные помидоры для дозревания. А над обветшалой крышей поднимается пожарная высоконькая вышка. Крутая длинная шаткая лестница к вышке пристроена возле боковой стены пожарки.

Проходя однажды мимо пожарки в предобеденный час, я решил взобраться на каланчу.

Я уже взялся за поручень лестницы, но остановился. Обычно в здании пожарки всегда было тихо — дежурили сторожевые пожарники по одному, и вести разговоры им было не с кем, а тут слышался с вышки очень оживлённый разговор, и притом ребячий. Поднявшись на калан-

чу, я был немало озадачен, когда увидел там только двух девочек-подростков без никакого сторожевого пожарника. Девочки несколько смутились от неожиданного появления на вышке совершенно незнакомого им человека, но одна из них — русоволосая и полненькая — тут же оправилась от мимолётного смущения и сурово осведомилась:

— А вы кто такой?

Мой ответ их успокоил, и мы легко и просто познакомились.

Русоволосая девочка назвалась Валей Ялуниной, и оказалось, что она сегодня и есть тут сторожевой пожарник.

На самом же деле Валя, конечно, была не пожарником, а пятиклассницей, но в этот день её мать — пожарница — ушла на какую-то другую работу, и вот Валя дежурит за неё с пяти часов утра.

Округлое её личико с сероватыми умными глазами полно взрослой серьёзности и горделивого достоинства от того важного поста, который она сегодня занимает. Русые её волосы тщательно заплетены в тугие косы с тёмно-зелёными бантами, белое ситцевое платьице, словно осыпанное полевыми цветами, кажется только что выглаженным, а чёрные туфельки на крепких босых загорелых ногах так начищены, что могут сойти за лакированные.

А подружка Вали Люда Морозова оказалась моей землячкой, ученицей восьмой свердловской школы.

— Как же ты сюда попала? — спросил я её.— Родня вы, что ли, с Валей?

— Да нет. Так, подружились.

Валя пояснила:

— Они каждое лето у нас в деревне отдыхают.

Оказалось, что Люда только несколько дней назад вернулась домой из пионерского лагеря, но, очень соскучившись о Вале, отпросилась у мамы провести последнюю неделю каникул у своей соколовской подруги.

Беседуя с девочками, я оглядел тесную каланчёвую вышку. Изнутри она обшита досками.

«Дежурный пожарник» Валя Ялунина даже во время нашей беседы не отвлекалась от своих ответственных обязанностей, оглядывая свою родную деревню.

Я спросил её:

— Скажи, Валя, а что тебе делать тут на каланче?

— Как что? Вдруг у кого-нибудь пожар случится. Вон изба с новенькой крышей — недавно вспыхивала.

— Что же ты будешь делать, когда заметишь пожар?

— Обыкновенно: в набат бить,— кивнула Валя на колокол,— часто-часто, чтобы все люди встревожились. А дядя Ефим — он у нас старший пожарник, вот тут рядом живёт — сейчас же прибежит, запряжёт лошадей и во весь опор на пожар.

— Наверное, страшно, когда пожар? — спросила Люда, сощурив белёсые ресницы,— у нас в городе я ни разу не видела, как горят дома, и как в набат бьют не слышала.

— И пожарной каланчи у вас нет? — удивилась Валя.

Люда пожала остренькими плечиками:

— Не видала. У нас кто заметит, что загорелось, должен сейчас же

позвонить по телефону 01 без всякого пятнадчика. А дома́ в городе ты видела какие есть большущие — наверное, в одном таком домище можно всю вашу Соколову поместить.

Валя вздохнула и простодушно отозвалась на рассказ Люды:

— Как хорошо, что у нас таких домов нет, а то бы наша машина высоко и добрызнуть не смогла.— И, вновь оглядев деревню, тихо, почти шёпотом, сказала: — А я так люблю смотреть с каланчи на нашу деревню. Она такая красивая, особенно рано утром, когда всходит солнышко. Смотришь на улицы, а избы как будто спят: у кого окна ставнями закрыты, а у кого занавесками задёрнуты — будто глаза зажмурены. И тихо-тихо, как-то жалко и часы отбивать, потому что, как пробьёшь пять часов, она враз вся пробудится. Заскрипят ворота, высыплют из дворов выводки гусей и загогочут на всю улицу. Интересно, когда их гонят по улицам в проулки на выгон. Там у нас, вон видите, речка Камышенка течёт. Ну, а гуси, как увидят воду, обрадуются, закричат, распахнут крылья. А из дворов коровы выходят, телушки красивенькие, мычат, ревут. Их колхозницы в стадо провожают, на выпас. И ещё интересно, как избы топятся, по-разному: то дым валит чёрный-пречёрный, косматый и спускается почти тут же на огород за избой, а другой дымок какой-то сизый, белёсый, вылетит и тут же

растает. Из ближних домов сюда даже запах наносит, когда что-то жарят. Ну, а потом колхозники на работу выходят: кто пешком, а кто на великах едет.

А когда все по работам разойдутся, улицы опять затихнут, только разве ребята пробегут да кто из стариков пройдёт. Поезда тоже отсюда хорошо видно. Вон из-за Кислово или Никитина сада выскочат и будто по хлебам бегут, длинные-предлинные.

На Люду в рассказе Вали произвело особое впечатление упоминание о запахах утренних завтраков. Она прижала руки к животу и просительно сказала:

— Валюша, ну давай, отбивай часы.

Валя кинула взгляд на ходики и покачала головой:

— Ещё пять минут. Потерпи.

Покорясь непреклонной воле дежурного, Люда только простодушно сказала:

— А кушать как хочется. И как ты тут одна сидишь — я не понимаю. Я бы побоялась. А утром ещё темно...

— Ну и что? Кого мне бояться?— снисходительно улыбнулась Валя.— Один раз я только здесь перепугалась, да и то не ночью, а днём. Посмотрела я вон в сторону хутора, а из-за него огромная чёрная туча выползает. По полю скот, люди бегут в деревню, а ветер страшный поднялся. Деревню враз заволокло такой пылью, что с колокольни и

земли не видно. Каланча скрипит, а тут ещё колокол звякать начал, надо верёвку держать. Ох, как я тогда напугалась!

— Ну и что... ты? — шёпотом спросила Люда.

Валя удивлённо посмотрела на подругу:

— Сидела, пока не пронесло. Ведь я же на посту была — дежурная,— и девочка, взглянув на часы, протянула руку к верёвке.

Люда зажала уши, и в тот же миг я был оглушён. Оказывается, вблизи звон этого колокола не так уж задушевен и мелодичен.

Заскрипели ступени лестницы, и показалась пожилая женщина.

— Ну, как вы тут подежурили, мои голубушки? — певуче спросила она.

Валя передала пост:

— Ничего, Груша Петровна, всё благополучно.

— Вот и хорошо. Бегите, обедайте.

...Вот так я встретился и познакомился с соколовскими ребятами. Хорошие ребята! В нынешних немалых успехах колхоза «Пламя» есть доля и их труда.

Ваня Ялунин, Петя Стариков, Валя Ялунина, да, наверное, и Вася Кунчиков сидят сейчас в своих школьных светлых классах. Доброй учёбы вам!

★

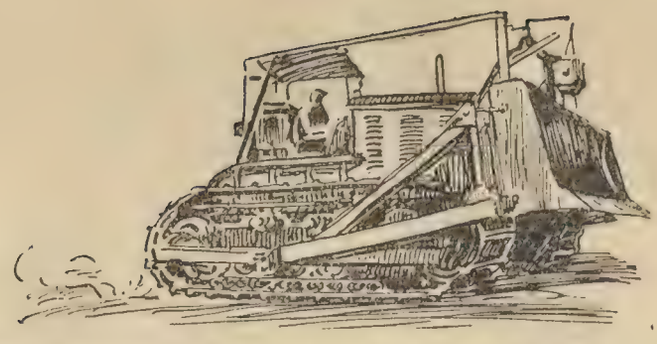
ДЛЯ МАЛЫШЕЙ

Про кошку, котят и лукошко

АЛЕКСАНДР МИТИН

Рисунки В. Мамчича

Сегодня у кошки
Котята пропали:
Исчезли с лукошком,
Где жили и спали.
Наверное, кошка
Ловила мышей,
А кто-то с лукошком
Унёс малышей.
Мяукает кошка —
Зовёт малышей,
Сидит на окошке,
Не ловит мышей.
Ребята сказали:
— Поплачет немножко,
Потом на базаре
Котят купит кошка.
Принёс мне лукошко
Наш дворник Назар.
Я жду, когда кошка
Пойдёт на базар!



КИРПИЧИК

ФИЛИПП БАБАНСКИЙ

Рисунки Е. Гилёвой

Вова и Таня жили в старом одноэтажном домике. В школу они не ходили, потому что были ещё маленькие, а целыми днями играли вдвоём на своём дворе. Там, за высоким дощатым забором, лежали груды битого кирпича, валялись ржавые и покорёженные металлические рельсы. Вовин отец говорил, что когда-то на этом месте стоял большой дом, который фашисты разрушили во время войны.

Однажды утром Вова и Таня вошли во двор погулять и вдруг услышали сильный грохот.

Таня посмотрела на Вову и спросила:

— Что это?

— Не знаю... Наверно, трактор.

Вова ещё минутку прислушался, потом предложил:

— Пойдём, посмотрим.

Дети вышли за ворота и, действительно, увидели трактор. Только это был какой-то удивительный, необычный трактор, одетый в раму из толстых металлических рельсов. Впереди на этих рельсах держался широкий и высокий щит, внизу он заканчивался огромным ножом.

Эта удивительная машина работала очень интересно. Она подъезжала к развалинам дома, вгрызалась своим ножом в землю и медленно двигалась вперёд, тяжело рокоча. Широким щитом машина толкала впереди себя огромную кучу глины и битого кирпича. Потом поднимала щит с ножом вверх, поворачивалась назад и начинала всё сначала.

— Вот это трактор! — восторженно крикнул Вова.

А какой-то дядя, который тоже

любовался работой необыкновенного трактора, объяснил:

— Это бульдозер! Очень полезная машина на каждой стройке!

На другом конце развалин была большая яма. Трактор засыпал эту яму. А рабочие грузили глину и камень на автомашины и увозили прочь.

Под вечер здесь была уже ровная, чистая площадка.

А на второй день к площадке снова подъезжали автомашины. Металлические кузовы машин медленно опрокидывались назад, и на землю плавно сползали кирпичи, бумажные мешки с извёсткой, балки...

Потом пришли рабочие в спецовках и начали строить дом. Один из рабочих был молодой и весёлый. Звали его дядя Коля.

Он очень быстро клал кирпич к кирпичу и всегда напевал одну песню:

Мы за мир, и песню эту
Понесём, друзья, по свету...

Вове и Тане очень понравился весёлый дядя Коля и его песня. Они смело подходили к нему, смотрели, как он работает, потом спрашивали:

— А окна кто будет делать?

— Окна столяры делают,— отвечал дядя Коля.

— А вы кто?

— А я каменщик.

— И я буду каменщиком, когда вырасту,— с важностью говорил Вова.

— А когда будет уже очень высоко, тогда как вы будете класть кирпичи? — спрашивала Таня.

— Тогда мы построим леса. Вот так закопаем столбы, сверху скрепим их перекладинами, а на перекладины положим доски. По доскам и будем ходить,— объяснял весёлый каменщик и снова начинал песню:

Мы за мир, и песню эту
Понесём, друзья, по свету...

Но вот однажды Вова и Таня подошли к дому и еле узнали доброго дядю Колю. Сегодня он был сердитый и ругал кого-то:

— И что они себе там думают? Не могли с вечера кирпич привезти! Теперь сиди сложа руки... Да за полчаса я бы полностью первый этаж закончил!

— Чего это он сердится?— тихо спросила Таня у Вовы.

— Кирпича, говорит, нет,—догадался Вова.

Ребята оглянулись вокруг и увидели небольшую кучу кирпича.

— Дядя Коля, а вот же кирпич лежит,— сказал Вова.

— Э, Вова, этот не годится. Это половинки, а мне целый нужен.

Вова и Таня переглянулись и задумались: что делать? Как помочь дяде Коле?., Эх, была б у них автомашина! Они бы поехали на тот кирпичный завод и привезли бы дяде Коле столько, сколько ему требуется...

— Таня, поди сюда! — И Вова озабоченно потянул девочку за рукав.— Давай, Таня, пойдём во двор, поищем кирпич.

— Пошли,— с готовностью отозвалась Таня.

Они долго шныряли по всем уголкам, но им всё попадались лишь половинки, а целых кирпичей не было.

Тогда Таня немного подумала и сказала:

— А я знаю, где есть кирпич.

— Где? — аж подскочил Вова.

— За домом.

— Так что же ты молчала? А ну, идём!

Взявшись за руки, дети побежали за дом. И, действительно, увидели там несколько аккуратно сложенных кирпичей. Осенью Танина мама варила на них повидло из слив. Вова бросился к кирпичикам, припевая: «Есть кирпич, есть кирпич!»

Но вдруг он остановился и разочарованно сказал:

— Тут же половинки-и-и...

— А вот, гляди, с этого боку есть один целый кирпич,— сказала Таня.

И верно, один кирпичик был целый, только почти весь чёрный от копоти... Но это не беда!

— Я понесу,— сказал Вова и поднял кирпичик.

— Нет, я!— запротестовала Таня.

— Ты ещё маленькая,— пытался уговорить её Вова.

— Нет, большая. И кирпичик я нашла.

— Ух, какая важность! Я и сам нашёл бы его.

— Это моя мама варила на нём повидло! — сказала Таня и решительно взяла кирпичик из Вовиных рук.

— Ну, ладно. Сначала ты понесёшь, а потом я,— сдался, наконец, Вова.

Но кирпич был таким тяжёлым, что пришлось отдыхать несколько раз. Им даже жарко стало, пока донесли кирпич до дяди Коли.

— Ребятки, что это вы несёте? — спросил он.

— Кирпичик,— сказала Таня.

— Ах вы ж мои маленькие помощники! — весело крикнул дядя Коля.— Давайте ваш кирпичик!

А через несколько минут пришла автомашина, наполненная доверху кирпичом.

— Наконец-то! — произнёс дядя Коля и снова, как вчера, начал весело работать, напевая свою любимую песню о мире.

Он клал один кирпич к другому, и вскоре кирпичик Вовы и Тани оказался среди других кирпичей. Но его, чёрного от копоти, хорошо было видно среди прочих — красных, новеньких.

...Пришла зима. Мороз разрисовал ледяными узорами окна, развесил на деревьях сосульки. Уже и дом заканчивали. Дядя Коля достраивал последний, шестой этаж, а Вова и Таня всё ходили смотреть на свой кирпичик, замурованный в стене.

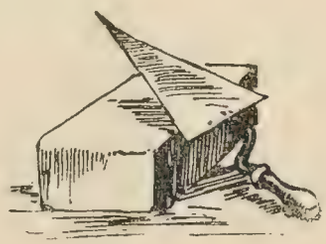
Наконец дом оштукатурили и покрасили в бледно-розовый цвет.

И когда ребята со своими родителями переехали из маленького и старого домика в этот — новый, большой и красивый, Таня в тот же день пришла в гости к Вове.

Они долго играли, бегали по большим просторным комнатам. А потом Вова подошёл к стене и сказал:

— А помнишь,Таня, тут, в стене, и наш кирпичик лежит...

Перевёл с украинского *Е. Ружанский*



Авось и Какнибудь

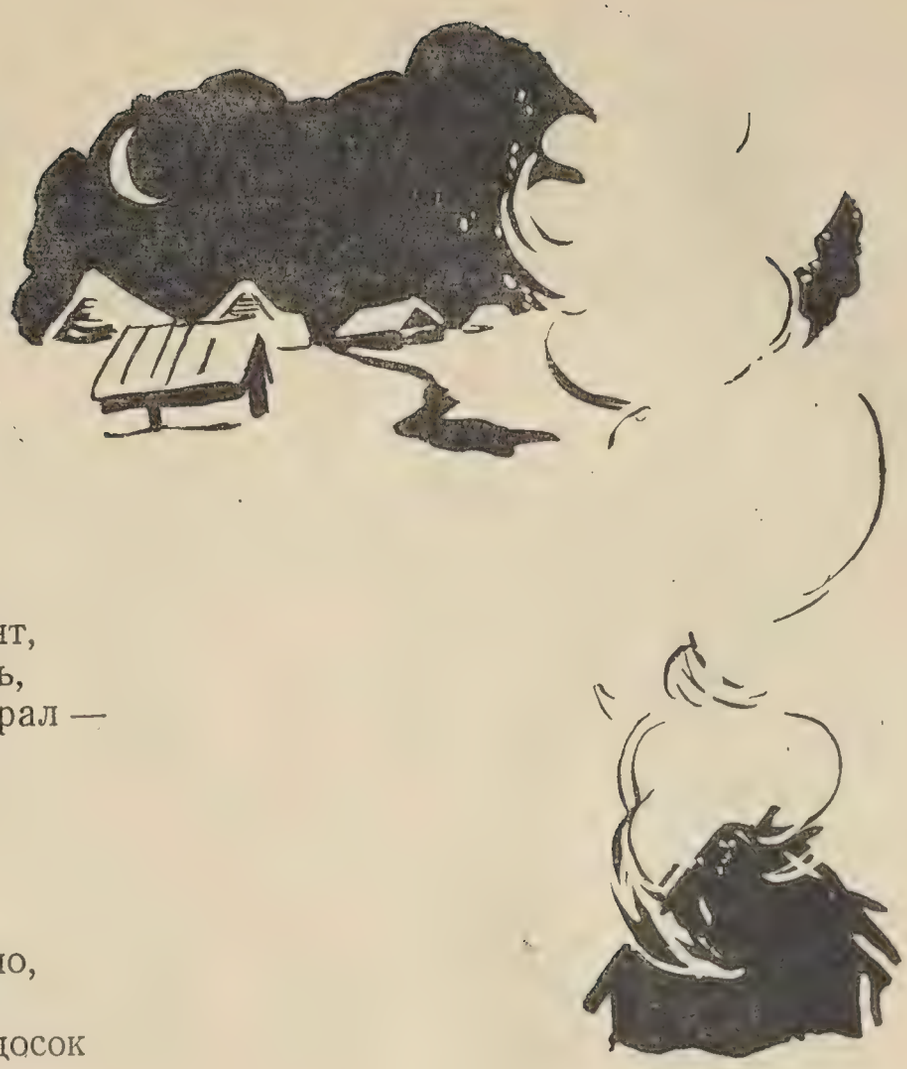
Сказка

ЕФИМ РУЖАНСКИЙ

Рисунки Н. Уласевич

Давным-давно,
Еще когда
Нам жить не привелось,
Жил-был на свете человек
По прозвищу Авось.
Филиппом звали все его,
Когда малышкой был.
Но имя доброе своё
Он с детских лет забыл.
Он в школу не спешил:
— Авось,
Ко времени приду.
Но, опоздав,
Стоял в углу,
У класса на виду.
«Авось, не спросят,—
Думал он,—
Учиться тяжело...»
Но спрашивали в этот раз
Филиппа — как назло!
Диктант писал он кое-как,
Карякал вкривь и вкось,
И получал обычно
«кол»,—
Не помогло «авось».
Ребята в речку.
Тут и он:
— Авось, не утону...
Хлебнул воды.
Спасли друзья,
Нето б ушёл ко дну.
Всегда «авось» он говорил,
Что б делать ни пришлось.
Вот почему
И стали все
Филиппа звать — Авось.
Минули годы,
Но лентяй
Совсем не рос,—

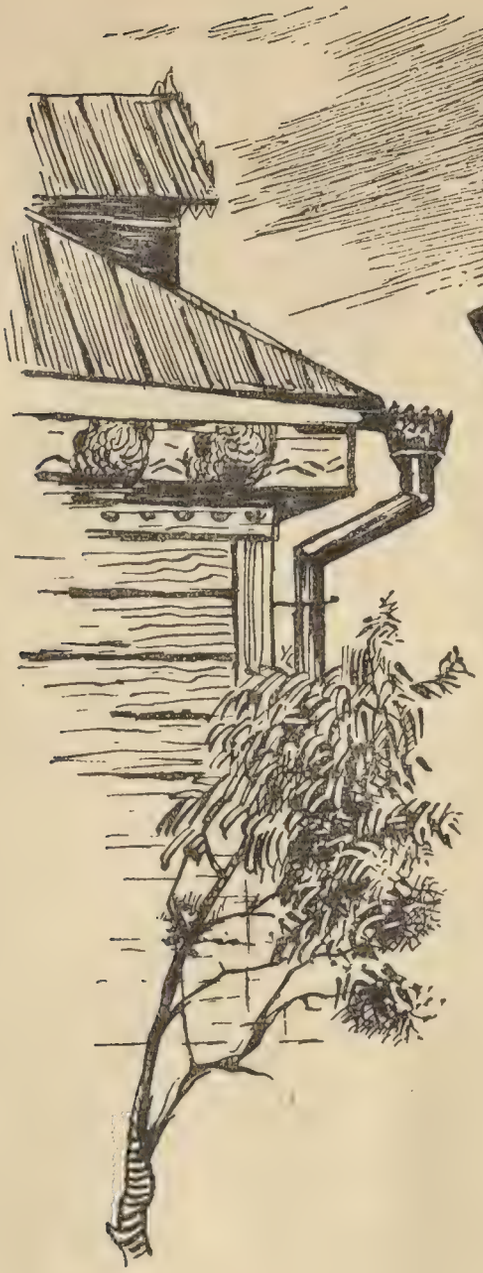
Как пень!
Видать, что даже подрасти
Ему мешала лень.
Так беззаботно он и рос,
Надеясь на авось.
И с каждым годом,
С каждым днём
Ему трудней жилось.
Посеял рожь,
А сорняки
Не стал полоть:
— Пускай...
Авось, и так я соберу
Богатый урожай.
Но урожая ржи тогда
Не получил Авось:
На поле только васильки,
Пырей, осот, овёс...
— Ну, что ж,— решил он,— хороши
Подножные корма.
Он в поле Сивку отпустил:
— Авось, пожнёт сама...
Но вот заснежились поля —
И корма Сивке нет,
И у дороги на снегу
Лежит его скелет...
Взгрустнул Авось,
Кафтан его —
Дырища на дыре,
Но зашивать не стал...
— Авось,
Степлеет на дворе...
Пришлось Авосю голодать
И мёрзнуть на ветру,
А он такой же,
Без забот:
— Авось, и не помру...
Ему товарищи твердят:
— Лениться, братец, брось!
А он:



— Уйду куда-нибудь,
Получше там, авось...
И, как в народе говорят,
Он, отправляясь в путь,
Соседа в спутники избрал —
Ивана Какнибудь.
Был крепок он:
Широк в плечах,
Высок,
Дугою грудь.
За всё он брался горячо,
Но делал как-нибудь.
Дом из неструганных досок
Он сколотил с трудом.
Но он работал торопясь —
И провалился дом.
И согласился он тогда
С Авосем уходить
В чужие дальние края,
Где легче будет жить.
Вот сшил мешок он как-нибудь,
Весь скарб туда втолкал,
Но... разошлись в дороге швы,
И всё он растерял.
— Ну, что ж,— сказал он,—
Как-нибудь
Я всё-таки сберёг
Щепотку соли и сухарь,
Две ложки, котелок...
Они шли долго по степи,
Лишь к полудню дружки,
Палимы солнцем, голодны,
Присели у реки.
Авось сказал:
— Съедим сухарь,
Речной водой запьём,—
Авось, и голод пропадёт,
И до села дойдём.
Дружок ответил:
— Как-нибудь
Голодный зуд пройдёт,
Потерпим малость.
Как-нибудь
Пройдём мы речку вброд.
— Не зная броду, в воду лезть!
— Пошли!..
И вот беда:

Совсем размок, пропал сухарь,
И смыла соль вода.
Дружков чуть-чуть водоворот
В пучину не увлёк.
На берег выползли едва,
Упали на песок.
— Авось, дотянем до села,
Удастся отдохнуть,—
Сказал Авось.
А друг в ответ:
— Дотянем как-нибудь!..
И поплелись они опять,
Пришли в одно село,
Голодных путников-дружков
Там встретили тепло.
Их накормили, говоря:
— Давайте с нами жить,
Работу лёгкую дадим —
Амбар наш сторожить.
Но так случилось:
В ту же ночь
От молнии — пожар!
И, полный свежего зерна,
Заполыхал амбар.
Не знают люди об огне,
Они спокойно спят,
Уверенные, что амбар
Надёжно сторожат.
Авось проснулся и ворчит:
— Ох, я боюсь огня.
А мой дружок уснул.
Авось,
Потушат без меня...
Так в эту ночь
Из-за дружков
Сгорел амбар дотла.
И значит — будут голодать
Все жители села.
А что дружкам?
Они ушли
Куда глаза глядят.
Шли целый день.
Вдруг видят:
Мост
Крестьяне мастерят.
Сказал крестьянин:
— Мост сгорел,
В поля отрезан путь.
— Мы вам достроим этот мост,—
Ответил Какнибудь.
Что ж, время жаркое — страда.
Согласны мужики,
И обязались уплатить
За мост мешок муки.
Взял молоток Авось.
Удар —
В дугу согнулся гвоздь.
«Пустяк,— подумал он,—
Доска
Не упадёт, авось...»
Спеша работал Какнибудь,
Иначе он не мог.
Хоть кое-как, но всё же мост
Закончен точно в срок.
Телегу, полную муки,
Везли быки вдвоём.
Шли до средины моста,
Вдруг
Раздался треск и гром.
Мост рухнул,—
Вниз летят быки,
Телега и мука...
И размывает всю муку
Бурливая река.
«Что делать? Надо уходить»,—
Подумали дружки.
С людским добром
Пошёл на дно
И их мешок муки...
Вновь край безделия искать
Пошёл с дружком Авось.
Шли много лет,
Но край такой
Найти не удалось.
И от досады и нужды
Так высохли друзья,
Что кожа светится насквозь,—
Увидеть их нельзя!

Так, невидимками с тех пор
Бредут они вдвоём
И, незаметно для других,
Проходят в каждый дом.
Безвольных, слабых им всегда
Легко с пути свернуть.
Твердят:
— Надейся на авось!..
— Всё делай как-нибудь!..
Друзья,
Смотрите ж,
Чтоб и вас
На свой не сбили путь:
Бездельник и лентяй Авось
И глупый Какнибудь!



КРУГЛЫЕ ХАТКИ

ЕВГЕНИЙ ФЕЙЕРАБЕНД

Рисунки В. Квитки

Ласточка-касатка
Кружит в вышине.
Ласточкина хатка —
Шарик на стене.

Из речного ила
Птичка дом слепила.
Тот домок не одинок,
Рядом целый городок:

Сколько ласточек-подруг,
Столько домиков вокруг.
В этих домиках круглы
Крыши, стены и полы:
Видно, ласточки не ставят
Малышей своих в углы.

ЕВГЕНИЙ ФЕЙЕРАБЕНД

ФРУКТ

Рисунок В. Мишина

Раз полез садовый вор
В сад чужой через забор,
Да сорвался и повис
Вверх ногами, носом вниз.
Стали спрашивать вокруг:
— Это что ещё за фрукт?!

Загадка

Рисунок Г. Канторовича

Кто на солнышке всё время
В огороде греет темя?
У кого на темечке
Вызревают семечки?

На лесной полянке

Пьеса для кукольного театра

К. ЕФИМОВ

Рисунки Б. Жутовского

Действующие лица:

Бабушка.
Ваня.
Вова.
Вера.
Куропатка.
1-й зайчонок.
2-й зайчонок.
Дружок — собака.
Волк.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Лесная полянка. Справа густой забор маленьких ёлочек. Слева, на втором плане, ярко-зелёное пятно — болото. На первом плане ёлочки, берёзки. Слева появляется 1-й зайчонок.

1-й зайчонок. Никого нет. Вылезай.

2-й зайчонок *(высовывает нос)*. А ты забыл, что мама сказала?

1-й зайчонок. А ты уже высунул. *(Легонько бьёт его лапкой по носу.)*

2-й зайчонок. Если ты будешь драться...

1-й зайчонок. Ну и что?

2-й зайчонок. Если ты будешь драться...

1-й зайчонок. Ну и что?

2-й зайчонок. То я тебя вот так... *(Прыгает, сбивает с ног.)*

1-й зайчонок. А я тебя вот эдак... *(Начинают возиться.)*

Куропатка *(камнем падает с дерева)*. Тише. Вы с ума сошли. Вы забыли, что в этих местах появился волк?

1-й зайчонок. А мы его закидаем шишками...

Куропатка. Глупый. Да знаешь ли ты, что в лесу нет никого сильнее волка?

1-й зайчонок. А люди? Старый дятел рассказывал, что сам видел, как лесник и охотник убили из ружей трёх волков сразу.

Куропатка. Всё-то ты знаешь... Люди бывают в лесу днём... А волк ходит ночью, когда темно... Иди лучше домой и сиди там, пока не придут старшие. Пока солнце высоко — волк не придёт. Он знает, что люди тут близко живут, а их он не очень-то любит... *(Улетает.)*

1-й зайчонок. Смотри, как быстро всё подсохло и как тепло, хорошо!

2-й зайчонок. Не высовывайся. Ты слыхал, что тётя Куропатка сказала?

1-й зайчонок. Пока солнце высоко — волк не придёт!

2-й зайчонок. Вдруг придёт?

Куропатка *(появляясь)*. Прячьтесь скорее! Прячьтесь скорее!

Зайчата. Волк! Волк! *(Прячутся.)*

Куропатка. Нет, это не волк. Это люди. Один маленький человек идёт прямо сюда. Прячьтесь!

На полянку из густых ёлочек справа вылезает Вова.

Вова. Какая полянка красивая... Тут никто не был. Ну-ка, посмотрим вот тут... А! Беленький... ещё... беленький... видно...

Голос Веры. Во-ва! Во-ва!

Вова. Ау! Пусть посмотрит, сколько я нашёл. *(Спохватившись.)* Ой, Вера увидит грибы и всех приведёт! Не буду откликаться больше и грибов не покажу.

Из-под ёлочек вылезает Вера.

Вера. Вова, я тебе кричала, кричала!

Вова. Я не слышал, Верочка... Ты не ходи сюда, здесь сыро.

Вера. А мне нравится... Какая там травка зелёная...

Вова. Не ходи туда, ноги промочишь. Пойдём, Верочка, к бабушке. А то она беспокоиться будет.

В е р а. А что ты нашёл? *(Хочет заглянуть в корзинку.)* Дай я посмотрю.

В о в а *(отталкивает её)*. Нечего там смотреть! *(Не выдерживает, выхватывает белые грибы и вертится с ними.)* Тра-та-та! Тру-лял-ля!

В е р а. Беленькие! Ой, где ты их нашёл? Я тоже здесь поищу. *(Нагибается.)*

В о в а *(толкает её)*. Не смей! Это моя поляна. Я её первый увидел! Найди себе и там ищи.

В е р а. Чего ты дерёшься? Вот я скажу бабушке.

В о в а *(ласковым голосом)*. Пойдём отсюда, Верочка. Помнишь, что мама говорила? Тут болота есть и волки бывают. *(Пугает её неожиданно.)* У-у!..

В е р а. Ой! Вовка! Ну чего ты меня пугаешь! Правда, лучше пойдём. Дай руку. Нет, ты иди с этой стороны, а я с той пойду, а то мы мешать друг другу будем грибы искать. *(Уходят.)*

На поляну выходят зайчата.

1-й з а й ч о н о к. Мальчик!

2-й з а й ч о н о к. И девочка! Чего им тут надо?

1-й з а й ч о н о к. Они грибы ищут.

2-й з а й ч о н о к. А зачем?

1-й з а й ч о н о к. Они их едят.

2-й з а й ч о н о к. Грибы? Вот чудаки!

1-й з а й ч о н о к. Мальчишка обратно идёт... Бежим! *(Прячутся.)*

В о в а. Ловко я Верку обманул. Пойдёт со взрослыми и ничего не найдёт. А я принесу полную корзинку одних белых... Мама приедет в воскресенье: чьи это такие грибы? А я скажу: жарь, мамочка, и давай всем, мне не жалко, пускай все едят...

Г о л о с а. Во-ва! Во-во-чка! Вну-у-чек!

В о в а. Ой, сюда идут. *(Прячется.)*

Б а б у ш к а и В е р а *(выходят справа)*. Вова! Вовочка! Вова!

В е р а. Он ушёл отсюда, бабушка! Мы вместе ушли.

Б а б у ш к а. Ну да. Дальше-то идти некуда, болото... Вова! Вовочка! Вова! *(Уходят.)*

В о в а. Ловко я их обманул! Посмотрю, что-то я под той ёлочкой видел. *(Замечает гнездо.)* Гнездо! Ура! Птенчики! *(Откуда-то падает в траву куропатка и начинает ковылять.)* Птица! Какая большая и красивая! Ой, она же летать не может! Я её поймаю... Ха-ха-ха! Папа в воскресенье с ружьём ходил, меня не взял, а сам ничего не принёс. А я без ружья принесу. *(Поднимает с земли палку и крадётся за птицей.)*

1-й з а й ч о н о к. Она же его в болото заманивает, к трясине.

2-й з а й ч о н о к. Да, там никто не ходит... Даже нам не разрешают.

1-й з а й ч о н о к. Надо ему сказать!

2-й з а й ч о н о к. Ой, что ты. Он как кинет палкой...

1-й з а й ч о н о к. Он же утонет в болоте.

2-й з а й ч о н о к. Ну и пусть! Он девочку толкнул, гнездо разорить хотел...

1-й з а й ч о н о к. Мне его жалко!

2-й з а й ч о н о к. А мне ничуть.

1-й з а й ч о н о к. Он же маленький ещё, как мы с тобой, глупый.

2-й з а й ч о н о к. А я не глупый.

1-й з а й ч о н о к. Смотри, он у самого края.

В о в а *(взмахивает палкой)*. А, не уйдёшь! Ой! *(Проваливается в болото.)* Мама!

К у р о п а т к а. Ч-ч-т-о, хотел моё гнездо ра-з-з-зо-рить? Вернись-ка в своё, попробуй. *(Вова барахтается в трясине, кричит. Зайчата подбегают к краю болота.)*

1-й з а й ч о н о к. Тётя Куропатка! Тётя Куропатка! Укажи ему сухое место...

К у р о п а т к а. Нашли ду-р-р-у! Нашли дур-р-р-у... Он вылезет и гнездо разорит.

З а й ч а т а в м е с т е. Тётечка Куропаточка, спаси его. Мы гнездо перенесём и будем всегда твоих птенчиков веселить, пока ты за кормом летать будешь.

К у р о п а т к а. Ну ладно уж. И у него, дурачка, ведь мама есть, тоже убиваться будет. *(Берёт ветку и пролетает, задевая Вову крылом, он оборачивается, птица кладёт ветку туда, куда можно встать.)*

В о в а. Веточка... Она меня немножко удержит. *(Хватается за ветку, чувствует сухое место.)* Твёрдо. Не проваливается. *(Вылезает на кочку.)* Птичка! Спасибо, птичка! Никогда не буду разорять гнёзд и обижать птиц!

2-й з а й ч о н о к. А как он отсюда выберется?

1-й з а й ч о н о к. Я не знаю...

2-й з а й ч о н о к. А пусть сидит, пока люди его не найдут.

1-й з а й ч о н о к. А ты забыл, почему папа и мама на целый день ушли?

2-й з а й ч о н о к. Они ушли новые места для жилья искать.

1-й з а й ч о н о к. А почему надо новое место искать?

2-й з а й ч о н о к. Потому что волк здесь появился... *(Переходя на испуганный шёпот.)* Ой, может быть, он здесь, близко...

2-й з а й ч о н о к. Нет, ещё солнце высоко... А потом он придёт и съест мальчика...

З а й ч а т а в м е с т е. Что же делать?

1-й з а й ч о н о к. Надо бежать к домику лесника. Он все места знает и вытащит мальчика...

2-й з а й ч о н о к. Там собака огромная и злая-презлая.

1-й з а й ч о н о к. Ну что ж делать! Нельзя же его так оставлять... Надо скорее бежать к домику лесника... *(Убегают оба.)*

В о в а. И зайчата от меня ушли... Как мне холодно!.. Мама! Мама!

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Дом лесника.

В а н я. А ну, Дружок, прыгай. Выше! Выше! Так. Молодец! Сегодня мы с тобой вдвоём на весь участок остались.

Д р у ж о к. Гау! Гау!

В а н я. Пожаров можно не бояться, большие дожди прошли. А вот волк у нас здесь объявился. Волк, понимаешь?

Д р у ж о к. Р-р... Р-р...

В а н я. Понимаешь, значит... Ну то-то. Посиди-ка на цепи *(надевает цепь)*, посторожи. А я пойду ужин готовить. Понял?

Д р у ж о к. Гау! Гау!

В а н я. А про волка не забывай. *(Идёт в дом.)*

Д р у ж о к. Р-р...

На дальнем краю сцены осторожно появляется зайчонок.

Д р у ж о к. Гау-гау-гау, р-р. *(Зайчонок убегает.)*

В а н я. Что это ты, Дружок? Что с тобой, брат, случилось? Лаешь, будто на охоте зайца увидел...

Д р у ж о к *(утвердительно)*. Гау-гау...

В а н я. Да ты в уме ли, Дружок? Ты, наверное, курицу за зайца принял?

Д р у ж о к *(отрицательно)*. Гау-гау...

В а н я. Больше, пожалуйста, себя не позорь и меня от дела не отрывай... Понял?

Д р у ж о к. Гау-гау...

Осторожно появляется заяц. Дружок хочет прыгнуть и залаять, но только тянется и повизгивает. Зайчонок подходит всё ближе, и Дружок не выдерживает и с лаем рвётся с цепи. Зайчонок прячется. На полянку выходят бабушка и Вера.

В а н я. Опять, Дружок? Ты что это? На людей лаять стал? Почему вы плачете, бабушка? Что случилось?

Б а б у ш к а. Мальчик у нас потерялся... Два часа уже ищем, найти не можем. Весь лес обыскали. А ты чей?

В а н я. Сын лесника, Ваня. Меня все здесь знают.

Б а б у ш к а. Отец дома? Позови его, Ваня!

В а н я. Нет отца. В город уехал.

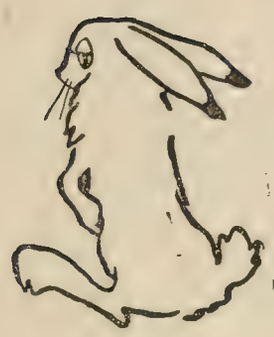
Б а б у ш к а. Нет его? Вот горе-то какое. Кто ж нам теперь поможет? Уж солнышко садится.

В а н я. Успокойтесь, бабушка! Не плачь, девочка! В беде без помощи не останетесь. Где он потерялся? Вы были на лесной полянке?

Б а б у ш к а. Были. Там его не было...

В а н я. Ну и хорошо, что не было. Там самое опасное место во всём лесу. Ну что ж. Времени терять нельзя. Эх, если б вы чуть пораньше пришли, пока солнышко высоко, или знали точно направление... Мы бы его живо отыскали... *(Про себя.)* Только бы волк его раньше не разыскал! Эх, знать бы, куда сначала идти! Солнце садится...

К Вере подбегает зайчик.



В е р а. Зайчик?! *(Делает к нему осторожный шаг.)* Не убегает! Ой какой маленький, какой славненький! *(Заяц отходит, Вера за ним.)*

Б а б у ш к а. Верочка, ты куда? Не отходи!

В е р а. Бабушка! Тут зайчик.

В а н я. Что ты, девочка? Разве заяц сюда подойдёт? Да и Дружок давно бы залаял.

Д р у ж о к. Р-р, гау-гау. *(Заяц прячется.)*

В а н я. И верно... Смотри-ка. Ну, не до него нам сейчас, он нам не поможет... Молчи, Дружок... Ну что ж... пойдём вот туда *(указывает в обратную сторону)*, раз около болота вы искали...

Идут. Вера последняя и всё оглядывается.
Выходит зайчик, машет лапками.

В е р а. Бабушка! Опять зайчик. И будто зовёт за собой.

Б а б у ш к а. Да что ты, Верочка... Давай руку, пойдём скорей...

Заяц отчаянно выбегает на дорогу.

В е р а. Бабушка, у него в лапке что-то блестит...

В а н я. И верно, блестит. Погоди, Дружок...

В е р а. Бабушка! Это же ленточка от Вовиной корзиночки. У него красненькая, а у меня синенькая...

В а н я. Надо за ним идти... Что это? Тише! Тише! *(Вдали волчий вой, Дружок рвётся, рычит.)* Замолчи, Дружок.

Б а б у ш к а. Волк!

В е р а. Ой, как страшно...

Б а б у ш к а. Что-то странно он воет, сынок...

Заяц бьёт лапками по земле.

В а н я. Скорее! Скорее! Скорее!

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Та же полянка. Вова сидит на кочке. Солнце низко.

В о в а. Никого нет. Скоро солнышко зайдёт, и до самого утра меня не найдут. *(Начинает плакать.)* Нет, я не буду плакать, как лётчик этот в кино... Сколько дней в лесу один полз, с больными ногами. И не сдавался... А я ведь тоже хочу быть лётчиком... *(Кричит.)* Ба-буш-ка! Ба-буш-ка!

К у р о п а т к а. Что он делает? Что он делает, этот глупый мальчишка! Ведь солнце уже зашло.

В о в а. Бабушка-а-а! Верочка-а-а!

К у р о п а т к а. Полечу, толкну его крылом, чтобы он замолчал. Только бы зайчонок успел!

В о л к *(выбегает)*. Эх, и голоден же я... От этих дождей всё в лесу попряталось, ничего нет. А к стаду и не подойдёшь — пастухи да собаки. Где же этот глупый человечишка, который кричал? А, вот он! Думает, что я его не вижу... Ха-ха... Однако с людьми надо действовать осторожно, даже с маленькими. До сих пор огонь в глазах стоит от выстрела.

В о в а. Я тебя не боюсь! Уходи прочь, волк! Уходи!

В о л к. Как бы не так. Сегодня у меня будет сытный ужин.

В о в а. Эх, была бы у меня хоть палка... *(Оглядывается. Куропатка бросает ему палку.)*

В о л к. И ты сюда же, глупая птица! Погоди, разделаюсь я с этим вот малышом и пошарю, пошарю в траве, я знаю, где ты свои гнёзда-то вьёшь! Эх, воды много нынче в болоте, устрою-ка я себе мостик.

В о в а. Ну что ж. Пускай я с тобой и не справлюсь, волк, но я не буду сдаваться, как лётчик в кино!

В о л к *(тащит зубами жердь, толкает в болото)*. Вот так, теперь-то уж я пройду. *(Идёт по жерди. На полянку выбегает зайчик.)*

В о в а. Ты большой, а я ещё не очень большой. Но всё равно я не сдамся!

З а й ч и к. Держись, мальчик! Держись, помощь близко.

Волк медленно идёт. Зайчик с разбега прыгает, ударяет его лапками по голове и попадает на островок к Вове, оттуда на полянку. Волк сваливается в болото. В ту же секунду с лаем выбегает Дружок и люди. Вова бросился к ним.

В о в а. Бабушка! Верочка!

В а н я. Бабушка, Вера, Дружок, собирайте хворост для костра, Вове согреться надо... Бабушка, пойдёмте, тут сухое дерево есть, принесём. *(Приносят дерево, делают мост, вспыхивает костёр, Вова выбирается на берег.)*

Б а б у ш к а. Вова, Вовочка!

В е р а *(всхлипывая)*. Во-воч-ка!

В а н я. Здравствуй, Вова, меня зовут Ваня. А это Дружок.

В о в а. Здравствуй, Ваня! Здравствуй, Дружок!

Б а б у ш к а. Обогрейся немножко, внучек, и пойдём поскорее домой.

В о в а. Нет, бабушка, домой мне нельзя.

Б а б у ш к а. Нельзя? Почему?

В о в а. Если я уйду, волк придёт и всех моих друзей съест.

В е р а. Ой, волк!

В а н я. А где волк?

В с е. Где волк?

Д р у ж о к *(кидается)*. Р-р... Р-р...

В а н я. Там, значит, волк. Не бойся, Вова, далеко он не уйдёт. Утром отец вернётся, соберёт охотников. А сейчас мне нужно скорей сообщить, что ты нашёлся.

В о в а. Ты иди, раз нужно, Ваня, иди. Только ружьё оставь мне, пожалуйста.

В а н я. Нет, одного я тебя не оставлю. Бабушка, вы умеете звонить по телефону?

Б а б у ш к а. Конечно, умею, Ванечка.

В а н я. Пойдите, пожалуйста, к нам и позвоните лесничему. А мы скоро придём.

Б а б у ш к а. Хорошо, Ванечка. Я печь затоплю, чего-нибудь на ужин сварю.

В а н я. Вот ключ. *(Бабушка уходит.)*

В о в а. Спрятался, разбойник! Не показывается...

В а н я. Он ждёт, пока темно станет. Ему ведь надо через открытое место пройти.

В о в а. Нельзя его упускать. Придумай что-нибудь, Ванечка.

В а н я. Надо подумать... Верочка, подложи хворосту в костёр. *(Садится, думает.)*

В о в а. Придумал, Ваня?

В а н я. Нет. Если бы можно было туда головню забросить!

В о в а. То что?

В а н я. Волк огня боится, он бы выбежал, я бы его и застрелил... Да нет, далеко. *(Бросает одну за другой две головни, они не долетают.)*

К у р о п а т к а *(делает круг над ними)*. Ф-р-р, ф-р-р.

В о в а. А, понял! Понял! Отойди, Ваня. *(Кладёт горящую ветку на пенёк. Куропатка берёт её, летит с ней, сбрасывает на волка.)*

В о л к. Р-р-р-р.

В о в а. Что, не по душе гостинец? А ну-ка ещё!.. *(Куропатка бросает вторую ветку. Волк подпрыгнул. Выстрел. Волк летит кувырком.)*

В о в а. Попал! Попал! Так тебе, серый разбойник!

В а н я. Вот мы все вместе и с волком справились.

В о в а. Ура! Нет больше в лесу злого волка! Если всем всегда помогать друг другу — ни волк, никто не страшен.

КАК САМИМ УСТРОИТЬ КУКОЛЬНЫЙ ТЕАТР

Кукольный театр можно устроить в любой школе, в любом клубе, даже дома, и дело это вполне под силу самим ребятам.

Здесь мы расскажем о самом простом оборудовании, те же, кто захочет познакомиться с более сложными вещами, смогут прочесть о них в специальных книгах.

Представления театра кукол можно показывать на любой ровной площадке (в школьном зале, классе и т. д.).

Для того чтобы зритель не видел ребят, работающих с куклами, и для того чтобы удобнее было действовать куклам, нужно сделать ширму.

Ширма делается из трёх деревянных рам: передней и двух боковых, обтянутых плотной материей. Передняя рама значительно шире боковых (рис. 1). Для удобства переноски ширмы боковые рамы можно прикрепить к передней на шарнирах. Чтобы ширма во время спектакля не качалась, её прибивают к полу или прикрепляют к чему-нибудь тяжёлому.

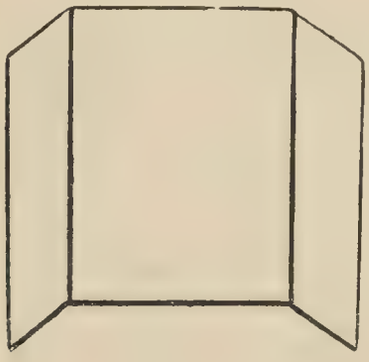


Рис. 1.

Высота ширмы должна быть такой, чтобы из-за неё не видно было ребят, показывающих куклы (кукловодов). Для ребят маленького роста можно сделать невысокую скамеечку.

Самое главное в кукольном театре — это, конечно, куклы. Куклы бывают устроены по-разному. Мы будем говорить о самых простых — куклах-петрушках.

Петрушкой называется такая кукла, которая надевается прямо на руку (рис. 2, 3).

Рис. 2.

Рис. 3.

К специальной перчатке с тремя пальцами (она будет служить туловищем куклы) прикрепляется твёрдая голова. Перчатка надевается на руку, указательный палец входит в голову и двигает ею, а большой и средний образуют руки куклы (рис. 2) или указательный и средний входят в голову, большой палец в один рукав, безымянный и мизинец в другой.

Голова куклы имеет размер в пять-шесть сантиметров. Для её изготовления лепят модель из глины или пластилина, эту модель сверху обклеивают пятью-шестью слоями бумаги. Для этого модель сначала смазывают вазелином, а потом обклеивают маленькими кусочками непроклеенной бумаги (можно газетной или обёрточной). Первый слой бумаги мочат в воде. Чтобы обклейка шла равномерно и в отдельных местах не было утолщений и впадин, для разных слоёв нужно брать бумагу различного цвета. Когда папье-маше высохнет, его осторожно разрезают и снимают с модели (рис. 4), а затем сшивают и обклеивают сверху. Затем голову раскрашивают, лучше всего масляными красками, и припудривают.

Можно использовать головки фабричных кукол, пустые внутри, в том числе кукол животных.

Рис. 4.

Волосы, брови и усы делаются из мочалы, верёвок, ниток и т. д. приклеиваются, как и глаза, до окраски головы. Глаза делают из бусинок, пуговиц, кусочков стекла. Можно просто нарисовать волосы и глаза, но в этом случае надо на место зрачка вставить какой-нибудь блестящий предмет. Затем голова прикрепляется к перчатке-туловищу, причём конец среднего пальца перчатки отрезается, и палец надевается на шею снаружи. Место соединения прикрывается костюмом или закрашивается.

Руки куклы делаются в виде варежки и простра́чиваются по линиям пальцев. Их пришивают прямо к перчатке, и палец кукловода входит в кисть кукольной руки.

Ноги у куклы-петрушки нужны не всегда, так как для зрителя они как будто скрыты ширмой. Иногда их делают, чтобы кукла могла играть ногами лёжа или сидя (например, Вова в пьесе, которую мы печатаем). Нижнюю часть ноги можно сделать из материи, набитой ватой, верхнюю — из картонного патрона без донца. Управляет ногами вторая рука кукловода.

Куклы-животные делаются так же, как и куклы, изображающие людей.

Иногда нужны куклы, которые должны высоко подниматься над ширмой (например, куропатка в нашей пьесе). Тогда кукла прикрепляется к трости из толстой негнущейся проволоки с деревянной рукояткой внизу.

С помощью самых простых кукол можно успешно разыгрывать почти все пьесы, написанные для детского кукольного театра.

Декораций в кукольном театре должно быть немного, иначе куклы будут теряться среди них. Например, в пьесе «На лесной полянке» можно с одного края ширмы укрепить лист картона или фанеры с нарисованными и раскрашенными ёлочками (сверху контуры ёлок можно вырезать или выпилить), посредине сделать кочку — это будет болото и т. д.

Смену декораций можно производить просто, снимая одни и ставя другие или используя укреплённый над ширмой занавес.

Главное, на что должно быть обращено внимание при работе с куклой,— это стремление передать характеры людей и животных в речи, манере двигаться.

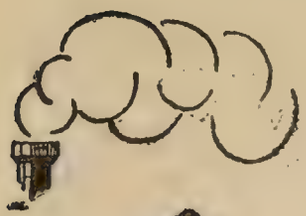
Если, например, в пьесе «На лесной полянке» зритель будет слышать речь, похожую на речь восьмилетнего мальчика и шестилетней девочки по голосу, манере разговора, интонациям, если он почувствует разницу в характерах двух зайчат, то он легко простит все недостатки оформления, просто забудет о них.

Играть в кукольном театре следует так же, как если бы дело происходило во взрослом театре: просто, серьёзно, без кривляний и ломаний, заботясь о том, чтобы зрителям было всё хорошо видно и слышно и чтобы куклы делали те движения, которые нужны по пьесе.

Например, в пьесе «На лесной полянке», когда появляются зайчата, они могут сначала оглядываться, прятаться и снова появляться, сталкиваться и т. д. Такая игра с куклой всегда вызывает дружный отклик маленьких зрителей.

★

В ЧАСЫ ДОСУГА



Рисунки Н. Шимилис

Метаграммы

Метаграммами какого-либо слова называются слова, которые можно от него получить, изменяя одну из букв. Например, изменяя в слове «бок» первую букву, получаем его метаграммы: ток, рок, сок, док.

Попробуйте расшифровать такие метаграммы:

1. С «Ю» — я по воде скольжу,
   С «Я» — на голове сижу.

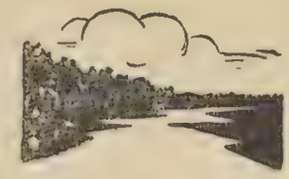
2. Имея стены и углы,
   Жилищем я твоим являюсь,
   Но если «О» заменишь буквой «Ы»,
   То сразу вверх я устремляюсь.

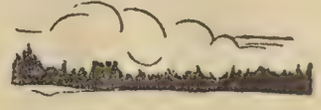
3. Я с «П» кругла, желта, на вкус приятна
   И прячусь под поверхностью земли,
   А с «К» я — то мала, то необъятна
   И поднимаю часто корабли.

Шарады

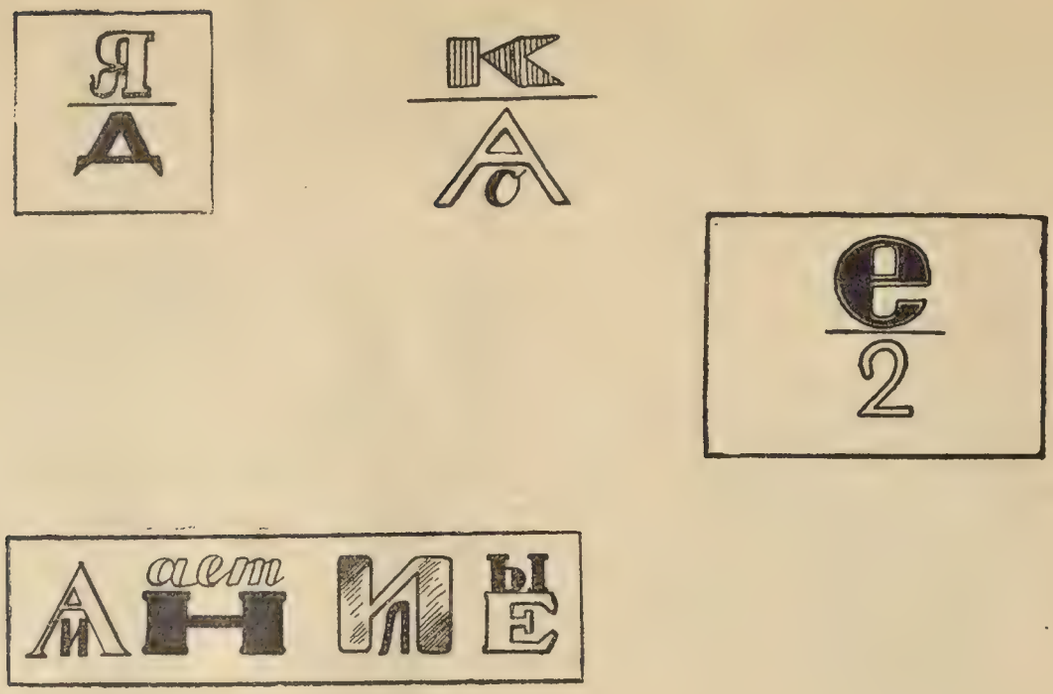
1. Первое — нота,
   Второе — игра,
   Целое встретите у столяра.

2. Слог первый — есть сосновый лес.
   Если числительные знаешь,
   Ещё два слога отгадаешь,
   А с восклицанием прочтёшь —
   Так место битвы ты найдёшь.





РАЗГАДАЙТЕ ЭТИ РЕБУСЫ



ОТВЕТЫ К РАЗДЕЛУ «В ЧАСЫ ДОСУГА»

Метаграммы

1. Шлюпка — шляпка.
2. Дом — дым.
3. Репа — река.

Шарады

1. До-лото.
2. Бор-один-о.

Разгадайте эти ребусы

1. Надя. 2. Подкова. 3. Поле.
4. Иван подаёт вилы Наде.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

«ТЫСЯЧА И ОДНА НОЧЬ»

О происхождении этих чудесных сказок существует не менее чудесная легенда.

Будто бы когда-то давным-давно жил жестокий царь Шахрияр. «Он каждый день брал себе новую жену, а наутро убивал её». И вот нашлась одна умная девушка по имени Шахразада, которая тысячу и одну ночь рассказывает сказки и тем самым спасает себя и всех девушек той страны.

На самом же деле сказки «Тысяча и одна ночь» создавались в течение многих веков народами арабских стран.

Необычайные приключения происходят с героями этих сказок.

Аладдин попадает в подземелье, из которого нет выхода. Джинн Дахнаш, сын Кашкаша, глава всех джиннов, спасает юношу. Бедняк Али-Баба случайно становится обладателем несметных сокровищ. В минуту опасности его выручает «умная и храбрая девушка Марджана».

Красивый, «словно месяц на небе», царевич Хасан летает над землёй на коне, сделанном из слоновой кости и чёрного дерева, и любуется городами и странами.

Царевича Али, сына багдадского царя, жестокий ифрит превращает в безобразную обезьяну. Прекрасная царевна хочет расколдовать царевича, борется с ифритом и погибает.

Багдадский купец Синдбад, наслушавшись удивительных историй о далёких странах, сам пускается в путешествие.

Много испытаний терпит отважный купец в пути, много чудес и диковинок видит в тех странах, где удалось ему побывать.

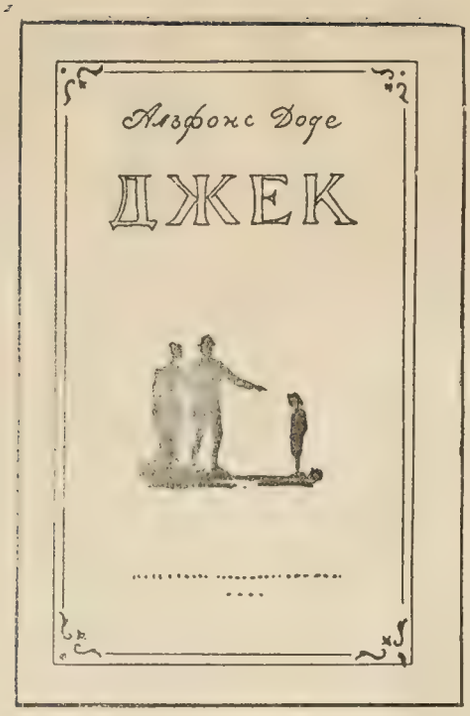
Богатой фантазией расцвечены сказки «Тысяча и одна ночь». Во времена седой древности они рассказывались меддахами (сказочниками) на площадях и рынках «Города Мира», как назывался когда-то Багдад. Позднее меддахами сказки были записаны, но в тринадцатом веке, когда Багдад захватили и разорили монголы, погибли. Возродились они в Египте, куда попали вместе с беглецами из Багдада.

Снова весёлые бродячие сказочники развлекали ими слушателей, добавляя к каждой сказке что-либо своё.

Сказки постоянно переписывались. Те, что дошли до нашего времени, были напечатаны.

«ДЖЕК»

Этот роман написан выдающимся французским писателем Альфонсом Доде, который жил в XIX веке.



В книге рассказывается о печальной судьбе мальчика Джека. У Джека красивая, но необычайно легкомысленная мать. Сын мешает ей, и она отдаёт его в гимназию Моронваля. Здесь Джек знакомится с негритёнком Маду.

Если маленький Джек несчастен, то еще несчастнее Маду, оторванный от своей родины.

«Мальчик стоял, протянув к фонарю большие окоченевшие руки и повернувшись лицом к теплу, к свету, с таким милым ребяческим доверчивым выражением, что сразу понравился Джеку:

— А красиво у тебя на родине? А далеко она? Как она называется?

— Дагомей,— ответил негритёнок. Маленький Джек привскочил на постели:

— Ну, так ты должен его знать! Вероятно, ты с ним вместе приехал во Францию.

— С кто?

— С его королевским высочеством... Ты же понимаешь, о ком я говорю... о маленьком дагомейском короле.

— Это я,— просто ответил негритёнок. Джек смотрел на него, онемев от изумления... Слуга, который целый день носился по дому в каких-то лохмотьях то с метлой, то с угольным ведром в руках, который подавал к столу, мыл стаканы, оказался королём!»

Маленький негр поведал изумлённому Джеку историю своей жизни.

Маду действительно был сыном короля Рак-Маду-Гезо. Отец хотел дать сыну хорошее образование и отослал его во Францию, в Париж. Сначала маленькому королю жилось неплохо. Но его судьба внезапно изменилась. Отца Маду свергли с престола, деньги Моронвалю перестали поступать, и короля Дагомеи превратили в слугу...

Много раз Маду пытается бежать на родину, но всё неудачно, и погибает вдали от неё.

Джек тоже бежит из гимназии. Отчим ненавидит мальчика и отдаёт в ученики на завод.

Из любви к матери Джек покоряется своей судьбе, которая настолько тяжела, что смерть для него является избавлением.

«МЕЖ КРУТЫХ БЕРЕЖКОВ»

Так озаглавила свою повесть свердловская писательница Ольга Ивановна Маркова.

События, развёртывающиеся в повести, происходят в наши дни в колхозе. Последнюю четверть учатся ребята. Весна в самом разгаре, идёт сев. Все взрослые на полях. После уроков ребята помогают им. Только мать Максимки не хочет работать, её не интересуют дела колхоза. С попутными машинами ездит она в город на рынок и кое-чем торгует...

Максимка страдает от этого, ему стыдно за мать. А она, увлечённая своей торговлей, занятая своими переживаниями, не замечает ни сына, ни его отчуждённости, нет у неё заботы о нём.

У Татьяны Неручевой, трудолюбивой и добросовестной колхозницы, младший сынишка Серёжа растёт не таким, каким бы она хотела.

Татьяну беспокоит поведение сына, и она часто заглядывает к пионерам, в школу узнать, тут ли сын, чем он занят.

Приезжает из города Серёжа Дугин. Его папа работает в МТС, и семья перебирается жить в колхоз. Он знакомится

31242

с деревенскими ребятами: Олежкой, Максимкой и Серёжей.

Ребята горюют: совсем омелел пруд, что раскинулся у колхозных огородов, вывелась в нём рыба, негде искупаться.

В школу назначен новый учитель, молодой паренёк. Узнав, чем озабочены ребята, он предлагает очистить пруд. Ребята соглашаются, идут к председателю колхоза, но тот не верит в затею ребят, отказывает в помощи.

Пионеры не отступают от задуманного.

Горячее время — сев, устают за день все, но ведь ребята помогают старшим, и старшие не оставляют в тяжёлую минуту своих ребят. Каждое утро пионеры удивляются: кто-то продвинул их работу за ночь...

Дружные усилия дают хорошие результаты: вовремя закончен сев, ожил обновлённый пруд, решилась судьба героев.

ДВЕ КНИЖКИ

Свердловские писатели Ефим Григорьевич Ружанский и Елена Евгеньевна Хоринская написали сборники стихов об учёбе, дружбе, мечтах, играх ребят, их помощи старшим.

В книге «Золотые огоньки» Е. Хоринская показывает, как настойчиво уральские школьники овладевают знаниями:

Вот уже за парту каждый сел
И число поставил на листочке.
По доске скользнул привычно мел,
Выводя старательные строчки...

В свободное от занятий время они читают интересные книги.

Давно уж прочитана книжка,
И томик любимый закрыт.
Задумчиво русый мальчишка
В окно голубое глядит.

Ему жаль расстаться с полюбившимся героем, хочется стать таким, как он.

В стихотворении «Капитан степного корабля» из книги Е. Ружанского говорится о том, как мальчик Стёпа мечтает о морях, о дальних странах. Он думает, что только в дальних странах можно увидеть много интересного. Но вот он переехал из города в колхоз. И здесь раскрылся перед ним целый мир. По бескрайним колхозным полям ходят степные корабли. Дядя Митя берёт с собой мальчика на комбайн.

До ночи Стёпа в поле
На вахте, у руля,
Он станет капитаном
Степного корабля.

Три друга: Коля, Слава и Володя вырастили рысака («Колхозный рысак»), за которого колхоз получил первый приз.

Многие ребята интересуются и хотят овладеть профессиями своих отцов. «В добрый путь!» — говорит им поэт.

Постарайтесь, ребята, прочесть эти книги. Их издало в 1956 году Свердловское книжное издательство.

★

408012

Детская Центральная библиотека
г. Свердловск

СОДЕРЖАНИЕ

В. Бианки. Птицы мира 3

С. Неустроев. Андрейка-дружинник, *рассказ* 5

Былое, *устные рассказы старых уральских рабочих* 11

Б. Рябинин. На покосных лужках, *рассказ* 17

Н. Мережников. Тропинка, *стихи* 31

А. Белянинов. Иламан едет в пески, *рассказ* 32

Л. Сорокин. Лыжня. Скороходы, *стихи* 41

И. Круглик. У нас сбор, *рассказ* 43

Н. Семин. Я говорил по радио, *стихи* 52

Мансийские сказы. Спасибо тебе, сали! Про рябчика . 53

К. Ткаченко. Кузя, *рассказ* 59

Е. Фейерабенд. Пчела. Утята, *стихи* 60

У НАШИХ ДРУЗЕЙ

В. Стариков. Юные патриоты, *статья* 63

С. Трынский. *Главы из книги* 65

ОЧЕРКИ

Б. Жутовский. В Саянах 80

А. Исетский. Соколовские ребята 87

ДЛЯ МАЛЫШЕЙ

А. Митин. Про кошку, котят и лукошко, *стихи* 99

Ф. Бабанский. Кирпичик, *рассказ* 100

Е. Ружанский. Авось и Какнибудь, *сказка* 104

Е. Фейерабенд. Круглые хатки. Фрукт. Загадка, *стихи* 109

ШКОЛЬНАЯ САМОДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

К. Ефимов. На лесной полянке, *пьеса* 111

Как самим устроить кукольный театр 120

В ЧАСЫ ДОСУГА

Метаграммы, шарады, ребусы 122

Книжная полка 124

4 р. 10 к.